

ДРУГАЯ
за

ЭЛА САВИЦКАЯ

Влюбиться в человека, который вскоре женится на другой — моя большая ошибка. Но ещё большая ошибка понадеяться, что он предпочтёт ей меня. — Сколько у нас времени, Давид? — затаив дыхание, смотрю в серьёзные глаза любимого. — Пара месяцев... Может, три. — А потом... — А потом я уеду и женюсь, — меня обдаёт холодом, — Ты согласна на это?

Оля

— Неужели это я?

Подруга трепетно рассматривает себя в зеркале, то и дело осторожно касаясь пальцами кончиков пышных накрашенных ресниц.

— Конечно, Мариам! Ты у меня красавица!

Улыбаюсь, складывая в косметичку подводку, тушь и прозрачный блеск для губ. Сама не могу оторвать от неё взгляда, довольная тем, что в результате получилось.

— Просто непривычно с подведенными глазами. Как думаешь, ему понравится? — спрашивает подруга и стремительно краснеет.

— Ты ему нравишься и без макияжа, Мари, — успокаиваю её. — А я просто подчеркнула твои и без того выразительные черты лица.

— Не подумает, что я выгляжу развратно? — испуганные глаза находят меня в отражении, а я только шире улыбаюсь.

Нашлась развратница. С её внешними данными можно было бы покорять модельный бизнес. Привлекательное невинное личико, длинные ноги и стройная фигура — она просто идеальна. Но несмотря на все свои достоинства, Мари самая правильная из всех моих знакомых, и самая послушная. Дело в её родителях и слишком консервативном воспитании. С такой семьёй, как у неё, сложно быть другой.

— Нет. Демьян знает, что ты и разврат это два противоположных слова, которые даже в одном предложении ставить вместе нельзя.

Я тяну за резинку, распуская её тяжёлые гладкие волосы и расправляю их пальцами.

— Всё, можно идти покорять.

Мариам встаёт, взволнованно одергивая подол бесформенной футболки, которую она носит дома при гостях, так как обтягивающие майки и топы ей строго запрещены.

Щеки красные, глаза блестят, выдавая волнение. Глупая моя.

Она безумно влюблена в лучшего друга её старшего брата, и хоть и твердит, что вместе им не быть, а все же очень хочет ему нравиться. И я её понимаю. Как никто, наверное.

Набравшись смелости, Мари направляется в сторону двери, в которую как раз в этот момент раздаётся стук.

— Мари, парни проголодались, может накроешь нам чего перекусить? — в дверном проёме показывается Давид, и теперь уже зачем-то одергиваю юбку я.

Нервно пробегаюсь ладонями по волосам, машинально приглаживая их.

Парню хватает всего мгновения, чтобы поймать в фокус лицо своей младшей сестры. Широкие брови сходятся к переносице, а взгляд становится более цепким.

Мы с ней синхронно замираем.

Сейчас начнётся...

Хоть я едва ли тронула её лицо косметикой, а все же не заметить изменений невозможно. Мари никогда прежде не красилась.

Давид резко шагает вперёд и берет сестру за подбородок.

Стискивает зубы, прежде, чем перевести давящий взгляд на меня.

— Это ты сделала? — выплевывает пренебрежительно.

— Да. Ей идёт, правда? — стараюсь сгладить ситуацию и мягко улыбаюсь.

— Не идёт, — отрезает Давид, — сестра, смой быстро эту грязь. Не хватало, чтобы тебя мать увидела. Она же тебя в порошок сотрёт.

Глаза подруги стремительно наполняются слезами, но я не даю ей испортить то, над чем мы так кропотливо трудились. Тяну её за руку на себя.

— Твоя мама придёт только через час. Успеешь как минимум накрыть на стол.

И осуществить свое заветное желание — показаться Демьяну. Этого я не договариваю, но она меня понимает и без слов.

Кивнув, быстро ретируется из спальни, боясь вероятно, чтобы рассерженный брат сам не пошёл смывать с неё косметику, и тем самым оставляя меня с ним наедине.

А вот это уже плохо...

— Ты что о себе возомнила? — гневно цедит он сквозь зубы.

— Так нельзя обращаться с людьми, как вы, Давид, — вскидываю подбородок, намеренно не демонстрируя как его тон на самом деле на меня действует. — Это твоя сестра. И ничего страшного я не сделала. Всего лишь подвела глаза подводкой и тушью.

— Мариам не красится. Эти привычки выставлять себя на показ оставь себе, — делает шаг в мою сторону, а я инстинктивно отступаю назад.

Комната довольно маленькая, а когда в ней находится Давид и вовсе дышать нечем становится.

— Я не выставляю себя напоказ!

— Да что ты? Губы свои постоянно красишь красным, чтобы заметили.

Чтобы ты заметил, дурак...

Давид шагает ещё ближе, а у меня неконтролируемо сбивается пульс, разгоняя кровь по венам.

— Вообще не понимаю, что Мариам в тебе нашла, — давит он, — Вы такие разные. Она домашняя девочка, а ты... ты же как стрекоза, Оля. То тут, то там.

— Это плохо? — упираюсь бедрами в стол, когда он максимально сокращает между нами расстояние.

В лёгкие уже токсинами проник его запах и травит меня, но я этого не показываю. Никогда не показываю, что Давид для меня значит больше, чем может показаться. Что его открытая беспричинная неприязнь ранит меня.

— А что хорошего? Живёшь без проблем. Своими крошечными мозгами не в состоянии подумать, что Мариам достанется из-за твоего желания сделать её похожей на тебя. Наша семья не такая как твоя, Оля. Это тебе позволено шляться вечерами непонятно где и с кем.

Обида вспышкой боли растекается в грудной клетке, и я со всей силы сжимаю кулаки.

— Я не шляюсь нигде.

— Ну да. А позавчера я не тебя видел около пивбара?

В горле ком собирается, а горечь обжигает язык. Да, я была там... Только пиво я терпеть не могу. Как и все пивбары в нашем городе. Могла бы, снесла их к чертовой матери.

Чувствую, как тяжело начинает в груди биться сердце.

— Молчишь? — выплевывает он, ступая ко мне вплотную и нависая тяжёлой тенью. А я закрыть нос пальцами хочу, чтобы не вдыхать его запах. Чтобы также ненавидеть, как и он меня. — Запомни, Оля, я слежу за тобой. Не смей втягивать Мариам в неприятности.

— То есть шататься по клубам и заводить сомнительные связи позволено только тебе? — не выдерживаю я.

Для Давида нормально часто с друзьями бывать в барах и уходить оттуда периодически

с разными девушками. Одной постоянной у него нет. Зато шведский стол просто ломится от изобилия однодневок.

— Да, — не отрицает он.

— Очень странно не находишь? Тебе можно все, а ей ничего?

Как же трудно вот так стоять, когда он прижимается ко мне. Когда его дыхание касается моей щеки, а ладони лежат по обе стороны от моих бёдер на поверхности стола. Если бы только можно было потянуться и прикоснуться к его губам. Я бы, наверное, все отдала, чтобы он не оттолкнул. Но не вот так, когда между нами трещит неприязнь. Когда в его глазах я мелкая пьянчужка и кто там ещё? Шлюшка? Наверное, так он думает в мой адрес.

Смешно. Шлюшка, у которой никогда не было интимных отношений. Давид бы удивился, но я ему ни за что не признаюсь. Оправдываться никогда не стану.

— Да, мне можно всё. А Мариам — девушка, будущая жена. Она должна быть незапятнанной, в отличие от некоторых.

Брезгливо произносит он, и эта его фраза меня добивает. Словами наотмашь бьет, как если бы он ударил физически, напрямик в солнечное сплетение.

Со всей силы толкаю засранца в грудь.

— Как и твоя будущая жена? — язвлю несдержанно, — Она тоже вот так же послушно сидит в Армении и ждёт, когда ты, переспав с половиной женского населения прискочишь к ней и станешь верным?

Давид резко хватается меня за локоть и дёргает на себя.

— А это не твоё дело!

— Конечно, куда уж мне? Все эти ваши странные традиции моим крошечным умом не понять. Жениться на той, кого даже не любишь! Потому что, если бы ты её любил, не спал бы здесь с каждой второй, — почти выкрикиваю.

— Оля, не лезь куда не просят!

Карие глаза темнеют, а на суровом лице вздуваются желваки. Ощутимая ярость, исходящая от него стеной, врывается в меня, но вместо того, чтобы испугаться я выдергиваю свою руку, и сама уже сокращаю между нами расстояние настолько, что и миллиметра не остаётся. Моя грудь упирается в его напряжённую, каменную. Хочется снова толкнуть его за то, что ни черта не понимает. Не видит, как я смотрю на него, как жду, когда перестанет ненавидеть. Я чёрт возьми даже не понимаю откуда у него это ужасное отношение ко мне, ведь, когда мы только познакомились было всё нормально, а потом его как подменили. В один день просто взял и начал смотреть, как на букашку под ногами.

— А то что? — спрашиваю, не разрывая зрительного контакта. — Что ты мне сделаешь?

Давид стискивает челюсти, и кажется, вот-вот и схватит меня. Взгляд чёрных, как сама ночь глаз обжигает, оставляет ожоги на коже. Он опускает его на мои губы, и я вижу, как ещё сильнее искривляются его собственные. Ну да, ведь мои накрашены такой ненавистной ему красной помадой.

Ответить Давид не успевает. Внизу хлопает дверь, и посреди тишины слышится голос Лусинэ — матери Мариам. Давид застывает, а я холодею. На спине выступает ледяной пот. Почему она дома? Должна же была прийти только через час, сама говорила, когда собиралась за покупками.

По лицу Давида пробегает тень. В черных глазах яркой вспышкой горит «Я убью тебя», а я только и могу думать, что о подруге. Её мать — страшная женщина. Ей ничего не стоит, как закрыть дочь на неделю дома, если она хотя бы в чём-то провинится. А виной в её

понимании является даже опоздание на десять минут с танцевального кружка.

Разворачиваюсь, хватаю сумку, и с тарабаниющим сердцем, бегу вниз. Едва не падаю с лестницы, но вовремя хватаюсь за поручень. Пробегаю мимо зала, в котором болтают Демьян с Сашей, а уже на подходе к кухне различаю полный тихой ярости голос.

— Это что такое?

— Мам, я же не сильно, — оправдывается Мариам дрожащим голосом.

Чёрт, чёрт. Резко торможу около кухни и несколько раз быстро вдыхаю и выдыхаю.

— Добрый день, — заходить стараюсь спокойно, чтобы не показать, что бежала.

Лусинэ стоит напротив Мариам и разглядывает её также, как Давид всего несколько минут назад. Услышав меня, поворачивает в мою сторону голову и прибавляет взглядом к месту.

— Это ты её нарисовала?

— Да. Вы не ругайте пожалуйста Мариам. Я просто на курсы пошла и мне нужно было потренироваться, — выпаливаю первое, что пришло на ум, — на манекене неудобно. Все же на живом человеке совсем другое дело. Кожа, ресницы...

Тонкие женские губы складываются в тонкую линию, и её ярость уже направляется на меня, а не на дочь. Это хорошо, пусть лучше так. Меня-то она дома не закроет.

— Не нужно использовать Мариам в качестве живого манекена. Найди себе кого-то другого для экспериментов. А ты, — поворачивается к дочери и тычет ей пальцем в лицо, — иди смой всё это. И чтобы больше я этого не видела. Поняла?

Фух, кажется пронесло. Облегченно выдыхаю.

Спешно согласившись, Мариам разворачивается, а проходя мимо меня, незаметно касается моей руки холодными пальцами и кивает в благодарность. Провожая её взглядом и тут же слышу недовольный голос Лусинэ:

— Мы скоро будем ужинать. Тебе пора, Оля.

Да, на ужин меня почти никогда не приглашают. Только если это делает Мариам при своём отце. Он, в отличие от Лусинэ, не питает ко мне такой антипатии.

— Я и так собиралась уже уходить, — отвечаю, равнодушно пожимая плечами, — До свидания. И приятного аппетита.

Прохожу в коридор и наспех обуваюсь, даже не зашнуровывая ботинки. На улице зашнурую. Эта женщина вызывает у меня прямо мороз по коже, и когда она дома мне хочется скорее ретироваться.

Уже выпрямившись, замечаю стоящего у стены Давида. Сложив руки на груди, он исподлобья следит за каждым моим действием. Тоже, вероятно, не дождетя когда я уже уйду.

Разворачиваюсь и выхожу, не прощаясь. Неприятно, когда человек, о котором я думаю двадцать четыре часа в сутки является свидетелем моего же унижения, но это ничего. Я готова стерпеть.

Я слишком люблю Мариам, чтобы из-за её матери не приходиться к ней или перестать общаться. Я нужна этой девчонке, как и она мне. Только дружба с Мариам помогает мне самой не думать о том, что меня ждёт дома. *Привет, мои! Я страшно соскучилась!))))))*

Оля

— Побежали, Алис?

Поправляю на голове сестры капюшон дождевика и беру её за пухлую ручку. Дожидаюсь пока она с азартом кивнет, и мы начинаем бежать. Быстро, насколько можем. Под залиvistый смех Алиски оббегаем лужи и перепрыгиваем через льющиеся по дороге ручьи.

Мне в отличии от любящей дождь сестрёнки, непогода совсем не по душе. Ещё и такая. Когда ветер деревья к земле клонит, а остервенелые крупные капли безжалостно бьют в лицо. Зонт бы не выдержал подобного испытания и точно вывернулся бы наизнанку, поэтому я даже не пыталась его открыть. Главное, Алиска в дождевике, а я промокнуть не боюсь.

Зря, наверное, ведь за окном февраль. Если бы зима у нас была человеческая, шел бы пушистый снег, но в последние годы климат сильно поменялся.

— Наш автобус, Ось, — указывает пальчиком Алиска на подъезжающую маршрутку, в которую битком набиваются такие же промокшие пассажиры. — Успеем?

— Успеть-то успеем, но не влезем.

Так и есть. Даже последним двум ребятам приходится выйти, потому что и без того хлипкая дверь банально не закрывалась, пока они висели на ступеньках.

Следующего автобуса приходится ждать пятнадцать минут. В хорошую погоду мы с сестрой обычно ходим пешком через парк. Там есть небольшой пруд, в котором плавают утки и лебеди. Алиска просто обожает их кормить. Но сегодня дождь спутал наши планы, поэтому придётся давиться в автобусе.

На самом деле живем мы недалеко. Просто расположение у детского сада неудобное. Либо через парк, либо в обход, но тогда дорога занимает намного дольше времени.

Домой мы попадаем запыхавшиеся и вымотанные. Мало того, что я промокла до нитки, так еще и лифт не работает. Пришлось снимать с Алиски дождевик с курткой, чтобы она не запарилась, и топать пешком на седьмой этаж.

— Я устала, — хнычет сестрёнка, тяжело падая на свой стульчик в прихожей.

— Знаю, малыш, я тоже. Но мы сейчас подкрепимся и снова станем сильными, — стягиваю с неё резиновые сапожки и подталкиваю к ванной комнате.

Собственные мокрые ботинки и куртку забираю с собой в комнату, чтобы повесить на батарею. Завтра в школу, а если они не высохнут мне идти будет банально не в чем.

Возвращаясь обратно, замечаю мокрые следы на полу от моих же носков. Быстро сняв их, уношу в ванную и бросаю в корзину для белья. От холода меня мелко трясет. Включив горячую воду, держу под ней руки дольше обычного, чувствуя, как долгожданное тепло растекается под кожей.

— Ось, а папа дома?

Интересуется из-за спины Алиса.

— Не знаю, — выключив воду, вытираю руки и обнимаю её за плечи, — пойдём переоденемся и покушаем.

В зале свет не горит. Может отца и правда, нет?

На всякий случай включаю свет в прихожей. Комната Алисы смежная с залом, в

котором ночуют родители. Мы тихонько ступаем туда, чтобы если папа спит, не разбудить его. Это чревато. Нам гораздо проще и лучше, когда он в состоянии отключки.

— Ось, а где телевизор? — резко остановившись посреди зала, Алиса указывает пальцем на пустое место на стене.

Я едва не охаю и тут же прикрываю рот ладонью.

Ещё утром здесь находилась большая плазма, по которой мы полтора года назад всей семьей могли смотреть семейные фильмы и мультфильмы. Это было наше любимое семейное времяпровождение по выходным или на каникулах.

В груди больно стягивает.

— Не знаю, малыш, — отвечаю шепотом и тут же вздрагиваю, потому что в эту секунду с дивана раздаётся храп. — Пойдём быстрее, а то папу разбудим!

Мягко подтолкнув сестру к комнате, я спешу закрыть за нами дверь. В горле растёт ком. Если мама увидит, что плазмы нет, она жутко расстроится. Снова начнётся скандал, бесконечные упрёки, и опять буду виновата я. Всегда виновата только я.

— Ось, а мы теперь не будем смотреть мультики, да?

Зеленые глазки Алисы пытаются найти у меня ответ, когда я сама тщетно борюсь с тем, чтобы не выдать как на самом деле мне больно.

— У тебя же планшет есть, — сняв с неё штанишки и кофточку, помогаю переодеться в домашнюю одежду.

— В планшете смотрю только я. А по телевизору мы с тобой вместе смотрели. И с мамой.

И с папой... но этого она наверное, не помнит. Маленькая была.

— Я и на планшете с тобой посмотрю, не переживай!

Щелкнув малышку по носу, я завязываю ей хвостик и вывожу из комнаты. Храп папы стал громче, а значит уснул он крепко.

Бросив ещё раз тоскливый взгляд на пустую стену, отправляю сестру на кухню, а сама быстро переодеваюсь в своей комнате. Избавившись наконец от мокрой одежды, прилипшей к телу, натягиваю теплую кофту и спортивные штаны с носками. Приму душ позже. Пусть сначала Алиса покушает и сядет за мультики. Может, к тому времени мама уже вернется.

На кухне меня ждет уже привычная картина. На столе стоят несколько пустых стаканов, а на полу валяется три бутылки из-под коньяка. Тарелки, на которых, вероятно, была закуска, судя по застоявшемуся запаху ветчины и сыра, занимают часть стола. На другой валяются остатки помидоров и кислых огурцов. Их просто откусывали и отбрасывали что ли?

Ощущение, что ели свиньи, а не люди. И так почти каждый день...

Вздохнув, быстро сбрасываю все это в мусорное ведро, и собираю посуду. Алиса уже уткнулась в планшет, стоящий на подоконнике, поэтому не видит моего выражения лица. То, что она растёт в такой обстановке — отвратительно до слез. По началу она пугалась грязи и людей у нас в квартире, а теперь привыкла. И это ужасно привыкать к подобному.

Правда, ей легче, она не помнит жизни ДО. Не помнит того, как мы были счастливы и даже не знали, что такое выпивающий папа. Я помню его совсем другим — любящим и заботливым. Внимательным к нам. Помню его ласку, улыбки и смех.

— Ось, ну когда мы будем кушать? — вопрошает сестренка, и я опомнившись, открываю холодильник.

Отыскав вчерашнее пюре, разогреваю его в микроволновке. Стоящая в раковине,

немытая кастрюля из-под мясной подливки говорит о том, что ветчины отцу с его друзьями было недостаточно. Мог бы хотя бы Алисе пару кусочков оставить, но нет, ему это не пришло на ум!

Обнаружив на полке в холодильнике вареную колбасу, жарю нам с сестрой несколько кусочков. Все же не просто пюре, уже хорошо.

После ужина мою посуду, расставляю всё по местам, и мы с ней отправляемся каждая в свою комнату. Алиса продолжать смотреть мультики, а я — делать домашнее задание.

Усевшись за стол и подготовив учебники с тетрадями, замечаю, как мигает мобильный телефон, знаменуя о новом сообщении в мессенджере.

«Спасибо, Оль, за то, что прикрыла»

Мариам.

«Не за что. Всё нормально у тебя?» — печатаю и отправляю ответ.

«Да. Ловко ты придумала про курсы. Прости, что из-за меня тебе пришлось врать. Я уже пожалела, что попросила тебя меня накрасить. Мне очень жаль, правда»

Качаю головой, откидываясь на спинку стула. Мариам как всегда. Извинится за всех подряд.

«Перестань. Ничего в этом такого нет. С Демьяном-то успела поговорить?»

«Да (смущенный смайлик), он сказал, что я красивая. И кстати, после того как ты ушла, Давид тоже признал, что мне шел макияж»

За ребрами прокатывается колючая волна, а пальцы крепче сжимают телефон.

«Что ж он тогда так требовал, чтобы смыла всё?»

«Переживал, что мама будет ругать. Он знает, что она не приемлет этого, вот и волнуется за меня»

Давид любит сестру, это факт. Я не раз замечала его заботу в её адрес. Но это не даёт ему права говорить со мной таким тоном, как сегодня. Тем более, что я этого не заслужила.

«Не обижайся на него, Оль» — мое молчание, видимо, заставляет Мариам написать следующие сообщения. «Я не знаю почему он так грубит тебе. Раньше не замечала за ним подобного, только в последнее время, и только с тобой. Я поговорю с братом и постараюсь это исправить. Ты мне очень дорога, я не хочу, чтобы он тебя обижал»

Прикрываю веки и глубоко вздыхаю. Значит, я права. Он только со мной так стал себя вести. С другими Давид всегда вежлив, даже со своими однодневками. Один раз я видела его в клубе с друзьями. Он не ведет себя как циничный придурок с девушками. Нет. Он умеет очаровать так, чтобы они сами захотели с ним уехать. Очаровать всех, кроме меня. Иногда создается ощущение, что он намеренно меня оскорбляет. Только почему? Я ведь абсолютно ничего ему не сделала.

«Не нужно ни с кем говорить» — вбиваю ответ, «Мне всё равно на него».

Несколько раз пишу последнюю фразу, потому что на самом деле она идёт в разрез с тем, что я чувствую, но в итоге отправляю. Не нужно Мариам ничего знать.

«Нет, я поговорю. Ты уроки уже сделала?»

Точно, уроки...

Выпрямившись, осматриваю пустую тетрадь.

«Сажусь только. Буду грызть гранит науки, так что если что — отвечать смогу не сразу».

Отправляю и таки проваливаюсь в бездну школьных предметов. Углубляюсь настолько сильно, что не замечаю, когда хлопает входная дверь. Вздрагиваю лишь, услышав:

— Это что такое? Где телевизор, Витя?

Что ты там говорил, Давид, по поводу беспроблемной жизни стрекозы Оли? Ай-ай-ай!!

Оля

— Чё орешь, Марина? Голова раскалывается!

В голосе отца звучит усталость и упрек, пока мама сокрушается по поводу исчезновения дорогой плазмы.

— Вить, ну зачем? — ее надломанная интонация отдаётся болью в моей груди, — Ну что ты творишь?

Плачет. Мама плачет, а мне хочется ладонями уши зажать, чтобы не слышать этого. Их ссоры стали частым явлением в нашем доме, и если поначалу я надеялась, что кошмар скоро закончится, то теперь просто смиренно принимаю происходящее.

— Да мы все равно его не смотрели. Каждый в своем телефоне сидите, — бросает папа и судя по раздающимся шагам по коридору, направляется на кухню.

— Он же денег каких стоил! Витя! Перестань выносить из квартиры технику, у нас так скоро ничего не останется!

— Да? Привыкли жить на широкую ногу благодаря мне! — бьёт по самому больному папа. — Всё что хотели у вас было! Поехали в Турцию, Витюш, — коверкает мамину интонацию, — Ездили. Вить, нужна сковорода гриль. Купил. Всё покупал, что хотели. А теперь имею право всё, что купил и продать. Нету больше кормильца Вити!

Это очередной камень в мой огород. Папа знает, что я слышу.

— Да как нету? Ты же сам себя хоронишь! — мама в который раз пытается тщетно достучаться до него, — Витенька, перестань пить и поймешь, что жизнь не остановилась. Она идёт дальше, просто теперь иначе.

— А что так? Самой работать надоело? Не привыкла, да, Маринка? Принцесса ты моя на горошине, что ж поделать. Никогда не знаешь где найдёшь, где потеряешь. Корми теперь детей сама!

Я зажмуриваюсь, чувствуя, как по щеке течет слеза. Это не папа. Не тот папа, которого я знала раньше. Тот, прежний, никогда бы не позволил себе так разговаривать с мамой. И слово "детей" не произносил бы с таким отвращением.

Он любил нас... Когда-то.

— Моей зарплаты на всё не хватает! Витя, не сравнивай прошлую свою, и мою в школе. Если ты будешь и дальше всё выносить, нам придется по соседям ходить и еду выпрашивать! Бутылку дай сюда! Витя! — истерические нотки в голосе мамы заставляют в груди всё сжиматься. Не замечаю, что сдавливаю ручку так сильно, что пластмасса жалобно трещит.

— Поесть вон лучше приготовь, холодильник пустой. А ну не дергай, — рывкает папа, — сюда сказал, дай! — слышится возня и удар кулаком по столу. Я в комок сбиваюсь, — Алису пусть завтра бабушка заберет, у Олега день рождения, я их к нам позвал.

— Зачем к нам? Чем я кормить их буду? — обессиленно спрашивает мама.

— Сваргань что-то по-быстрому.

— Я не успею. Ночь почти на дворе.

— А не надо было шляться до ночи, — грубо отвечает папа, — Приходить начала поздно, это что за уроки такие у тебя?

— В две смены!

— Смотри мне!

Мимо моей комнаты снова раздаются шаги, а потом в зал захлопывается дверь.

Я только сейчас отмираю. Словно из вакуума выныриваю. Медленно моргаю и на тетради прямо передо мной замечаю размытые от слез клеточки, в которых некрасиво поплыли цифры. Трогаю щеки и стираю влагу тыльной стороной ладоней. Ненавижу, когда папа просыпается. Лучше бы спал до самого утра.

Если бы можно было, я бы вообще из своей комнаты не выходила, но мысль о том, насколько плохо маме не позволяет мне этой слабости.

Отодвинув стул, встаю и тихонько выхожу в коридор. Проверяю, действительно ли закрыта дверь в зал. Алиса, скорее всего, в наушниках. Когда она слышит, что родители начинают кричать, тут же водружает их на голову. Это я её научила. После того, как она однажды сильно испугалась крика отца, и прибежала в слезах ко мне в спальню, я купила ей наушники на последние накопления и велела надевать их всякий раз, когда она почувствует тревогу.

Ступаю бесшумно, боясь привлечь к себе внимание отца. А когда захожу на кухню, не могу не испытать укол боли. Мама стоит около окна и опирается на него ладонями. Плечи опущены, спина сгорблена.

Когда-то до безумия красивая она больше совсем на себя не походит. Словно за полтора года состарилась на целых двадцать. Былые ухоженные блестящие светлые волосы собраны в свободный пучок на затылке, а печать произошедшего с отцом отложилась во всем её облике. И нет, это не из-за того, что у неё больше нет финансов, чтобы поддерживать красоту косметическими процедурами. Дело в том, что она изменилась внутренне.

Подхожу и боязливо обнимаю её со спины. Если бы я только могла, я бы вернула время вспять и в тот злополучный день просто пошла гулять с друзьями. Тогда бы все было по-старому. Папа был бы, как и раньше весёлым, уверенным в себе, обаятельным до невозможности и бесконечно любящим нас троих.

Воспоминания прошлой жизни больно полосуют сердце, а я крепко прижимаюсь к маме, втягивая носом родной запах. Не могу сдержать всхлип.

Холодные ладони ложатся поверх моих, и я слышу, как мама сама беззвучно плачет.

— Всё будет хорошо!

Она всегда это говорит. И я бесконечно благодарна, что хотя бы она не винит меня в случившемся. В отличии, от отца.

— Будет, — не имею права не поддержать её я.

— Как Алиска? — смахнув с лица слезы, находит мое лицо в оконном отражении.

— Хорошо всё, — стараюсь взять себя в руки. И если раньше мне это удавалось намного сложнее и требовалось много времени на то, чтобы не плакать, сейчас я научилась блокировать эмоции хотя бы ради мамы, — пробежались с ней под дождем.

— Она довольна, наверное?

— Очень. Это же очередное «приключение».

Так Алиса называет всё, что идет не по плану. Дождь, снег, ремонт дороги, вынуждающий нас топтать по выкопанной земле, новый маршрут. Все эти незапланированные приключения она просто обожает.

— Вы покушали?

— Да. Не переживай.

— Умницы, — развернувшись, мама берёт моё лицо в ладони и стирает большими пальцами в уголках моих глаз слезы, хотя у самой глаза блестят не меньше, — я завтра

заберу Алису, и мы поедem к бабушке. Ты на танцы не иди, а после школы поезжай туда сама.

Отрицательно мотаю головой.

— У нас скоро выступление. Завтра репетиция до самого вечера, а послезавтра на первом уроке контрольная. Если буду ехать от бабушки не успею на неё, потом самой писать не охота, да и Любовь Григорьевна будет верещать, ты же знаешь.

Брови мамы сходятся к переносице.

— Как же тогда быть? Друзья папы могут разойтись за полночь.

— Не волнуйся, я придумаю что-то. Может, у Мариам переночую.

Если, конечно, её мать разрешит после случившегося сегодня.

— Хорошо. Я тогда сейчас за плиту, что-то приготовлю, а остальное уже пусть завтра сам покупает, — мама заводит мне локон за ухо и легко меня от себя отстраняет, чтобы открыть холодильник.

— Давай помогу!

— Не надо, Оля. Иди в душ и ложись!

— Мам...

Внимательно смотрю ей в спину, но мама непробивная.

— Ложись. Сама сказала — завтра контрольная.

Отвечает, даже не оборачиваясь. Но я-то понимаю, что причина не в контрольной. Я не знаю что должно случиться, чтобы она меня еще хотя бы когда-нибудь подпустила к плите.

Вздыхнув, желаю ей спокойной ночи и ухожу в спальню. Перед сном пишу Мариам и спрашиваю о возможности завтра переночевать у неё. Подруга обещает утром спросить у отца.

Мариам всегда легче договариваться именно с папой. В их семье так — если отец сказал, то его жена подчиняется без лишних разговоров и вопросов, даже если ей того не хочется.

Но если бы её воля, Мариам бы сидела на домашнем обучении без права выхода на улицу.

Оля

— Ось, если я прыгну ты меня удержишь?

Алиса крепко сжимает мою ладонь и намеревается перескочить лужу.

— Нет, конечно. Боюсь, мы тогда вместе с тобой грохнемся. Это когда тебе было два года я легко могла тебя за руку перенести, а теперь всё — плюшечка выросла.

Алиса расстроено вздыхает и самостоятельно перепрыгивает озерцо из грязной воды.

Сегодня погода сжалилась, выглянуло яркое солнце, разогнав вчерашние тяжелые тучи. Ветер стих, на небе плывут белые кудрявые облака. Вот бы так до конца зимы продержалось, а потом и весна наступит. Три месяца и всё — прощай школа, привет, летние каникулы и поступление в юридический вместе с Мариам.

Не то, чтобы я не любила школу. С классом мне повезло, ребята нормальные. Не все, но общая масса точно. Просто, когда я поступлю, то смогу официально переехать в общежитие. Подальше от отца.

— Оль?

Позади слышится знакомый голос, как раз, когда мы с Алисой собираемся переходить дорогу.

Синхронно с ней оборачиваемся.

Мишка.

Мой друг детства подходит к нам и обнимает обеих за плечи.

— Привет, девчонки!

— Миша, привет, — приветливо улыбается Алиса.

Она его просто обожает! Мы с Помазовым познакомились во дворе, когда мне было семь, а ему восемь. Никто из друзей не вышел гулять и мне пришлось в полном одиночестве сидеть на карусели. Тогда-то и подошел Миша. Предложил меня раскрутить. Сделал он это на славу, я визжала, как сумасшедшая. С того дня мы начали гулять вместе. И сколько бы людей, компаний, симпатий вокруг нас не изменилось, одно остается неизменным — наше общение.

Потом родилась Алиса, и Мишка составлял мне компанию, когда я выходила, чтобы погулять с ней в парке. Прозвище «плюшка» придумал именно он, потому что сестренка просто обожает эти сладкие мучные изделия и постоянно изваюкивается в сахаре, когда их лопают.

— Привет, — клюю его в щеку, и мы все втроём идем вперед по зебре. — Ты чего здесь?

— Да вас заметил, решил проводить. Потом вместе пойдём на остановку.

Миша берёт Алису за другую руку, и мы с ним заговорщицки переглянувшись, поднимаем ее над землей, чтобы перенести через лужу.

Сестра счастливо верещит, довольная, что таки удалось полетать.

— Ещё, ещё! — требует, дергая нас за руки, а нам и не сложно.

Выполняем её желание и тоже заражаемся её заливистым смехом.

— Всё, плюшка, я выдохся, — после пяти минут таких полётов, сдаётся Мишка. — Пожалей старика.

— Лааадно, а ты вечером тоже придёшь? — заглядывает ему в лицо Алиса, и от меня не укрывается, как её щечки покрываются румянцем. — Заберёшь меня?

Вот это да! Девчонке пять лет, а она уже включает кнопку, отвечающую за кокетство. Миша тоже это замечает, поэтому приседает перед ней на корточки и заботливо поправляет широкий вязаный шарф на ее шее.

— Сегодня не смогу, плюш, давай на следующей неделе.

— Почему? — недовольно поджатые губы вызывают у меня умиление.

— Потому что сегодня у меня тренировка.

— А тебя заберет мама, — тормошу её бубон, — и вы поедете к бабушке.

— Не хочуууу!

Алиса как и я не любит ездить на другой конец города, потому что тогда ей приходится просыпаться намного раньше, чтобы мама успела привести её в сад вовремя. А ещё вместе с бабушкой живёт её ещё одна дочь от второго мужа. И этот человек настолько же завистливый и злой, насколько и лицемерный. Всегда норовит уколоть маму, или нас с Алисой по любому поводу. Сначала это было что-то вроде «вышла замуж за буржуя, потом плакать будешь», а теперь «А я говорила! Твой Витя ничем не лучше остальных. Сама теперь виновата во всём, нечего рыдать».

Бббрр, ненавижу!

— Верю, но зато поиграешь с бабушкой в лото, — стараюсь найти плюсы для сестры и хотя бы как-то подбодрить. Лото она просто обожает! — Так, малышка, пойдём, а то на завтрак опоздаешь! Пропустишь запеканку.

— Беее, — кривит мордашку Алиса, — пока, Миша.

— Пока, плюш, — машет он.

Через десять минут запарившаяся и вся мокрая, я выхожу из сада. Пока эту егозу разденешь, семь потов сойдёт.

— Погнали? Если поспешим успеем на семьдесят второй, — встречает меня Миша.

— Надо успеть!

Семьдесят второй идет прямо к школе. Очень удобно, не придётся проходить ещё квартал от другой остановки. А дальше этот маршрут едет прямо к «Университету», в котором как раз учится Помазов.

И Давид с ребятами тоже.

Мы не раз с Мари после уроков прогуливались туда. Она — чтобы как бы невзначай встретиться с Демьяном, а я... чтобы увидеть Давида.

На автобус мы успеваем вовремя. Людей отсюда едет немного, поэтому мы занимаем свободные места.

— Зачем Алиску к бабушке отправляете? Опять отец чудит?

Сочувственный взгляд друга касается моего лица, и я киваю. Опускаю взгляд на грязный пол.

— Да.

— Жесть. Как твоя мама справляется... я не представляю. И не ушла же еще от него...

Я тоже не представляю. И если бы раньше даже не допустила мысли о её уходе, то сейчас этот вариант отрицать не могу. Хотя мама очень любит отца. Любила... Он был для неё всем миром. Как она только не пыталась вернуть его к прошлой жизни. В клиники обращалась, тратя баснословные деньги, к психотерапевтам. Только напрасно всё. Папа сам, кажется, не желает возвращаться.

— Я не знаю на сколько её хватит!

— А ты сама как? Под глазами мешки опять. Не спала, Оль?

— Как и обычно в последнее время.

— Тебе надо развеяться. Давай как-то в кино махнём. Я плачу!

— Да не надо, Миш.

— Никаких не надо. Как будто я не знаю ваше положение.

Друг толкает меня в плечо, а я прикидываю, что на самом деле не прочь развеять мозг.

— Ладно, давай. Я за. Только заплачу за себя сама.

— Ну смотри.

— Ты сам как?

— Да норм. Грузят только конкретно по учебе. Бошка взрывается.

— Как Света?

— А никак. Мы расстались.

Отмахивается, а я закатываю глаза. Не удивительно даже. У него дольше, чем месяц отношения не длятся. Шило он, вечно тянет куда-то в другую сторону.

— Дурило ты, Мишка! Когда уже нагуляешься?

— Вон плюшка вырастет и тогда остепенюсь! — играет бровями, за что тут же получает от меня локтем в ребро.

— Только попробуй!

— А чё? Разница в возрасте четырнадцать лет не так уж плохо!

— Даже вот не начинай!

— Мужчина в самом расцвете сил!

— Миша!

— И нежная двадцатилетняя плюша.

Последняя фраза заставляет его самого запнуться. Мы оторопело смотрим друг на друга, одновременно кривимся от отвращения, и начинаем смеяться.

— Блин, точно инцест. Она же мне как сестра!

Ну наконец на него снизошла умная мысль!

Следующие несколько остановок мы болтаем, а потом я, чмокнув его на прощание, выхожу из автобуса.

Мариам вижу почти сразу. Она как раз выбирается из автомобиля отца, рядом с которым на переднем сидении сидит Давид.

Мой взгляд безоговорочно цепляется именно за него. На парне кожаная куртка, а вокруг шеи небрежно наброшен черный узкий шарф. Он передает сестре перчатки и не замечая меня, что-то говорит ей.

А у меня пульс разгоняется, как самолет на взлетной полосе. От того, как легко улыбается, и как при этом собираются крошечные морщинки в уголках его глаз.

Разве можно влюбиться в улыбку? Господи, да. Можно. Отвечаю с полной уверенностью, потому что его улыбка — это то, что может заставить моё сердце дрожать. Подпрыгивать в агонии и мечтать, чтобы хотя бы раз он вот так улыбнулся мне.

— Оль, — заметив меня, Мариам машет рукой, подзывая к ним.

Медленно вдыхаю и выпрямляю спину. Глаза Давида перемещаются на меня, и лучистые морщинки исчезают. Улыбка стирается, а его губы плотно сжимаются. Пока иду к ним чувствую, как его взгляд придирчиво проходится по мне от головы до ног. Вечно он смотрит так, словно я оборванка какая-то. Чувствую себя насекомым под микроскопом и от этого всегда неуклюже себя веду. Вот и сейчас почти дойдя спотыкаюсь, но Мариам ловит меня за руку.

— Осторожно, — улыбается, обнимая меня.

— Привет, — сжимаю её в ответ и немного склоняюсь, чтобы поздороваться с её отцом, — Доброе утро, Тигран Арманович!

Перевожу взгляд на Давида.

— Привет!

В ответ он холодно кивает, даже не посмотрев в мою сторону. На лобовом стекле, должно быть, что-то гораздо более увлекательное, чем я.

— Здравствуй, Оля, — низким голосом произносит отец Мариам, — Мариам сказала, что ты сегодня к нам на ночь?

— Если это не будет проблемой?

— Нет, конечно. Лучше вы у нас подготовите свой доклад вместе, чем будете на телефонах висеть пол вечера, зрение себе портить.

Доклад? Не успеваю удивиться, как подруга несильно толкает меня коленкой по ноге. Доклааад...

— Спасибо за понимание, — тут же подхватываю её изошрённую ложь.

— Да не за что. Хорошего дня, девочки!

— Спасибо, и Вам!

— Пока, пап!

— Пока, дочь.

Давид не считает нужным ответить. Только сестре подмигивает и поднимает стекло.

— Фух, — с облегчением выдыхает Мариам, едва машина отъезжает.

Я же, стараясь не обращать внимание на режущее ощущение в груди, выдавливаю из себя улыбку.

— Я, если честно, не надеялась даже, что твои родители разрешат.

— Да ну. Папа нормально к тебе относится, ты же знаешь, — подхватывает меня под руку подруга, и мы направляемся к школе.

— А мама не была против?

— Нет конечно. Я же при папе спросила.

Ну вот, что и требовалось доказать!

— Так что сегодня после танцев Давид нас заберёт.

— Он тоже потом домой? — стараюсь звучать как можно безразличнее.

По сути какая мне разница домой он или нет. Для меня все равно ничего не изменится, но вопрос как-то сорвался быстрее, чем я его успела обдумать.

— Нет. Вроде с парнями договорился в бар пойти. Нас завезёт только сначала.

— Ясно.

— А ты почему грустная такая? — внимательный взгляд подруги оседает на моем лице, и она приостанавливается, потянув меня за локоть. — Случилось что?

Отрицательно мотаю головой, мысленно отвешивая себе затрещину. Мариам не знает ни о проблемах в моей семье, ни о том, что я безнадежно влюблена в её брата. Говорят, друзьям нужно рассказывать всё, а я не могу. По поводу родителей не хочу выглядеть так, словно жалуюсь, потому что у неё самой то ещё семейство, а Дав... я точно знаю, что она скажет если узнает:

«Он скоро женится, Оля! У него и невеста уже есть, а ты ему не нужна!»

И нет, это будет не потому что она захочет обидеть. Просто жестокая констатация факта.

Их семья относится к тем, кто слепо придерживается традиций своего народа. Давиду уже давно выбрали невесту. Ани. Так её зовут. Она наша одноклассница и живёт в поселке, в котором выросли Мари с братом. Их родители давние знакомые и решили, что обязательно породнятся. Жениться на ком-то другой национальности у них строго запрещено. «Кровь должна быть чистой» как-то с горечью обронила Мариам.

Она тоже знает, что однажды выйдет замуж за армянина, несмотря на то, что может влюбиться в кого-то другого. Традиции их семьи — незыблемый закон.

Но хоть я и знаю, что моя любовь безответная и не имеющая перспектив, заставить своё сердце не биться чаще в присутствии Давида я не могу, как не пыталась. Оно несчастное сходит с ума всякий раз, стоит ему оказаться рядом.

— Уроки делала до самой ночи, — отвечаю, делая вид, что зеваю, и возобновляя наше движение ко входу в школу, — сейчас усну на физике!

— Ага, разбежалась. Тебя Инна Леонидовна быстро разбудит! — безоговорочно верит мне Мариам.

— А я постараюсь не храпеть! Если что пнёшь меня локтем.

Оглядываюсь на неё, и мы смеяёмся, заходим в школу.

Оля

После школы я отправляюсь домой. Нужно взять с собой форму для танцев, а также учебники с тетрадями на завтра.

Войдя, включаю режим мышки, чтобы не разбудить папу, если тот спит. Снимаю куртку, ботинки и на носочках отправляюсь к себе в комнату.

— Оля, это ты?

Голос отца ловит меня уже почти, когда я закрываю дверь. Резко торможу и выдыхаю. Проснулся.

Положив сумку на кровать, направляюсь в зал.

Картина, которая уже стала привычной, вызывает в груди болезненный спазм. Папа лежит на диване, забросив руку себе на лоб. Судя по той же самой одежде со вчерашнего дня не переодевался

— Оляяя!

— Я тут, — отвечаю, обрывая его надрывный крик и подходя ближе.

Он убирает руку со лба и сощуривает глаз.

— Воды мне принеси.

Скрипнув зубами, беру пустой стакан, стоящий рядом на стуле, и ухожу на кухню. Здесь пока что чисто, мама пол ночи убиралась. Набрав воды, ставлю стакан на стол, а сама открываю холодильник. Есть хочется ужасно.

С тех пор, как мне перестали выделять карманные деньги, я обедаю только дома. Раньше, когда отец хорошо зарабатывал я могла купить обед в школе или отправиться с ребятами в кафе. Теперь же от прошлой жизни остались только воспоминания.

На полке холодильника манят взгляд ароматные отбивные и тушеная картошка. Желудок тут же урчит в ответ на запах от гастрономических прелестей.

— Ну и где ты? — ворчливый голос отца звучит прямо за спиной, — Я бы с таким успехом сам себе сходил за водой. Пока дождешься тебя.

Обнаружив наполненный стакан, он берёт его и опустошает несколькими глотками.

— Смотрела, что у нас есть на обед, — отвечаю, цепляя пальцами нарезанную кружочками колбасу.

Мама и тут постаралась. Как будто он сам не в состоянии колбасы нарезать.

— Так возьми нормально поешь! — грузно садится на стул папа, — там Марина отбивные сделала.

Взяв тарелку, я накладываю себе две штучки и грею в микроволновке. Пока кручусь на кухне, чувствую на себе неотрывный взгляд папы, под которым мне неуютно.

— Как дела в школе? — впервые за долгое время интересуется он.

— Нормально, — жму плечами, усаживаясь за стол.

Было бы лучше уйти к себе в комнату, но это будет некрасиво с моей стороны. В кои-то веки папа сам пришел ко мне поговорить.

— Мальчик есть?

Поднимаю глаза и встречаюсь с ним взглядами. Отец сощуривается, пытливо всматриваясь в моё лицо.

— Нет.

— Смотри мне, Олька, — грозит пальцем, — чтобы дуростей не наделала! А то знаю я вас. Перепехнуться с кем-то легче, чем на свидание сходить.

Откусанное мясо застревает у меня в горле, и я начинаю кашлять.

— Папа, к чему вообще этот разговор? — спрашиваю, становясь пунцовой.

— Чтобы не вздумала кувыркатся с кем-то! Сначала выучись, получи профессию, а потом гуляй. Хотяя, даже это не гарантия счастливой жизни. В один день всё может измениться, как бы не выкладывался, — секунду назад предупреждающий взгляд папы тускнеет и стекает с меня на стол.

А мне больше кусок в горло не лезет. Всю сковывает невидимыми тисками.

— Да, Олька? Пшик, и всёёё! Ни знакомых, ни денег, ни будущего.

Медленно опускаю вилку на стол, аппетит растворяется в воздухе, как и не было, а на грудь гранитной плитой давит.

— Пап, я не виновата, — произношу в миллионный раз, не в состоянии посмотреть ему в глаза.

Боковым зрением замечаю, как отмахивается от меня, словно от пустого места, а после встаёт, чтобы достать из холодильника бутылку пива.

— Да-да, а кто ж тогда? — небрежно бросает прежде, чем выйти из кухни.

А я так и остаюсь сидеть истуканом. Он никогда меня не простит. Никогда. И хотя я не считаю себя виноватой в случившемся, этот полный обвинения взгляд оставляет каждый раз всё новый шрам на сердце. И как бы я себя не убеждала, что произошедшее чистая случайность, с каждым днем я считаю так всё меньше и меньше.

Вернув так и не съеденные отбивные в холодильник, я собираю в сумку вещи для танцев и учебники. Не в состоянии больше находиться дома ни одной лишней минуты, быстро одеваюсь и выбегаю в подъезд.

До танцев еще целых три часа, но лучше уж я проведу это время где-то в другом месте. Позвонив Мишке и получив зеленый свет, я прихожу к нему. Друг заведомо ни о чем не спрашивает, за что я ему очень благодарна. Угощает меня чаем с бутербродами, а потом каждый из нас ныряет в подготовку домашнего задания.

Я со своим справляюсь раньше, что не удивительно. Могу себе только представить сколько всего будут задавать в университете.

Решаю, что раз уж домашнее задание выполнено, то надо и честь знать. И так отняла у него время.

На танцы я приезжаю на час раньше. Расположившись в холле дома творчества на скамейке, немного расслабляюсь, полистав соцсети и уже привычно зайдя на страницу Давида. Он редко выкладывает какие-то снимки. Чаще это фотографии с ребятами, но когда никогда бывают и где он один. Конкретно эти уже давно сохранены у меня в телефоне, и засмотрены до дыр. Я знаю каждую мимическую морщинку, с закрытыми глазами расскажу во что он одет на любой из фото. Но даже это не мешает мне снова и снова заходить к нему в профиль. Так создается ощущение, что он ближе.

Занятие начинается вовремя, и гоняют нас на нём так, что по окончанию мы едва находим в себе силы переодеться.

— Я сейчас умру, — Мариам делает вид, что у неё подкашиваются ноги, пока мы устало шагаем к машине её брата.

— Она точно решила нас убить! Я сама еле иду.

Тяжело идти мне ещё и по иной причине. За рулем отцовской машины сидит Давид,

рядом с ним Демьян, а на заднем сидении Саша. И если присутствие двух последних не вызывает во мне никаких эмоций, кроме разве что дружеской радости от встречи, то факт поездки в одной машине с Давидом ускоряет бег крови по венам.

Мы забираемся внутрь. Я сажусь по центру, а Мариам с правой стороны. Прямо позади Демьяна.

— Привет, девчонки, — бодро здоровается Саша.

Он у них самый бойкий и весёлый.

— Привет, — улыбаюсь, как бы невзначай мазнув взглядом по Давиду, который смотрит на сестру.

— Привет.

— Как потанцевали? — интересуется Демьян, поворачиваясь к нам.

Осматривает нас, на несколько секунд дольше одаривая вниманием Мариам, чем меня.

И без того красные после физической нагрузки щеки подружки становятся ещё более глубокого бордового оттенка. Замечаю, как она сцепляет пальцы рук и смущенно растягивает губы в улыбке.

— Хорошо всё, только устали.

— Да, нас сегодня решили испытать на прочность, — поддерживаю её, облокачиваясь на спинку кожаного дивана.

Здесь тесно втроем в плотной зимней одежде, но это ничего. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.

— Но вы же показали всё, на что способны? — толкает меня в плечо Саша.

— А как же. Нас так просто не сломить, — улыбаюсь ему, расстегивая замок на куртке.

Ну и натопили они тут.

— Я видел, как вы танцуете! Пришел бы ещё раз!

— Так приходи, — пожимаю плечами, — Скоро у нас выступление на городском конкурсе, можешь поболеть за нас.

— Ммм, парни, надо сходить. Будет на что посмотреть, — задорно играет бровями, за что получает неодобрительный взгляд Давида в зеркале заднего вида.

— Ты о сестре моей говоришь сейчас, — в голосе слышится предупреждение, на которое Саша только закатывает глаза.

— Может я об Оле? — заговорщицки подмигивает мне. А потом, пока Давид отвлекается на то, чтобы завести машину и отъехать от дома творчества, склоняется и шепчет. — Мари, не обижайся, о тебе тоже. Только тттсс, твой крейзи брат если услышит, лишит меня зубов.

— Я и так тебя их лишу, — грозно звучит с переднего сиденья.

— А я помогу, — добавляет Демьян.

Мне кажется, или я слышу едва заметные нотки ревности в его голосе? Хотя не удивительно. От меня не укрывается как он иногда смотрит на Мариам, когда думает, что его никто не видит.

— Да что ж такое, все против меня? — наигранно возмущается Саша, — Оля, хоть ты меня защити!

— Я не дам тебя в обиду, — смеясь, накрываю его руку своей.

— Спасибо, милая, — он кладёт свою сверху, заглядывая мне в глаза, как обиженный дворовый котяра, — ты лучшая!

Снисходительно качнув головой, перевожу взгляд вперед и тут же застываю. От того,

как на меня в зеркале смотрит Давид ознобом пробивает до самых костей. Медленно забрав свои ладони из Сашиных, отворачиваюсь к окну.

Что я опять не так сделала?

Давид

Разуваюсь и захожу в дом. На кухне несвойственно этому времени суток горит свет. Бросаю взгляд на наручные часы. Начало первого. Мои все в это время спят, а значит...

Подумав, что меня это не касается, направляюсь напрямиком к лестнице, ведущей на второй этаж, но поднявшись на вторую ступень, останавливаюсь. Сжимаю поручень, и не давая себе времени на размышления, разворачиваюсь обратно.

И действительно. Догадка подтверждается в образе сидящей за столом Ольки. Девчонка ест салат, подобрав под себя одну ногу. Меня не замечает. Я же опираюсь плечом на дверной косяк и складываю руки на груди. Глаза примагничиваются к голому бедру, которое едва прикрывают короткие шорты.

Вырядилась!

Раздраженно обвожу взглядом белую кожу прижатой к туловищу ноги. Поднимаюсь к острому колену, не упустив из внимания сползшую с плеча тонкую лямку бежевой майки.

— Тебя не учили, что когда идут на ночёвку в гости, то выбирают одежду поприличнее?

Оля вздрагивает, резко повернув на меня голову и прекратив жевать. Большие зеленые глаза удивленно распахиваются, а нога, стоящая на стуле, неловко сползает на пол.

Прохожу внутрь и опускаюсь на стул рядом с ней. Опираюсь спиной на стену, не прекращая сверлить её взглядом. Косметику всю смыла и хоть на человека стала похожа. Выглядит младше, чем когда губы свои идиотской красной помадой красит. И так ей однозначно лучше. Свои вон какие пухлые и мягкие. На кой черт только замазывает их?

— Я одета нормально, — приходит в себя, возобновляя поедание салата.

— То есть в шортах гонять передо мной и моим отцом это нормально? — подцепляю оливку с её тарелки и закидываю её себе в рот.

— Я так не ходила перед Тиграном Армановичем. Спустилась только десять минут назад, он уже спит. Кушать захотела, — стыдливо признается.

— А передо мной значит, не считается? Лямку поправь!

Скосив взгляд на своё плечо, Оля нервно возвращает на место сползшую полоску ткани и окидывает меня равнодушным взглядом.

— Ты и похлеще видел. Не думаю, что мой вид хотя бы как-то тебя стесняет.

— Он должен стеснять тебя в первую очередь!

— А я не стесняюсь. На мне пижамные шорты и майка, ничего катастрофического я не демонстрирую. Или по твоему, я должна укутаться с ног до головы?

— Ты видела как одевается Мариам при гостях. Она себе не позволяет козырять голыми ногами и отсвечивать плечами.

Оля сжимает губы и устремляет взгляд прямо на меня. Внутри коротит от него. От того сколько в нем злости и протеста. Она часто на меня так смотрит, и это раздражает донельзя. В моей семье женщина не имеет права смотреть на мужчину с таким неуважением. Только кротко, послушно, с почтением. Мать себе никогда не позволяет смотреть на отца иначе. И Мариам тоже.

Эта же демоница порождает во мне желание стереть эту самоуверенность с её лица. Надавить на подбородок, чтобы разжать стиснутые губы.

— Не надо приравнивать меня к Мариам, — требовательно цедит, — Я росла в других

реалиях, и при виде особи мужского пола не бегу укрываться, потому что считаю, что имею право ходить так, как мне удобно. А переступать дозволенные рамки приличия я себе никогда не позволяла, поэтому не нужно меня упрекать в том, что нарушаю какие-то правила, соблюдаемые на твоей родине.

Встаёт, чтобы накрыть салат крышкой и вернуть его в холодильник. Шорты, пока она идёт опускаются до середины бедра. Смотрю на длинные ноги, а внутри шпарит огнем. Если бы сюда вошел отец, он бы больше ей не позволил переступать порог этого дома.

Шумно тяну носом воздух и рывком встаю с места. Подхожу к ней и захлопываю дверцу холодильника. Ойкнув, Оля отдергивает руки. Ошеломленно пялится на меня.

— Ты нормальный? — растирает ушибленное запястье, — Мне больно вообще-то!

Отступает на шаг, упиравшись поясницей в подоконник, пока я надвигаюсь на неё. Зеленые глаза упрямо смотрят прямо на меня, а я опускаю свои, оценивая кромку её миниатюрной майки. Ткань неплотно облегает небольшую грудь, быстро поднимающуюся и опускающуюся от частого дыхания.

Злость во мне набирает обороты. Останавливаюсь только, когда чувствую, что максимально прилипаю к девчонке. Она вскидывает подбородок, жала меня взглядом.

— Мне говоришь о приличиях, а от самого женскими духами разит, — выстреливает с упреком, — такими приторными, что дышать невозможно. Как тебя не стошнило только?

— Я её не нюхал.

— А ты когда целуешься не дышишь? Это же невозможно. Мои рецепторы вопят об отвращении.

Сощуриваюсь, склоняя голову и сокращая между нашими лицами расстояние. Олька замирает, а я дышать перестаю, потому что в данный момент мои собственные рецепторы беснуются. От неё не пахнет духами, только совсем немного гелем для душа, но этот искусственный запах не перебивает её собственный. Такой яростно навязчивый, что у меня кулаки рефлекторно сжимаются. Хочется вытравить его из легких, в которых тот успел осесть. При чём давно уже. С того самого раза, когда она однажды подала мне пачку сигарет. Я упустил их на лестнице, и как раз наклонился, чтобы поднять, а она меня опередила на долю секунды. Мы едва лбами не стукнулись. Оля отшатнулась и чуть с лестницы не упала, а я её поймал. Она тогда за шею мою схватилась и в шею уткнулась носом, рассмеявшись. Меня это её действие прошибло.

А потом на следующий день в клубе обнимала какого-то сопляка. И смеялась точно также, открыто и искренне, словно для неё это нормально тискаться со всеми подряд.

Воспоминание вызывает новую волну чёрного гнева.

— Чтобы больше я не видел тебя в таком виде у меня дома. У себя ходи хоть в чем мать родила, но не здесь.

В глазах проскальзывает обида, но бестия только воинственно выпрямляет спину. Натягивается струной.

— За что ты меня так ненавидишь, Давид? — спрашивает тихо, несмотря на то, что внешне выглядит как самая настоящая валькирия.

— Я тебя не ненавижу. Ты мне просто не нравишься, Оля!

Зелень глаз затягивает блестящей пеленой, вызывая внутри меня укол. Настолько глубоко, что мне удаётся его заблокировать.

— А какие тебе нравятся? Скажи, потому что я не понимаю, — тянется ко мне ближе, и мы почти соприкасаемся губами. От неё агрессия исходит. Оля даже не замечает, как

втапливает в мою грудь ладони, — Ты здесь знакомишься с отвязными, готовыми на секс на одну ночь девушками, значит они тебе нравятся. А там, в Армении тебя ждет Ани, у которой ещё ни разу не было вообще никаких отношений. И она тебе тоже нравится. Так объясни мне, потому что я не могу сложить два плюс два и понять какой же тип все-таки твой?! И чем именно тебя не устраиваю конкретно я?

Всем. Тем, что смотришь на меня так, будто от моего ответа зависит твоя жизнь. Тем, что постоянно маячишь здесь красной тряпкой. Тем, что сестру придушить хочу за то, что однажды привела тебя в наш дом.

— Я не обязан перед тобой отчитываться, — обхватываю тонкие запястья, чувствуя как ладони жжет от прикосновения к ненавистной девчонке. Грубо сбрасываю их со своей груди и отступаю на пару шагов. Указываю ей пальцем на дверь, — Иди спать!

Оля медленно моргает, не разрывая со мной зрительного контакта, и уже через секунду срывается с места, чтобы выбежать из кухни.

Подхожу к подоконнику и опираюсь на него ладонями. Скопившийся коктейль раздражения и ярости выплескивается в удар кулаком по пластику. Потом ещё один и ещё. В груди сердце тарахтит, как сломавшийся мотор. Хаотично и рывками.

Утром выдерживаю совместный семейный завтрак. Олька жуёт свою яичницу, нагло продолжая врать о готовом докладе. Знаю, что Мариам это выдумала, чтобы притащить её на ночевку. Сестре часто приходится изворачиваться. Я закрываю глаза на некоторые её выходки, потому что понимаю, что иногда мать перегибает.

Зря они привезли её сюда. Пока мы жили у нас в городе всё было нормально. Там, в Армении сестру не так сильно прессовали. Здесь же, из-за разницы культур рамки дозволенного стираются. И у неё, и у меня. У меня сильнее, чем нужно было бы. Но это сейчас. Потом, после свадьбы, конечно, всё изменится. Я никогда не позволю себе неуважение в адрес жены.

— На выходных, Давид, поедem к Ани. У Артуша юбилей, приглашает всю нашу семью, — говорит отец за завтраком.

Артуш — это отец Ани и мой будущий тесть по совместительству.

— Поедем.

— Подумаем с тобой что ему можно такое подарить. Ну и девочку тоже порадовать чем-то нужно. До свадьбы меньше полугода.

Оля давится чаем, проливая его прямо на себя и немного на скатерть. Мариам охает, а мама тут же вскакивает за полотенцем и начинает недовольно стирать коричневое пятно. Извинившись, девчонка спешно встаёт из-за стола, чтобы отправиться в ванную.

— Я придумаю что-то, — провожаю её взглядом.

— Она очень любит готовить. Можно какие-то специи или формы для выпечки, — предлагает Мариам.

— Мхм, — киваю, — можно.

— Или ткань, чтобы могла пошить постельное белье, — выдвигает свою версию мама.

— Мхм. Ткань — это хорошо. — на автомате соглашаюсь я, вставая из-за стола. — Доедайте и поехали, а то опоздаем. И подружку свою из ванны доставай. Думаю, ей понадобится одна из твоих футболок, не в мокрой же ей ехать.

Разворачиваюсь и ухожу прогревать машину.

Давид

— Ничего не забудьте, — суетится мама, пока мы с отцом выгружаем из багажника подарки. — Мариам, возьми букет для Гаянэ.

Сестра, выбравшись из машины, машинально морщит нос. Делает это скорее всего, незаметно даже для самой себя. Резкий, стойкий запах рыбы выдержит не каждый, кто приезжает в этот рыбацкий поселок. Даже я всякий раз успеваю забыть какво это дышать не воздухом, а рыбным смрадом. Жители села почти все рыбаки, и в какой дом бы ты не заглянул везде тебя будет встречать этот ядреный запах.

В детстве, помню, дед меня всегда брал с собой на рыбалку. Мы могли сутками сидеть у озера. Он рассказывал истории из своего детства, а я радовался каждой пойманной рыбе. Потом мы вместе её чистили и продавали. Когда подросла Мариам, она тоже стала ездить со мной. Но на рыбалку не ходила. Или во дворе гуляла, или помогала бабушке с ужином.

В поселке с каждым годом все меньше и меньше детей. Большинство молодёжи стремятся уехать отсюда, потому что вот так пахать — это просто адский труд.

— Артуш, Ани, скорее сюда, гости приехали, — за нашими спинами раздаётся взволнованный голос Гаянэ, матери Ани.

Мои все стремятся к ним, по очереди обнимаются, расцеловываются. Я сдержанно киваю, но не остаюсь без объятий. Саркисяны открытые и эмоциональные люди, да и знакомы мы с самого моего рождения, считай.

За их спинами показывается Ани.

— О, доченька, — выдвигает её вперед Гаянэ, — смотри кто приехал. Как же мы соскучились по вам!

— А мы как, — отвечает мой отец, протягивая виновнику торжества подарок, пока Ани обнимает Мариам.

— Ещё и с подарком? — отмахивается Артуш, — Да не надо было! Вы на дорогу сколько потратили!

Но при этом с любопытством заглядывает в сумку.

— Сеть? И удочки? — в обрамленных морщинами глазах вспыхивает по-детски счастливый огонь, — Ну ты знаешь чем порадовать, Тигран!

— А как же! — довольный нашим правильным выбором, отец хлопает друга по плечу. — А это тебе, Гаянэ! — протягивает женщине букет, от чего она тут же краснеет и растроганно прикладывает руку к груди.

— А мне — то зачем? — с умилением рассматривает букет гортензий, — Красивый какой! Ох!

— Как зачем? Ты тут все село сегодня кормить будешь, нужно же и тебя хотя бы как-то отблагодарить!

— Спасибо, — смущенно отзывается Гаянэ.

Для неё эти цветы сродни золотому слитку. Здесь мало кто имеет возможность купить подобный. И даже если и дарят, то полевые цветы. Хотя на такие подвиги тоже готов разве что молодежь.

— Ну, пойдёмте к столу, — бросив на нас с Ани спешный взгляд, хозяйка делает жест рукой всем остальным, — Ани, позаботься о Давиде, дочка, — тихо шепчет ей на ухо, но не

услышать наставления невозможно.

Дождавшись, пока все войдут во двор, Ани скромно мне улыбается.

— Привет, Давид. Такая суета тут, — смеётся, обводя дом рукой.

— Для суеты есть повод, — улыбаюсь ей в ответ, — держи! Не знал что купить в подарок, но так как ты любишь готовить, думаю формам и кухонной утвари найдешь применение.

Улыбка на смуглом лице из скромной растягивается в умиленную, и Ани подобно отцу, также ныряет носом в пакет с силиконовыми формами.

— Ого какие, — ошеломленно округляет глаза, — А они в духовке не расплавятся?

— Нет, не волнуйся. Этот материал выдерживает высокую температуру.

— Спасибо огромное, — её благодарный взгляд трогает моё лицо, — и за цветы. Они очень красивые.

— Рад, что понравились. Пойдём внутрь?

— Да-да, конечно!

Пропускаю Ани вперед, и пока она семенит в дом, цепляюсь взглядом за длинную плиссированную юбку. Сверху на девчонке накинута куртка, а волосы собраны в тугий пучок. По всей вероятности, готовит, и чтобы волосы не упали в пищу, наглухо затянула их резинкой.

— Заходи, — разувается, смущенно глядя на меня. — я поставлю в вазу цветы, и помогу маме.

В зале если не все село, то половина точно. Летом обычно любое торжество отмечается во дворе дома, тогда пир накрывается горой, но сейчас начало марта, на улице долго не посидишь.

Я протискиваюсь к своим, на ходу здороваясь с присутствующими. Всех здесь, конечно знаю. Рос у них на глазах. Правда, время берёт своё. Время и образ жизни. Почти все сильно сдали в лицах. Печать усталости и смирения с тяжелой работой не обошла никого.

— О, Дав, здорово, — тянутся ко мне знакомые парни. — Сколько лет, сколько зим.

— Здоров, — жму их руки и сажусь рядом с сестрой.

— Мы тут твоей сестренкой восхищаемся. Красавица выросла!

— Так и есть, — бросаю взгляд на раскрасневшуюся Мариам, — вы сами как? Что нового?

— Да как обычно у нас, что в селе может быть нового? — отвечает Григ.

— Ну не скажи. Одна история Аринэ чего только стоит, — многозначительно хохочет Баграт.

Вопросительно выгибаю бровь.

Аринэ... знакомое имя.

— Что за история? — спрашиваю чисто, чтобы не молчать.

Не сказать, что мне шибко интересно, но если он завёл разговор, то держать новость за зубами не имеет намерения.

Парни переглядываются, пару секунд ведут диалог взглядами, решая говорить или нет, но естественно сдаются. Воровато осматриваются вокруг и подаются ближе к нам с Мариам.

— Девчонка замуж собиралась за Бако, — вещает Баграт почти шёпотом, — Помнишь его? Он служит второй год. Ну, вы ещё с ним когда-то в другое село ходили, ты за Мари свою разборки устраивал.

А, точно. Было дело. Один борзый решил, что к моей сестре может подкатить и руки

распускать начал.

— Ну?

— Так вот пока он служит, она тут с одним экземпляром из соседнего села закрутила втихаря. Их застукали в хлеву. А когда она начала оправдываться и говорить, что замуж за того пойдёт, тот помоями её окатил и сказал, что жениться не станет. Что тогда началось! Её отец сначала ходил к его отцу, но ты сам понимаешь, что ничего ему не сделают. Не хочет жениться и всё. Говорит другую себе возьмет, которая в хлеву ему давать не станет. Ну, короче, выгнали её из села. Теперь вообще не знаю как она будет. У неё же только здесь родня была. А отец при всех её вещи из дома вышвырнул и сказал не возвращаться. Мол знать не хочу! Ну ты в курсе, как у нас поступают с девками такими.

— Представь, без денег, без знакомств. Одна совсем. Она так рыдала тут сидя на земле. Даже мне её жалко было, — вставляет пять копеек Григ.

— Долго ли? — хмыкает Баграт.

— Не особо. А не надо было шататься с другими. Бако отличный парень, вот-вот с армии вернется. Могла бы дождаться. Но чесалось видимо слишком уж сильно в одном месте.

— Выражайся полегче, — одергиваю его, скосив взгляд на Мариам.

Сестра бледнеет и отстраняется. Тянется за водой, чтобы сделать несколько глотков.

Аринэ, вспомнил! Они же гуляли вместе когда-то, в резиночки скакали посреди улицы.

— Извиняюсь, — деланно вскидывает ладони вверх Григ, — Мари, прости! Не все у нас такие нежные и правильные как ты. Вот какая жена должна быть, — тычет в сестру рукой, — Сразу видно, что девушка себе даже мыслей о левом мужике не позволит. Я б женился на тебе, Мариам! Честное слово!

— Коней тормозни, — гашу его чрезмерный энтузиазм, — Мариам ещё не собирается замуж.

Сестра с благодарностью касается моей руки. Знаю, что она и думать пока о замужестве не собирается. Хотя одного возраста с Ани, но все же хочет окончить университет и встать на ноги. Мать её правда всё время за это одергивает, мол кому нужна эта учеба, если замуж выйдешь. Но вот отец на стороне сестры. И я его поддерживаю. Ещё успеет у плиты накрутиться. Пусть поживёт в своё удовольствие.

К гостям наконец присоединяется виновник торжества, и тосты с водкой начинают литься рекой. Стол традиционно ломится от изобилия блюд. Мужики не стесняются пить за здоровье Артуша, то и дело спрашивая моего отца о жизни вне Армении.

Я, утолив голод, равнодушно откидываюсь на стул как раз, когда лежащий на столе мобильный Мариам начинает звонить. Ненавистное мне лицо её подружки улыбается с экрана. Вытерев губы салфеткой, Мари встаёт и выходит из зала, на ходу принимая вызов.

— Да, Оль...

Оля...

Тянусь за стаканом с домашним вином и одним глотком выпиваю его добрую половину.

Трахею жжет, в желудке становится горячо. Домашнее вино это не магазинное. Оно даже здорового мужика уложить может. Морщусь, так как я не ярый его поклонник, но к водке прикладываться нет желания. А это дрянное чувство, что возникает в груди всякий раз, стоит вспомнить о подружке сестры, нужно чем-то погасить.

Равнодушно скольжу взглядом по присутствующим и останавливаюсь на моей будущей жене. Ани сидит рядом с матерью и вежливо улыбается их соседу. Дед с восторгом

нахваливает её лепёшки, а она глаза опускает.

Скромная, воспитанная, красивая. Ани действительно красивая девушка. Когда не стягивает свои черные волосы, они обрамляют её девичье лицо, делая её похожей на куколку.

В больших карих глазах никогда не блестит упрёк или протест. Сколько помню её, она всегда помогает родителям и ни разу не заставляла их краснеть перед людьми. Гордость Саркисянов. Её не хочется придушить, встряхнуть, припугнуть! Она никогда не позволяла себе даже хотя бы слегка приобнять меня, хотя уже добрых полгода знает, что мы поженимся. Все равно держится отстраненно, чтобы я не расценивал её действий как-то не так.

Здесь, в селе, законы суровее, чем в городе. Если девушку увидят в объятиях кого-то, её судьба может сложиться не самым лучшим образом. Если девушка обнимается и позволяет себя целовать, то только с будущим мужем. Гулять от одного к другому строго запрещено.

Мариам возвращается спустя несколько минут. Опускается на стул и кладёт телефон снова рядом с собой.

— Соскучилась подружка?

Поворачивает на меня голову.

— Ага. В кино собрались с Михаилом. Пока идёт к нему на встречу позвонила спросить как мы доехали.

— Что за Михаил?

— Друг её лучший. Они много лет знают друг друга. Хороший, мы знакомы с ним.

— Ясно.

Улегшееся раздражение разворачивается с новой силой.

Со скрипомдвигаю стул назад и встаю из-за стола.

Куричь хочется, аж зубы сводит.

Давид

— Иди — иди, не бойся, Ани.

— Но я не хочу навязываться. Вдруг Давид сам хочет побыть.

— О чем ты, девочка? Вам жить вместе, а вы едва общаетесь!

Возможно, моя мать и Ани считают, что я не слышу их приглушенные голоса за закрытой дверью, но разубедить я их не намерен.

Ани права, вести диалог сейчас у меня нет желания. Собственно, как и ночевать сегодня здесь.

Я предлагал отцу уехать на ночь в Ереван. Я бы мог не пить, но он настоял на том, что мы обязательно должны заночевать в доме будущих родственников.

Зачем? Непонятно. Здесь места и нет на всех. Разве что нам с отцом на полу лечь, чтобы мать с Мари могли нормально выспаться.

Позади раздаётся скрип давно не смазанных петель.

— Давид, родной, что же ты тут в одиночестве скучаешь? — мамины руки ложатся мне на плечи и по-родительски сжимают их.

— Да я не скучал. Курю.

— Ну раз уж ты все равно здесь, составишь Ани компанию? А то девочка там в компании стариков зачахла совсем. Прогуляйтесь по селу, поговорите. Вы же так давно не виделись. Или вы списываетесь?

— Нет, — скромно отвечает Ани, подталкиваемая в спину моей матерью.

Не списываемся. Не созваниваемся. Разве что в праздники поздравляем друг друга.

— Ну и как это называется? — возмущённо разводит руками мать, — Так, идите гулять. Нечего вам коротать время здесь, ещё и по отдельности.

Также быстро, как и появилась, мама исчезает в доме, оставляя Ани стоящей рядом со мной.

— Ты прости, — Девчонка мнетя, заламывает пальцы, не решаясь взглянуть на меня, — если тебе хочется побыть одному, я могу и сама прогуляться. Правда, мне совсем не сложно.

Глубоко затягиваюсь и выпускаю дым в сторону, чтобы не задымить её. Не повезло же Ани родиться в этом месте. С её ангельской внешностью могла бы развиваться в городе, а не тухнуть в извечной компании рыбы.

Тушу сигарету в консервной банке, стоящей у ступеней и поднимаюсь на ноги.

— Пойдём. Нечего тебе одной по темноте гулять.

Скрыть радость ей удаётся плохо. Карие глаза загораются, а на лице расцветает улыбка. Искренности ей не занимать, прямо как моей Мариам.

Они чем-то похожи. И дело не во внешности. Обе открытые, наивные, честные.

— Но только если ты хочешь. Это не обязательно, — произносит Ани, спускаясь по ступеням.

— Всё нормально, идём. Пройтись перед сном всегда полезно.

Киваю ей на выход, и открываю калитку.

Девчонка проходит вперёд, внимательно смотря себе под ноги, а я выхожу следом. Фонарей в селе раз два и обчелся, легко можно ноги переломать. Чтобы этого избежать

гуляем неторопливо и... практически молча.

Мне зачем-то лезут в голову кадры того, как сейчас Олька греется в кино со своим "другом".

Наивная моя сестрёнка поверила в байку про друга детства. Мариам думает, что если у неё парни могут быть только в качестве друзей, значит и у других так. Вот только она плохо знает таких, как её подружка. В отличии от Мари и Ани, другие не ждут замужества, чтобы посвятить себя только будущему мужу. Раздвинуть ноги перед очередным "другом" некоторым ничего не стоит.

Холодок пронесется вдоль позвоночника, а я челюсть сжимаю до скрипа зубов. Не хочу, чтобы Мариам общалась с Ольгой. Мог бы, вытравил её из жизни сестры, вот только кроме неё у Мари никого больше нет. Другие одноклассницы вроде неплохо с ней общаются, но не настолько близко.

— Как твоя учёба?

Голос Ани вырывает меня из размышлений, заставляя вспомнить, что я не один.

Ночной мартовский холод начинает заползать под куртку, отчего девчонка обхватывает себя руками и трет плечи.

— Замёрзла? — скептически оцениваю её тонкий пуховик.

— Совсем немного.

— Если хочешь, можем вернуться.

— Нет, нет, все нормально, — часто мотает головой, продолжая упрямо идти вперёд, — пока не хочу возвращаться.

Понимаю. Я и сам не горю желанием присоединиться к празднику. Но Ани явно мёрзнет. Не думаю, что обычно её выпускают гулять в такое время. Вечером девушки по улице не шастают. В отличии от некоторых. Кое-кому и в пивбар наведаться после десяти это нормально. Да и в клуб тоже.

Скидываю с себя куртку и набрасываю Ани на плечи.

Большие глаза удивлённо распахиваются.

— Зачем? Ты же замерзнешь, Давид!

— Всё со мной будет в порядке. А ты простуду схлопочешь, потом к врачу ехать в областной центр.

К лицу Ани приливает краска, но за полы куртки она все же хватается, натягивая её сильнее.

— Спасибо тебе.

— Грейся!

Мы снова проходим несколько метров молча, а потом я вспоминаю, что она задавала какой-то вопрос.

— По поводу учёбы — все в порядке. Сложно, конечно, но это последний курс. Не удивительно, что нас гоняют больше обычного.

— Ужас, не представляю, как ты справляешься, — улыбается она.

— Да, как и все. А ты сама не надумала поступать?

— Нет, что ты, — смеётся, — об этом даже речи идти не может.

— Почему?

— У нас скоро свадьба.

— Можем отложить.

Ани резко останавливается. Секунду назад улыбающиеся глаза смотрят на меня с

неподдельным ужасом.

— Отложить? Ты передумал на мне жениться?

Я тоже притормаживаю. Без куртки холодный воздух кусает кожу, но я этого даже не чувствую. Сосредотачиваюсь на её испуганных глазах.

— Нет, Ани. Просто если ты хочешь получить профессию, то я не против. Мариам, к примеру, очень хочет стать юристом. Зубрит вон днями и ночами, чтобы поступить в университет. И я уважаю её решение. Поэтому и говорю, что если тебе не хочется в восемнадцать лет посвящать себя семье, то я вполне это понимаю.

Ани выглядит растерянной. Опускает глаза вниз, съеживается вся, и несмело пожимает плечами.

— Но я умею всё, что мне нужно. Прекрасно готовлю, шью. Я столько детской одежды пошила для наших будущих детей, ты бы видел. Выбрала нейтральные цвета, потому что ещё не знаю кто будет. А если я поступлю, то не смогу полноценно заниматься домом.

— Поэтому я и предлагаю отложить.

Хоть на улице и темно, но не заметить того, как её лицо буквально на глазах бледнеет, невозможно.

— Но я не понимаю зачем? Родители не потянут мою учебу. А я и не готовилась к поступлению. Да и в принципе даже не думала о таком. Знала, что закончу школу и мы сразу с тобой поженимся. А за время учебы...

— За время учебы ты получишь новые знания. Возможно, познакомишься с кем-то, кого не знаешь с детства. Кто будет не просто другом, а...

— Зачем мне с кем-то знакомиться? У меня есть ты, и это не просто дружба. Но если ты передумал, или нашёл другую девушку... — на последнем слове её голос садится, как если бы она старалась спрятать образовавшийся в горле ком.

Выдохнув, крепко сжимаю её плечи.

— Я не передумал, Ани. Если ты не хочешь учиться, значит поженимся.

Вместо ответа её блестящие глаза расстреливают меня в упор.

— Ты влюбился в кого-то?

Сжимаю челюсть, внутри всё отчего-то канатами стягивает.

— Нет. Не влюбился.

Не заметить её выдоха облегчения невозможно.

— Просто родители этого не поймут, — продолжает она, — Они же так ждут нашей свадьбы. Внуков. И твоя семья тоже. Я не хочу ничего откладывать. Правда, Давид.

— Ладно, я услышал тебя, — успокаиваю её, убирая руки в карманы и отступая на шаг. — Как считаешь нужным.

— Правда? Всё в порядке?

— Да. Не бери в голову. Думал как лучше для тебя.

— Мне и так хорошо.

— Ну и отлично. Пойдём домой?

— Давай, а то тебе должно быть очень холодно.

Холодно. В районе грудины буквально замораживает, но вряд ли причина тому прогулка без куртки.

Гости расходятся ближе к двенадцати. Нам с отцом, как я и думал, стелят на полу, а Мариам с матерью занимают кровать в гостевой спальне.

Уснуть мне не удаётся от слова совсем. Мало того, что неудобно, так ещё и отец с

Артушем на кухне продолжают беседовать. Решаю, что раз уж сна у меня все равно ни в одном глазу, то можно пойти перекурить. Встаю и стараюсь не наступать на скрипящие доски, отправляюсь в коридор.

— Твои хозяйки сегодня превзошли сами себя, — пока обуваюсь, слышу хвалебную интонацию в голосе отца, доносящегося из-за приоткрытой двери.

— Да. Если бы не Ани, Гаянэ бы это всё три дня готовила, — с гордостью отвечает Артуш. — Помощница наша.

— Воспитали достойно!

— Да. Сына ещё бы, а то Ани приходится делать ту работу, которую я мог бы взвалить на парня, если бы он у меня был. Но Бог не дал.

— Ищи во всем плюсы! Зато Ани умеет то, чего другие девчонки в её возрасте не смогут сделать.

— Только жалко смотреть на неё порой, — с горечью тихо произносит хозяин дома.

Обувшись, я кладу ладонь на дверную ручку, но дверь не открываю. Невольно прислушиваюсь.

— Почему?

— Да зачала она здесь с нами. Я сегодня посмотрел на руки твоей Мариам и аж сердце заболело. У моей они в мозолях, растертые от рыбы, стирки, работы по дому. Во всём матери безропотно помогает. Я уже так жду, когда она наконец в город с Давидом уедет. Нам вдвоём проще было бы. Что нам двоим надо? Кусок хлеба и стакан молока. А её и накормить надо и одежду какую-никакую купить. Девушка всё же, дочка единственная. Не в лохмотьях же ей ходить.

— Ну потерпи немного, — отвечает отец, — Сейчас забрать мы её не можем. Что люди скажут? Без свадьбы вместе жить не дело. Да и Давид сейчас занят сильно окончанием университета. Сам понимаешь, ему работу нужно получить прежде, чем семьей обзаводиться.

— Нет, что ты? Я её сейчас и не пущу. Потом не отмоюсь от молвы. Всё должно быть по закону. Отпускать буду только под руку с Давидом, и с кольцом на пальце.

— А пока пусть ещё поможет вам. Тебе же легче.

Шумный выдох отца Ани разносится по кухне, а потом слышится звук выливающейся из бутылки жидкости.

— Да. Ну, давай. За детей наших, — произносит Артуш. — Чтобы счастливы были.

— За это давай! Они у нас вон какие вымахали. Внуки будут загляденье, — смеётся отец, а я прекращаю слушать.

Дернув за ручку, выхожу из дома. Опускаюсь на крыльцо и поджигаю сигарету. Глубокий вдох, дым проникает в легкие. Травит, пока я запрокидываю голову назад и смотрю на рассыпавшиеся на небосклоне звезды.

Тишина вокруг звенящая настолько, что уши закладывает. Или это внутри. Хрен разберёшь.

Оля

— Ты придешь завтра на конкурс?

Кутаюсь сильнее в шарф, пока мы с Мишей шагаем от остановки до дома. Сегодня у него была тренировка в соседнем здании, по времени совпавшая с окончанием наших репетиций. Мариам сегодня встретил Демьян, и я, чтобы дать подруге возможность провести с ним хотя бы короткое время наедине, отправилась домой сама. А по пути как раз и натолкнулась на Мишку. В компании ехать домой как никак интереснее.

— А как же, — отвечает Помазов эмоционально, — я не могу пропустить такое скопление девчонок в коротких юбках в одном месте!

— И правда! О чем это я спрашиваю? — закатываю глаза. — А я наивно полагала, что цель твоего визита — это поболеть за наш коллектив. Приз как никак очень даже заманчивой!

На этот раз танцевальный конкурс объявил менеджер набирающей популярность группы. Победивший ансамбль снимется в их будущем клипе в качестве подтанцовки. Отличный опыт, как мне кажется. Было бы интересно попридусутствовать на подобных съемках, узнать так сказать изнутри как продлевается эта колоссальная работа.

— Так мне ничего не мешает и болеть за ваш коллектив, и оценивать остальных, — с видом эксперта разглагольствует друг.

— Будешь собственные оценки выставлять?

— Ага, прямо сегодня таблички распечатаю. От одного до десяти. И буду поднимать после каждого выступления.

— Ловлю на слове! — щипаю его за руку, — И только попробуй на наших танцах поднять цифру меньше десяти.

— Да никогда в жизни. Мне собственная жизнь дороже!

— То-то же! — останавливаюсь около подъезда и автоматически поднимаю голову, чтобы посмотреть на свои окна. Свет горит в зале и на кухне. Надеюсь, мама дома. С папой наедине мне оставаться всё тяжелее и тяжелее. Вздыхаю и гляжу на Мишку, — Ладно, пойду я.

Друг тоже оценивающе пробегается по моим окнам.

— Давай. Если вдруг что — звони.

— Хорошо, спасибо.

— Побежал я, за сигами только в магаз заскочу.

Миша чмокает меня в щеку и шагает спиной назад.

— Пока, разрушитель собственного здоровья!

— Голос моей совести, тебя не слышнооо, — тянет он, заворачивая за угол.

Сколько раз ему говорила бросить эту отвратительную привычку, но Мишка всё время игнорирует мои требования. Я даже статьи ему присылала о вредности курения, а он только смеющиеся смайлики в ответ отправляет. Паровоз, ё-моё. Прямо, как Давид. Он тоже частс курит. Вчера, когда привёз Мариам в школу, тоже с сигаретой за рулём сидел.

Поёжившись от порыва холодного ветра, я захожу в подъезд и поднимаюсь на этаж. Прикидываю, что домашнего задания мне нужно сделать вдвое больше, на завтра и послезавтра, так как из-за того, что начало конкурса в шесть часов, я не успею буквально

ничего.

Уже открывая дверь, слышу повышенные тона мамы и папы.

— Это были мои вещи! Мои! Ты не имел права их выносить из дома!

Так и застреваю на пороге, крепко сжимая дверную ручку. Желание сбежать из дома за одну секунду охватывает с головой. Если бы можно было, я бы съехала уже сегодня. И забрала с собой маму с Алисой.

— Эти вещи тебе подарил я! — заплетающимся языком отвечает папа.

— Не все! Сережки и кольцо дарили родители! На нашу помолвку, ты что забыл? Как ты мог их сдать в ломбард?! — наполненный слезами голос мамы наносит на меня новые невидимые, но болезненные шрамы.

Проглотив выросший в горле ком, я тихо вхожу в квартиру, надеясь быстро проскочить в свою комнату. Спешно снимаю одежду и обувь. Сжавшись, ступаю осторожно по полу, словно под ногами не паркет, а минное поле, и в этот момент ко мне из зала выскакивает заплаканная Алиска.

— Ося, ты пришла!

Пухлые ручки впиваются в меня, как в спасительный круг, а я быстро поднимаю сестру на руки.

— Ты почему не в наушниках?

— Я их не зарядила!

По бледным щечкам текут слезы, и мы под неостанавливающуюся ругань родителей, прячемся в моей спальне.

— Ты как? — усаживаю сестру к себе на кровать. — Давно они так ругаются?

— Мама пришла недавно. Мы покушали, а потом я пошла к себе и началось. — всхлипывает она, забираясь к самой стене и подгибая под себя ноги. — Папа её украшения куда-то унёс, а деньги уже потратил.

Горечь обжигает изнутри.

Сажусь рядом с Алисой и крепко прижимаю её к себе. У самой в горле скребет, но я проглатываю ком, чтобы не пугать сестру ещё больше.

— Я сейчас тебе дам свои наушники, а сама сяду за уроки, ладно?

Малышка часто кивает, но вместо того, чтобы позволить мне подать ей наушники, впивается руками мне в плечи и утыкается носом в плечо. Бедная моя. Сердце кровью обливается от того что ей приходится слышать. Хочется выйти и наорать на них обоих, чтобы успокоились. Встряхнуть папу, потребовать взять себя в руки и жить дальше. Умолять маму не плакать. Всё это рвёт меня на части, но вместо этого я могу только осторожно потянуться к ящичку, чтобы достать обещанные наушники.

Водружаю их на голову сестре и включаю ей на своем телефоне мультики.

Жаль, что наушники у меня только одни. От вторых бы я сейчас не отказалась.

— Витя, я не могу так больше!

Обреченность в голосе мамы убивает.

— И что ты сделаешь?

— Я не знаю. Но не могу.

Дальше они переходят на менее громкое обсуждение, и я уже не слышу их слов. Но не удивлюсь, если завтра мама огорошит меня новостью о том, что мы уезжаем.

Уроки я делаю из ряда вон плохо. Вместо нужного материала в голову лезут разные мысли и уложить что-либо в памяти у меня попросту не получается.

Когда спустя час Алиса засыпает с телефоном в руках, а за дверью не слышится ни единого звука, я решаюсь выйти из своего убежища. Отца нахожу спящим в зале, а мама, судя по льющейся воде в ванной комнате, принимает душ. Со всей вероятностью, шумом воды заглушает плачь. Она часто так делает, полагая, что мы с Алисой этого не понимаем. И если сестра в силу возраста, действительно не осознаёт, что мама так скрывает слезы, то я, к сожалению, понимаю всё, как есть.

Сестрёнку в комнату я не уношу. Подвигаю её ближе к стене, сняв предварительно наушники и выключив мультики. Укладываюсь рядом, накрыв нас с ней одеялом.

Нужно попробовать поспать, иначе Тамила Рашидовна по голове меня не погладит, если я испорчу нам всё выступление. Да и Мариам недавно написала, что посмотреть конкурс придут также Демьян с парнями. А это значит, что я увижу Давида.

После их поездки в Армению я видела его всего один раз, вчера. Но он, по своему обыкновению, даже не взглянул в мою сторону. Мари сказала, что они очень хорошо провели время с Ани и её семьей.

Я не знаю эту девушку, а испытывать негативные чувства в адрес человека, которого даже не видел, неправильно. Но я испытываю. Удушающую ревность и зависть. Да, я завидую ей. Завидую так сильно, что это ощущение душит. Потому что с ней Давид, должно быть, ведёт себя совсем иначе. От неё он не отворачивает взгляд. Её он... целует?

Грудь кипятком обдаёт.

Наверное, целует. Ведь она — его невеста.

Зажмурившись, крепче прижимаю к себе Алису и утыкаюсь носом в её макушку. Яблочный аромат детского шампуня щекочет ноздри, хотя бы как-то отвлекая меня от мучительных мыслей и картинок, которые каждый раз лезут в голову, стоит представить Давида вместе с этой девушкой.

Сестренка машинально кладёт ручку поверх моей и сжимает мои пальцы.

— Я люблю тебя, Ось! — едва ворочает языком, а я зажмуриваюсь, стараясь не расплакаться.

— Я тоже тебя люблю, плюш! — целую её в мягкие волосы.

Малышка моя. Хотя бы у кого-то в этом мире я не вызываю ненависти.

Давид

— Идём поздороваемся!

Сашка рвётся вперёд, уверенно лавируя между танцовщицами, коими холл дворца молодёжи битком набит. Мы же с Демьяном следуем за ним. Не думаю, что сейчас лучшее время для общения, потому что на сколько я понял, у девчонок ещё впереди два танца, но этот бронепоезд остановить невозможно.

— Мариам, Оля, привет! — кричит с расстояния нескольких метров Иваницкий, вскидывая при этом руку.

Сестра оборачивается, а следом за ней её подруга. Обе расплываются в улыбках.

— Привет, — синхронно здороваются, когда мы подходим ближе.

— Привет, — улыбается Дем.

Я ограничиваюсь кивком. Мари я сегодня видел дома, а Оле и такого приветствия вполне хватит.

На этой бесячей уже надет черный обтягивающий костюм, судя по всему, для следующего танца. Мариам как я понял, в нём участие не берет. На сестре все еще длинные клешеные штаны и широкая кофта, в которых они показывали прошлый номер.

Оля же успела переодеться. Да и не одна она, если судить по вывалившимся из расположенной рядом комнаты девчонок. Все, как на подбор, в бриджах и топах. У всех одинаковой длины хвосты, собранные на макушке. Вероятно, волосы искусственные, потому что имеют абсолютно идентичный вид, разве что цветом отличаются.

Но если до них мне нет никакого дела, то конкретно подруга Мариам в этом всё выглядит раздражающе. Ещё и мой изобилующий слюной друг глазеет на неё так, будто таблеток наглотался и вот-вот накинется прямо здесь. Словно девчонок никогда не видел.

— Сколько у вас ещё танцев? — спрашивает Демьян.

— У меня один, — отвечает Мари, — а у Оли два.

Думаю, Мариам бы тоже не отказалась танцевать во всех, но после того как мать однажды увидела её танцующей на сцене в коротких шортах, устроила их руководителю скандал. Помню, сестра потом пол ночи у себя в комнате ревела, но из коллектива не ушла. Да и их руководитель проявила толерантность, и не попросила Мариам на выход после публичного унижения. Просто теперь сестра принимает участие не во всех выступлениях. Но её и это устраивает. Для неё танцы — отдушина, и я могу её понять.

— Коллективов так много, — присвистывает Сашка, оглядывая холл.

— Да, боюсь мы можем затеряться на их фоне, — отвечает Оля. — Особенно, если взять во внимание вон ту группу в зелёных юбках. Видели, как они двигаются?

— Да ладно, вы тоже обалденно танцевали, — настаивает Саня, и мысленно я с ним соглашаюсь.

С ритмом и пластикой у девчонок всё отлично.

— Подтверждаю!

Раздаётся незнакомым голосом из-за спины Оли. Прямо позади неё вырастает тот самый парень, с которым я видел её пару раз. Первый — в клубе, второй — возле школы.

Высокий, стильно стриженный щегол стискивает худые плечи, а стоит Ольке обрадованно обернуться, как он тут же заключает её в объятия.

— Ты пришел! — девчонка обнимает его в ответ.

— Я же сказал не пропущу такого события!

Смазливый чёрт по-хозяйски тискает её, а потом кивает моей сестре.

— Привет, Мариам.

— Здравствуй, Миш.

Значит, тот самый Миша...

Пристально разглядываю ранее упомянутый экземпляр. С виду, ничего выдающегося. Я таких пол университета наблюдаю каждый день. Явно не старшекурсник. Может, на первом или втором. В модной одежде, с уложенной гелем стрижкой и сахарной улыбкой. С такими лыбами парни обычно к девчонкам подкатывают, и те клюют на них, как рыбы на опарышей.

— Ребят, знакомьтесь, — возвращает нам внимание всё ещё счастливо улыбающаяся от его появления Оля, — это Миша, мой друг. А это Саша, Демьян и Давид.

— Здоров, парни, — протягивает по очереди каждому из нас руку.

Желанием не горю, но отвечаю на рукопожатие.

— Так, а где таблички с оценками, я не поняла?! — возмущается Оля, после того как он со всеми поздоровался.

— Я подумал, что это ненужная трата времени. То, что ты у меня десять из десяти — это факт. А остальных подобная информация о себе только распугает. Я же не планирую ставить им столько же, сколько и тебе. Это как минимум, не этично!

Блевануть охота от настолько низкопробного комплимента.

— Льстееец, — качает головой Олька, сощутив покрашенные по-кошачьи глаза.

Ну хоть тут понимает, что это масло масляное.

— Ну, вот ещё Мари тоже на десяточку. Остальным до вас как до неба.

В то время как девчонки ему что-то отвечают, Демьян толкает меня локтем в ребро.

— Что с лицом?

— А что не так?

— Ощущение, что ты в дерьмо наступил.

Оставляю его реплику без ответа. Я и сам не пойму от чего мне хочется этому «другу» в физиономию дать. За то, что словами сыплет? Так, это вроде и не грешок. Таким и Саня наш страдает.

— Пошли покурим? — предлагает Дем, указывая глазами на выход.

— Идём.

— А вы куда? — спрашивает Мариам, когда мы начинаем отходить.

— Курить, — бросаю, не оборачиваясь.

Видеть ещё раз рафинированную физиономию этого опарыша желания у меня не возникает.

— Мы вернемся на выступление! — отвечает ей Демьян.

Сашка остаётся с ними, потому что он у нас за здоровый образ жизни, а мы выползаем на крыльцо.

— Приторный чёрт, да? — подкурив сигарету, глубоко затягиваюсь.

— Да обычный, — жмёт плечами Демьян, чиркая зажигалкой, — Тебе-то что до него?

— Ничего, — выдыхаю дым и зависаю взглядом на куче собранной у дороги после непогоды грязи. Её бы вывезти, так нет, коммунальные службы оставили прямо перед дворцом любоваться. Культура, мать их. С одной стороны высокое искусство, а прямо напротив — реальность, в которой в стране даже убрать толком не могут нормально. —

Думаешь, у него есть что-то с Олькой?

Ещё одна затяжка стремительно наполняет лёгкие, после того как вопрос сам вырвался наружу.

— Не знаю, — секунду поразмыслив, произносит Демьян, — А даже если и есть, то не удивлюсь. Она девчонка симпатичная, общительная. Было бы странно если бы она одна была.

Да уж. Такие как Оля точно без внимания не остаются. Яркое запоминающееся лицо, светлые от природы волосы и большие зеленые глаза. Настоящие заводи. В них смотришь и проваливаешься, как в бездну. Ещё и стеснения ноль. Нашла с моими пацанами общий язык за каких-то пару дней. Помню, пока душ принимал после футбола, выхожу, а они уже в карты режутся на кухне втроём, пока Мариам ужин нагревает. Нет, чтобы сестре помочь, она с пацанами уселась.

Нервно выдыхаю и отвожу взгляд от кучи грязи. Раздражение борзо играет с моими нервными клетками, заставляя те бесноваться. Воспитания точно ноль у девчонки.

Массивная железная дверь ДК со скрипом открывается и на улицу выходят две девчонки из коллектива Мариам. На ходу подкуривают сигареты. В первую секунду мне кажется, что одна из них Оля, но уже через мгновение я понимаю, что ошибся. Просто девчонка в таких же бриджах и топе, сверху на который накинута куртка. Хвост также затянут на макушке, а глаза подведены стрелками.

— Привет, — здоровается с нами её близняшка по образу.

— Привет, — отвечает Дем.

— Мы видели вас. Ты ведь брат Мариам? — с обольстительной улыбкой оценивает меня вторая. Ту, что я принял за Олю.

— Брат.

— А ты — друг? Или парень? — первая направляет своё внимание на Дема, и ещё даже не получив ответ, уже зазывающе прикусывает губу и стреляет глазами.

Мда. Охотницы вышли на охоту.

— Друг.

Такой ответ её явно устраивает. Хотя, есть вероятность, что ответ он иначе, её бы это не остановило. Переглянувшись, девчонки лисьей походкой подбираются к нам ближе.

— Ну, раз так, то присоединяйтесь сегодня к нам. Мы после выступления планируем всем коллективом в клуб.

— Всем?

— Ну, кроме Мариам. Она обычно с нами не ездит. Но Оля будет.

— И мы будем, — добавляет вторая, обхватывая губами сигарету и медленно затягиваясь, продолжая при этом смотреть мне прямо в глаза.

Оля будет, значит...

— Не уверен, — отвечаю, но Демьян меня перебивает.

— Думаю, мы будем.

— Отлично, — хлопнув длинными ресницами, брюнетка посылает ему многозначительный взгляд.

— Эй, Катя, Ира, вы задрали уже курить! — из-за двери высовывается ещё одна голова с хвостом и кошачьим макияжем на лице, — Мы выступаем через минуту.

— Чёрт!

— Пока, мальчики!

Девчонок сдувает с крыльца за секунду. Они разве что успевают сигареты выбросить в урну, забыв их перед этим даже затушить.

— Слушай, — говорит Дем задумавшись, — может отпросишь сегодня Мариам с нами?

— Рехнулся? Нет конечно!

Шутник, блин!

— Почему? Ты же будешь там! И Олька. И мы с Саней. Никому в обиду не дадим.

— Дем, ты же знаешь, что я даже просить не буду, — Объяснял же не раз, — Ей там не место, это во-первых, а во-вторых родители не отпустят.

Демьян прищуривается и как мне кажется хочет что-то сказать, но вместо этого только челюсти стискивает.

— А у вас в Ереване её тоже не пускают никуда?

— Она и не отпрашивается. Но там всё иначе. Там знают, что к девушке просто так приставать нельзя. Не то что тут, беспредел.

— Пф, знаю я твой беспредел, — выдаёт с сарказмом и отчего-то на повышенных, — Не удивлюсь, если сегодня с одной из этих укажишь.

— Так и ты с другой можешь уехать. Разве нет? Сами же в тачку прыгают.

Дем не отрицает. Нервно тушит сигарету о стену и отшвыривает пальцем в урну. Ему, как и мне не составляет труда найти кого-то на пару часов. Раньше это не вызывало у него проблем, что сегодня вдруг не так?

— Какая муха тебя укусила? — сощурившись, всматриваюсь в его каменное лицо.

— Цеце, — отвечает, дергая на себя ручку двери, — Идём. Скоро наши танцуют.

Давид

Конкурс завершился. Как Оля и предвещала, выиграл другой коллектив. «Девчонки в зеленых юбках».

Наши, конечно, расстроились, но не настолько, чтобы отказаться от похода в клуб среди недели. Они все дружно махнули туда, включая Демьяна и Саню, а я повёз сестру домой.

— Давид, я могу тебя попросить?

Мариам привлекает моё внимание, прикоснувшись к запястью прохладными пальцами. Она всегда так делает, когда хочет, чтобы я её максимально услышал.

Глушу двигатель и вопросительно заламываю бровь.

— Проси, Мари.

— Пожалуйста, отнесись к моей просьбе очень серьезно.

— А когда-то было иначе?

— Нет. Просто это особенная просьба, — делает акцент на слове «особенная».

— Заинтересовала.

— Присмотри там за Олей. Чтобы никто не пристал, ладно?

Этого только мне не хватало.

— Оля взрослая девочка. А я не нянька следить кто там около неё крутится.

Если бы девчонка не хотела ехать в клуб, сама бы отправилась домой, но ей, судя по всему, приключения искать на свою пятую точку интереснее.

— Давид, пожалуйста, — настаивает Мариам, с силой впиваясь в мою кожу пальчиками, — Я не знаю что у тебя случилось, что ты к ней так относишься, но Оля очень хорошая! И на самом деле не такая, как тебе кажется. Она ранимая девочка.

Хмыкаю.

Можете обвинить меня в скептицизме, но я сильно в этом сомневаюсь.

— У неё есть «лучший друг», — черчу в воздухе кавычки, — вот пусть он за ней и присматривает.

— Миша не поехал. Давид, ну не будь ты таким бессердечным. Просто присмотри и отвези потом домой, ладно?

Ещё и извозчиком работать?

Уже собираюсь привести ярый аргумент против, как Мариам применяет свой фирменный взгляд "младшей сестры". Кот из Шрека мог бы взять у неё персональные уроки, потому что после этого микса мольбы, настойчивости и надежды отказать у меня язык буквально не поворачивается.

Шумно выдыхаю, обхватывая пальцами руль.

— Максимум могу проверить, чтобы села в такси!

Мари взвизгивает и горячо целует меня в щеку, потому что прекрасно знает, что это означает на самом деле. Она победила.

Хитрая лисица в детстве всегда этим приёмом пользовалась, когда пыталась меня уговорить погулять с ней, если бабушка с дедом домой звали. Приходилось брать мелкую и составлять ей компанию, потому что с пацанами пятнадцати лет ей десятилетней общаться было точно не о чем. Мы то на речку с ней ходили, то на детскую площадку катать её на качелях, или просто сидели на камнях и на звезды смотрели, выискивая разные созвездия.

— Ты лучший! Не обижай мне там её, понял?

Вот этого я уже не обещаю.

— Иди давай, вон мать уже встречает!

Замечаю, как открывается входная дверь дома и на пороге показывается мама.

— Ушла. Хорошо вам отдохнуть! — щебечет сестра, прежде чем выскочить из автомобиля.

Я же стартую в клуб. Добираюсь до места назначения быстро.

Без проблем захожу внутрь, сдаю куртку и направляюсь в темный зал. Музыка басами проникает в уши, летающие по стенам отблески стробоскопа ослепляют. Приходится притормозить на входе, чтобы привыкнуть и присмотреться. Народа посреди недели в заведении оказывается не так уж и много, поэтому шумную компанию за сдвинутыми у стены столами заметить можно без особых усилий.

Пацанов своих обнаруживаю сидящими с краю стола. Во главе, можно сказать. Два царя, а вокруг наложницы. Именно такое создаётся впечатление благодаря окружившим их девчонкам.

Пока приближаюсь к компании, пробегаюсь глазами по сидящим танцовщицам. Все как на подбор со своими хвостами, одну от другой отличить нереально.

Подойдя, хлопаю Саню по плечу.

— Веселитесь?

Он тут же вскидывает голову и по-чеширски лыбится.

— А как же, брат. Тут гляди какой шведский стол, — воодушевленно обводит руками накрытый закусками и бутылками стол, но имеет в виду явно другой выбор. Хвостатый и разукрашенный.

— О, Давид, — заметив меня, одна из уже знакомых девчонок приподнимается, указывая мне на своё место, — присоединяйся!

— Я привык сам уступать место девушкам, а не наоборот, — делаю ей жест рукой, чтобы села обратно, а сам не прекращая, ищу знакомое лицо.

Чёрт, большинство из танцовщиц в тёмных майках. Сощуриваюсь, всматриваясь в каждую. Всё не то.

За столом Ольки не наблюдается. И где она? Неужели передумала ехать?

— Слышь, Олька с вами поехала? — склоняюсь к другу и кричу ему в ухо.

— Да, танцует там!

Прослеживаю его взгляд и таки да — обнаруживаю пропажу. Осипова крутится на танцполе с ещё двумя такими же хвостатыми.

Ну ясно. Этой стрекозе обязательно надо задом покрутить, без этого ну никак.

Скрипнув зубами, забираю стул от соседнего стола и падаю рядом с пацанами.

— Отвёз сестру? — перекрикивает музыку Дем.

Киваю, чтобы не орать в ответ. Потребность закинуться выпивкой растёт в геометрической прогрессии, но я за рулем. Мать его так.

— Что будешь пить? — та самая девчонка, что предлагала мне своё место оказывается рядом и склоняется так, чтобы наглядно продемонстрировать мне содержимое своего декольте.

Смотреть там не на что, да и не люблю я, когда рыба сама в рот прыгает.

— Сейчас выберу!

— Могу поделиться, — суёт мне свой коктейль с долькой апельсина на бокале.

— Я за рулём, — отодвигаю его ребром ладони, — присядь!

— К тебе? — томно прикусывает губу, вероятно полагая, что я тут же любезно предоставлю ей колено.

— На своё место.

— Фу, какой бука!

Она явно уже нетрезвая, но благо соображает быстро. Ретируется обратно, возвращая внимание Сане. Хотя он и без того им не обделен. Уже во всю флиртует с какой-то рыжей, пока Дем воркует с подружкой из ДК.

Я бы и сам не отказался познакомиться с кем-то. Только предпочитаю менее навязчивых и более трезвых, чем эта компания.

Заказав у официанта безалкогольную «Голубую лагуну», откидываюсь на спинку стула. Перекидываюсь несколькими фразами с пацанами. Дем всё ещё на нервах, судя по тому, что пьёт одну за другой, зато Саня себя чувствует, как в своей тарелке.

— Эй, ты в норме? — подвигаюсь к Демьяну, когда тот отлипнув от губ девчонки, откидывается на стуле.

— Да. Всё, отлично. А что?

— Не знаю. Ты псешишь.

— С чего ты взял? — нервно прокручивает пустую рюмку пальцами.

— Я же тебя знаю как облупленного. И в состоянии отличить когда ты нормальный, а когда заливаешься. Что случилось?

Друг закидывает назад голову и шумно выдыхает. Всматривается в потолок, как если бы там был ответ на мой вопрос. А потом поворачивается ко мне.

— Если скажу, ты всё равно не поймёшь.

— Попробуй.

Не знаю, что там у него в голове, но явно что-то не здоровое. Обычно Демьян быстро раскалывается, если что не так.

А тут пилит меня взглядом несколько секунд, но в итоге вместо того, чтобы признаться, скалит ухмылку.

— Не бери в голову. Залип на девчонке одной. Попустит.

— Это на этой что ли? — сомнительно осматриваю выпивший экземпляр с поплывшей вокруг рта розовой помадой.

— Пф, нет конечно! Это так, мысли забить!

— Аа, ну это я могу понять. Не пугай так!

Рассмеявшись, Демьян снова тянется за бутылкой, пока девчонки громко высказывают своё недовольство в адрес победившего коллектива и предлагают тост за прекрасных самих себя. Саня пафосно их поддерживает, закидывая всех медоточивыми комплиментами, и они вместе с Демом опрокидывают по очередной рюмке коньяка.

Девчонки же без тормозов упиваются кто коктейлями, а кто и абсентом. Мда, даже мы с парнями себе его редко позволяем, чтобы не ужраться в хлам, а им похоже наплевать что в себя заливать.

Пробегаюсь глазами по барной стойке, около которой сидят несколько девушек, потягивая менее ядреные коктейли, чем наши. А уже через мгновение сам того не замечая, снова нахожу в толпе блондинистую макушку. Искусственный хвост неспешно подпрыгивает в такт музыке, пока Осипова мягко двигает руками и бедрами. Плавно, грациозно. Двигается она что надо, это я давно ещё заметил. Когда сестру с репетиций забирал как-то зашел к ним

в зал. Олька стояла в центре и буквально затмевала собой остальных. Даже Мариам. Моя сестра обожает танцы, но двигаться раскованно не может в силу воспитания. Этой же стрекозе ничего не стоит вильнуть бедрами или волосами так, чтобы это не осталось незамеченным.

Вот и сейчас она уже не одна.

Рядом с Олькой дергается какой-то парень, плясь на неё как голодная псина на сладкую косточку. Склоняется, что-то говорит на ухо, отчего та в ответ улыбается. Рядом пляшут её подружки, к которым также прилипли пацаны. Ну собственно, почему нет? Здесь это нормально такое поведение.

Чувствую, как злость вспыхивает всего за какой-то миг. За ребрами жарко становится, словно там черти разгул начали. С жадностью прохожусь глазами по бутылке коньяка, но приходится вместо алкоголя одним глотком выпить свою голубую сахарную смесь.

Снова нахожу глазами стрекозу, беззастенчиво крутящую бедрами рядом с пацанами. Мог бы, прямо за этот хвост дебилный отсюда вытащил. Ведёт себя, как не знаю кто.

Резко встаю со стула, и направляюсь напрямиком к барной стойке.

— Пива безалкогольного налей, — прошу бармена, занимая свободный стул и садясь спиной к танцполу.

Пусть продолжает плясать. Однажды вляпается, будет ей уроком.

Бармен вручает мне стакан с холодным пивом, и я делаю несколько больших глотков, чтобы остудить пылающие внутренности.

Рядом замечаю довольно таки симпатичную девушку. Брюнетка с распущенными длинными волосами неспешно потягивает мохито и порхает пальцем по экрану мобильного. Сосредотачиваю свое внимание на ней. Вроде ничего. Примерно моего возраста. Продолжать с ней вечер я не намерен, так как должен отвезти Осипову домой, но отвлечься будет не лишним.

— Вкусно? — спрашиваю, привлекая внимание.

Брюнетка поднимает на меня взгляд и заметив, что я киваю ей на стакан, улыбается.

— Да, вполне. Мой любимый коктейль, — также оценивающе пробегается взглядом и по мне.

— Угощу ещё одним?

Фейс контроль я прохожу успешно, потому что она без раздумий соглашается. Блокирует девайс и теперь уже полностью посвящает себя мне.

— Я Настя.

— Давид. Приятно. Почему одна?

— А почему бы и нет? — подергивает кокетливо плечами.

А действительно. У большинства здесь всё просто в этом плане.

Но девчонка на самом деле оказывается довольно таки интересной. Учится на третьем курсе политехнического, ведёт блог и занимается спортом. Разговаривает без излишнего жеманства, открыта и позитивна.

Спустя каких-то полчаса мне даже кажется, что, благодаря ни к чему не обязывающему разговору мне удаётся погасить вспышку злости, но в этот момент извечная причина моего раздражения возникает у барной стойки.

Оля

— Повтори пожалуйста! — прошу, запыхавшись.

Сергей кивает и принимается за мой коктейль. В горле пересохло, пить хочется страшно.

Хорошо все-таки, что я пошла с девчонками. Мама написала, что папа снова выпил, поэтому она забирает Алиску и едет к бабушке, а меня попросила переночевать у Мариам. Прислала немного денег на такси, а я ответила, что так и сделаю, хотя на самом деле планирую поехать домой, потому что к Мари я просто так не заявлюсь. Меня, думаю, в такое время даже на порог не пустят, поэтому постараюсь как можно дольше побыть здесь, а потом, когда отец по моим подсчетам уснет, уйду.

— Думаешь, это хорошая идея — напиться?

Знакомый низкий голос раздаётся буквально в метре от меня. Резко поворачиваю голову и тут же натываюсь на неизменно осуждающий взгляд. Машинально вытягиваюсь, чувствуя, как пульс сбивается. Я даже не знала, что он приехал. Как давно?

Открываю рот, чтобы ответить, как вдруг замечаю эффектную брюнетку, сидящую слишком близко к нему, чтобы можно было сказать, что они проводят время по отдельности.

В груди кипятки разливаются.

Значит, не успел приехать, как тут же подцепил очередную юбку.

— Твоя Мэри, — бармен ставит передо мной ярко-красный коктейль.

— Мэри? — уточняю, отведя взгляд от парочки, на что Сергей спохватившись, спешно отрицательно мотает головой.

— Мария. Я помню! — улыбается он.

Сергея я знаю давно. Благодаря ему мне иногда перепадает бесплатные коктейли, а ещё бесплатный вход в клуб. Но если раньше я отказывалась, то сейчас, учитывая плачевную ситуацию с деньгами, иногда принимаю его щедрые предложения.

— Спасибо, — выдавливаю в ответ улыбку и обхватываю губами трубочку, чтобы сделать несколько больших глотков.

— Может, уже бы из горла водку хлестала? — жалищая интонация в голосе Давида заставляет меня встретиться с ним глазами.

Стискиваю зубы и ножку бокала с такой силой, что боюсь она расколется.

— Надо будет, так и сделаю. Без твоих советов. Общаешься, общайся, а меня оставь в покое.

— Я бы с удовольствием это сделал, — в секунду вспыхивает Дав, рывком спускаясь со стула и оказываясь прямо передо мной. Я отшатываюсь, но позади другой барный стул. Отойти некуда. — Но сестра попросила за тобой присмотреть. А я не хочу тащить твоё пьяное тело на себе. Или снимать тебя с кого-то другого, на кого ты потом запрыгнешь с перепоя.

— А ты не снимай! — цежу сквозь зубы, чувствуя, как кровь закипает от обиды, превращаясь в отраву, — Я снимаю с тебя обязанности надсмотрщика. А то бедный тратишь на меня время. Можешь брать свою девку и идти развлекаться с этой вот в машине, ясно?

— Эй, — возмущается девчонка, но я не вижу её. В фокусе только перекошенное злостью лицо Давида. Я уже и не помню когда видела другое его выражение лица. Это

кажется, было так давно, что возможно приснилось мне.

Всякий раз, стоит нам столкнуться, он взрывается на ровном месте. Вот и сейчас не исключение.

— За языком следи, — давит он утробным голосом и резким движением выхватывает у меня из пальцев коктейль, — Уже надралась!

— Эмм, это безалкогольный коктейль! — встречает Сергей, — «Дева Мария» в отличии от «Кровавой Мэри» делается без водки. — а потом он приближается ко мне, — Оля, если у тебя проблемы, ты скажи.

Давид резко переводит на него взгляд, и я вижу, как бугрятся его желваки от злости.

— Нет, всё нормально, Серёж, — отвечаю, чтобы не вызывать проблем. А дальше говорю уже Давиду, — Представляешь, я могу пить безалкогольный, — язвлю, отбирая у него злополучный бокал и выпивая содержимое под расстрелом его глаз, которые снова вернули своё внимание на меня. Злость на этого вечно недовольного мной засранца шипит в груди и уже давно сформировала колючий ком в горле, но я проглатываю его вместе с томатным соком. А потом ведомая эмоциями, привстаю на носочки и качнувшись вперед, выдыхаю Давиду в нос воздух, — Удостоверился? Алкоголем не несёт?

Давид не отвечает. Только дышит так, будто вот-вот взорвётся. Тяжело и очень медленно. А ещё смотрит своими черными глазами с такой ненавистью, словно готов прямо сейчас меня разнести в клочья.

— А теперь, раз уж ты знаешь, что я не пьяная, то не мешай мне трезвой отдыхать и ... запрыгивать на парней. Как видишь, я делаю это со здоровым рассудком!

Почти выкрикиваю и развернувшись, уношусь на танцплощадку, чтобы затеряться в толпе.

— Эй, — прямо по центру ловит меня за талию Олег, — я тебя потерял!

Растерянно смотрю на парня, с которым познакомилась каких-то полчаса назад. Он улыбается, а я туго соображаю, в голове шумит. Эмоции внутри шипят серной кислотой, булькают и вот-вот возьмут надо мной верх.

— Я в туалет, — снимаю с себя его руки, чтобы обойти его, но он не даёт.

Тянет меня к себе обратно.

— Я могу с тобой.

Инстинктивно оборачиваюсь, и чувствую, как меня расстреливают взглядом. Вот так с расстояния нескольких метров буквально решетят, оставляя на мне болевые ранения. Лицо Давида искажается от злости и брезгливости, а потом он отворачивается.

Ну и иди к черту! Достал уже! Кричу беззвучно, борясь с выступившими слезами.

— Оляя, — противные влажные губы Олега касаются мочки моего уха, и тут я не выдерживаю.

Отпихиваю его со всей силы.

— Я сказала тебе, что я в туалет. И ничего не будет. Вот Таня с удовольствием с тобой зависнет! — киваю на свою подругу, которой в принципе не важно с кем и где.

За год танцев и походов в клуб она показала себя с не самой лучшей стороны, поэтому я точно знаю что говорю. И пока Олег оценивающе её осматривает, я пулей улетаю в коридор. Всхлипнув, захожу в туалет, с громким хлопком закрыв дверь, а потом закрываюсь в кабине.

Упираюсь локтями в дверцу и крепко-крепко зажмуриваюсь. Не плакать, Оля! Не плакать! Но не получается. Слезы катятся по щекам, потому что я просто не знаю, что я не так сделала. Почему Давид видит во мне грязную шлюху, готовую вот так просто провести

время с любимым парнем. Это до чертиков больно!

Пусть бы на своих спутниц смотрел, которые вешаются на него, как на вешалку, а меня не трогает! Обхватываю себя руками и опираюсь спиной на дверь.

Чувствую, как мелко дрожат ладони. Я не понимаю. Правда, просто не понимаю. Мы ведь общались нормально! Я как дура, влюбилась в него с первого взгляда, но никогда не позволяла себе лишнего. Держалась на расстоянии, общаясь с ним, как и с его друзьями. Просто смотрела со стороны и тихо мечтала, потому что с нашего знакомства знала, что он занят. А он...

Размазываю предательские слезы по щекам, ненавидя себя за них. И за то, какие чувства испытываю к нему. Незаслуженно. Совсем ведь незаслуженно. Он ничего не сделал, чтобы я влюбилась, но почему-то глупое сердце этого не понимает.

Медленно вдыхаю, стараясь справиться с лавиной обрушившихся эмоций. Меня колотит. Хочется уйти, но куда? Не на скамейке же перед домом сидеть!

— Блин, девочки, я мозоль натёрла, — раздаётся хныканье какой-то девчонки, вошедшей в туалет.

— А я, чтобы не натирать носу с собой балетки, — отвечает ей вторая, — Блин, сейчас уписаюсь.

— И яяя!

Грохот двери в соседнюю кабинку приводит меня в чувства. Дура. Господи, жалкая дура. Нашла где реветь.

— Эй, здесь кто-то есть? — вздрагиваю от стука в дверь моего убежища, — можно побыстрее? Тут как бы очередь!

— Минуту, — отрезаю, доставая из сумочки зеркало.

Благо тушь хоть водостойкая, спасибо маме. Раньше она покупала хорошую косметику, и делилась ею со мной. И хоть этой туши уже год, я все равно ещё ей пользуюсь.

Убедившись, что выгляжу более-менее нормально, не считая красных, как у Фландрийского зверя глаз, выхожу из кабинки.

— Ну, наконец-то, — недовольно ломится внутрь девчонка, отпихнув меня плечом, — уснула ты там что ли?

— Надеюсь, унитаз после себя чистый оставила? — отходит от меня на шаг ещё одна «красотка» в коротких шортах и полупрозрачном топе.

Таких здесь несколько, и они все раздражаются смехом.

— Для вас как раз сойдет, — бросаю им, проходя мимо и выходя из удушающего помещения.

Вот только то, что я вижу в коридоре заставляет меня резко остановиться. Буквально в метре невесть откуда взявшийся Давид, хватая стоящую спиной к нему Таню за локоть и отрывает её от того самого Олега, которому я посоветовала обратить на неё внимание. Кажется, они целовались, я не успела рассмотреть, потому что уже в следующую секунду Давид кулаком бьёт его в лицо, отчего Олег хватается за нос и протяжно стонет.

Господи!

— Давид, — безотчетливо бросаюсь вперёд.

Он совсем с ума что ли сошел?

— Давид, ты что? — оказавшись рядом, хватаю его за руку.

Дав резко переводит на меня обезумивший взгляд и так и застывает с занесенным для второго удара кулаком.

— Ты?

Рывком поворачивает голову на брыкающуюся Таню, которую он крепко держит за локоть левой рукой.

— Ты совсем обалдел? — верещит она. — Отпусти меня, больной! Что он тебе сделал?

Дав как будто бы растерянно снова обводит нас всех троих взглядом и только после этого его пальцы разжимаются.

— Что здесь произошло? — Во все глаза смотрю сначала на него, потом на Таню, вздыхающую около стонущего Олега.

— Ты где была? — сквозь зубы цедит Давид вместо ответа.

— В туалете.

Его лицо превращается в нечитаемую маску. Губы сжимаются, желваки вздуваются.

Ничего не понимаю.

— Пошли, — отходит в сторону, открывая для меня дорогу.

— Куда? — не понимаю я.

— Домой!

Давид

— Давид, я не поеду домой!

Оля сопротивляется, пока я тащу её за локоть на улицу.

Обычно я могу похвастаться довольно неплохой выдержкой, но не рядом с Осиповой. Всякий раз, когда дело касается её, меня напрочь отключает.

Вот как каких-то пять минут назад, когда я увидел того самого дрыща в компании, как я думал, Ольки. Смотрел как они в коридор пошли, обнимаясь и всё. Аут. Пришёл в себя только когда увидел её стоящей передо мной, и понял, что не её рот облизывал этот сопляк.

— А я не спрашиваю. Я не собираюсь сидеть здесь до утра, пока ты нагуляешься. Завтра учебный день. У тебя, кстати, тоже, если ты помнишь.

Ночной пробирающий ветер ударяет в лицо, когда мы выходим на улицу. Черт, я даже про куртки забыл. Вылетел прямо так.

— Тебя никто не заставляет сидеть здесь со мной, — пищит Оля, семеня за мной ногами и продолжая тщетные попытки вырваться.

— Я обещал сестре, что не оставлю тебя.

— Не верю, что ты выполняешь все обещания!

— А ты представь. Меня воспитывали быть ответственным. Садись!

Дойдя до машины, открываю переднюю дверь, но Оля упирается. Вырывает из моего ослабевшего захвата руку и смотрит исподлобья, стиснув свои красные губы.

— Давид, я не хочу домой.

— Не нагулялась? — чувствую, как внутренности скручивает от злости.

Это же надо. На часах одиннадцать, а ей лишь бы в клубе остаться.

— Просто не хочу!

Мимолетное облегчение от того, что это не она целовалась с тем придурком испаряется. Уверен, домой она не торопится, потом что собиралась найти себе кого получше.

— Ну, а я хочу!

Снова хватаю её за руку и силком заталкиваю в машину.

— Эй, ты совсем уже? — кричит Осипова, грузным мешком падая на сиденье, — Давид, выпусти меня!!

Захлопываю дверь и блокирую.

Пока Оля ладонями бьёт по стеклу и верещит мне что-то нелестное, чего я не разбираю, разворачиваюсь и возвращаюсь в клуб.

У девчонок танцовщиц узнаю где её сумка, и забрав её с одного из стульев, подхожу к своим парням.

— Я забрал Ольку, мы по домам.

— А чего так рано? — хмурится Дем.

— Выспаться хочу.

— Ладно. До завтра, брат.

Саня, отлипнув от рыжей, жмёт мне руку.

— Ольку не обижай, — орёт мне вдогонку.

Не обижать её, как же. Если сама вечно напрашивается своим поведением.

Нет, чтобы спокойно сесть в машину, так надо упираться, лишь бы дольше тут потусить

и задницей повертеть.

Проходя мимо барной стойки, замечаю вопросительный взгляд Насти, на который не отвечаю. Нет у меня желания сейчас что-либо объяснять. Я и для себя — то не на все вопросы ответы нахожу.

В сумке Ольки отыскиваю номерок и забираю наши куртки из гардеробной.

Когда возвращаюсь к машине, фурия уже успокоилась. Сидит, скрестив руки на груди и смотрит прямо перед собой.

Открываю заднюю дверь, молча закидывая туда наши вещи. Обхожу капот и ныряю за руль.

В салоне холодно, поэтому тут же включаю климат. Бросив на девчонку взгляд, завожу мотор. Некому её воспитывать что ли? Или родителям вообще плевать, что она по клубам шастает?

Выезжаю с парковки на дорогу. Движения почти нет в это время, а до её дома насколько я помню всего каких-то пятнадцать минут.

Мариам не раз просила подвезти подругу, когда я забирал их с танцев.

Довезу как можно быстрее и всё, больше на сестринский взгляд Мари не поведусь. Пусть шляется хоть до утра, это не моё дело.

— Я не поеду домой, — раздаётся в тишине салона спустя несколько минут.

Вот как тут не сматериться?

Поворачиваю голову на сбившуюся на сидении Ольку. Обхватила себя руками и смотрит сквозь лобовое стекло. В уголках глаз поплыла подводка. Плакала что ли?

— И куда же ты поедешь?

Возвращаю внимание дороге.

— Никуда не хотела ехать. Я по-человечески просила оставить меня в клубе.

Не замечаю, как пальцы до скрипа сжимают слегка потертую кожу руля отцовского Ниссана.

— Скажи, неужели у тебя вообще нет границ? Ты о приличиях хотя бы что-то слышала? Ладно, эти курицы готовы до утра плясать и целоваться со всеми подряд, но ты?!

— А что я? — чувствую, как в меня вонзается колючий взгляд. — Я в твоих представлениях недалеко от них ушла, так чему ты удивляешься?

— Надеюсь на остатки гордости.

Олька выдаёт нервный смешок, а потом поворачивается ко мне полубоком.

— Скажи, почему ты его ударил? — выстреливает в упор вопросом.

Сжимаю челюсть и сильнее вдавливаю ногу в педаль газа. Нужно быстрее домой её отвезти, иначе моим нервным клеткам придёт крышка.

— Давид! Почему ты ударил Олега? — жужжит надоедливой мухой, приближая ко мне лицо, пока я намеренно не отрываю взгляд от дороги, — Потому что подумал, что он целует меня, да?

Замолчи уже!

— Оля, сядь ровно и пристегнись! — рявкаю, чувствуя, как сердечная мышца работает быстрее обычного.

Только в присутствии этой выдры подобное происходит. Грудную клетку разрывает бешеным пульсом.

— Ты не ответил! — игнорирует мои слова и делает совсем наоборот. Безостановочно сверлит меня своими глазищами и приближается ещё сильнее, отчего меня начинает

трясти, — Давид, ты приревновал меня?

Резко встречаюсь с ней глазами, и вижу то, что всегда старательно игнорирую. В зелёных заводях ожидание и... надежда? Оля не дышит кажется даже. Только кожу мне снимает тонким слоем этими своими неприкрытыми эмоциями в глазах. Глупая девчонка!!

Намеренно громко смеюсь, а она в этот момент вздрагивает.

— С чего мне тебя ревновать, Оля? Ты никто для меня. Просто девчонка, от которой я чего-то подобного и ожидал — поцелуев в углу с едва знакомым сопляком. Но чтобы ты потом не ныла Мариам о том, что он тебе не перезвонил такой распрекрасной, решил пресечь эту ситуацию на корню. Да и домой уж слишком хотелось.

Боковым зрением замечаю, как Осипова рвано втягивает воздух и опускает голову. Медленно кивает прежде, чем отвернуться к окну.

Я же стараюсь справиться с остервенелым сердцебиением. Перед глазами проносятся те несколько секунд, пока я полагал, что это она с тем пацаном целуется и позволяет лапать себя за задницу. Мне кажется я соображать перестал напрочь эти мгновения. Словно в черную дыру провалился. Бездонную и нескончаемую.

Фокус с дороги стирается, возвращая меня в то отвратительное состояние, как вдруг раздаётся сигнал клаксона. Резко увожу машину вправо, рывком возвращаясь к реальности.

Чёрт!! Только этого не хватало — влететь куда-то из-за неё. Перевожу взгляд на Олю. Она даже не дернулась.

Качнулась по инерции только и резко ладонями по щекам провела, даже малость не повернувшись в мою сторону.

Вот и отлично. Езжай молча!

И пусть не думает о том, чего нет и быть не может.

Я такую как она даже не рассматривал бы для серьёзных отношений.

Чересчур проблемная, эмоциональная и импульсивная. Слишком яркая и притягивающая всеобщее внимание. Категоричная, взбалмошная, упрямая, громкая, адски непокорная, бесячая до оскомины в зубах. Ядреная смесь, которая никогда не даст жить спокойно!

Скашиваю на неё очередной взгляд и сам себя одергиваю. Если снова ревет, то это только её проблемы. Я не обещал Мариам быть с её подругой вежливым. Не захотела идти по хорошему, значит будет иначе.

Не успеваю заглушить двигатель у её подъезда, как Оля выскакивает из машины. Забирает с заднего сиденья куртку с сумкой и громко хлопает дверью. Натянув на себя свой пуховик, вскидывает голову, смотря на окна, а потом ёжится.

Я рывком поворачиваю ключ зажигания, разворачивая автомобиль, отъезжаю и зачем-то смотрю в зеркало заднего вида. Твою ж мать! Вместо того, чтобы идти домой эта упрямая садится на скамейку.

Это вообще как понимать? Ждёт, пока я уеду, а потом дальше пойдёт искать приключений на свою задницу?

Злость заставляет резко дать по тормозам и въехать на тротуар.

Руки чешутся, так сильно хочется её отходить за сумасбродное поведение. Выхожу из машины и размашистым шагом лечу к ней.

Заметив меня, Оля подскакивает со скамейки и собирается спрятаться в подъезде, но не угадала, девочка. Теперь я отведу тебя домой и вручу лично родителям, чтобы проконтролировали, что дочь дома. Переседеть сейчас пять минут в подъезде и отправиться

дальше на ночные тусовки не получится.

Хватаю её за локоть, когда она собирается закрыть перед моим носом дверь подъезда.

— Домой идешь? — рычу, толкая её к ступеням.

— Да. Отпусти! Уезжай уже! — брыкается, но я тяну её к лифту.

Ударяю по кнопке и пилю её глазами. Вот чего ей не сидится дома, а? На кой черт бегать по клубам и шариться ночами по городу?

— Давид, я сама доеду! — с надрывом топает ногой.

— Обойдётся. Уж доведу, раз обещал!

— Не надо! Я сама!

— Заходи в лифт давай!

Проходим внутрь и пока едем на указанный ею седьмой этаж, оба убиваем друг друга глазами. Её блестят вулканическим извержением, а мои — я не знаю что транслируют мои, но внутри меня творится хаос. Меня швыряет в такой жар, что еле на месте стою. Чувствую, что слишком сильно сжимаю её руку и ослабляю хватку, хотя самого выворачивает от потребности сжать сильнее. Наорать. Твою ж мать, эта бестия порождает во мне один сплошной негатив!

Двери открываются, но Оля не спешит выходить. Приходится и на этаж её вытаскивать.

Не дожидаясь пока найдёт ключи, давлю на звонок, предположительно её квартиры, потому что она с опаской поглядывает прямо на цифру сто двадцать. Бойтся, что родители сейчас ругать будут? Или стесняется, что это произойдет при мне? Ничего, ей полезно взбучку устроить!

По ту сторону двери раздаётся какой-то грохот, потом мужской смех, и через секунду дверь открывается. С порога на меня нетрезвым взглядом смотрит какой-то мужик.

Не понял... Я не туда позвонил?

Плывущий мужской взгляд перетекает с меня на Олю и пытается сфокусироваться.

— Осипов, — орёт вдруг он, отчего Олька вздрагивает, — тут твою дочуру привели.

— Кто привёл? — изнутри доносится второй нетрезвый голос, — иду!

Это что такое вообще?

Перевожу ничего не понимающий взгляд на Олю, и чувствую, как внезапно давит в районе грудины. По её щеке стекает слеза, которую теперь уже она спрятать не пытается.

— Он уже уходит, — говорит сорвавшимся голосом, не смотря больше на меня. Только локоть вырывает из моих пальцев, — можно я войду домой?

— Конечно, Оленька. Ты что ж так долго гуляешь? — чешет живот пьянь, провожая её склизким взглядом, — А ты парень домой бы шел. Спасибо, что подвез малышку.

Малышку?

Закрывает дверь, но мне удаётся услышать напоследок:

— Олька, я не понял, а где это ты шляешься так поздно?

Оля

— Я кому вопрос задал?

Пьяный голос отца звучит громче обычного. Да и выглядит он хуже, чем я привыкла. Из-за того, что я стараюсь приходить домой за полночь, когда он спит, я уже успела забыть как он отвратителен в состоянии опьянения.

— Пап, у нас конкурс танцевальный был, — смахиваю слезу со щеки и пытаюсь пройти к себе в комнату.

— До одиннадцати ночи конкурс был?

— А пусть дыхнёт, — советует его собутыльник, чей взгляд оседает на моей коже липким осадком.

Я видела его всего один раз, несколько дней назад, когда он уходил от нас перед возвращением мамы, но уже тогда мне не понравился этот человек. В отличии от других знакомых отца, он смотрел на меня иначе. Вот, как и сейчас — скользко, оценивающе, скользя глазами по лицу, и ниже.

Обхватываю себя руками в попытке спрятаться от неприятного взгляда и отодвигаюсь к стене.

— Вы всё равно ничего не почувствуете, — бурчу тихо.

Где папа только находит этих всех пьянчуг? Не удивлюсь, если они таскают у нас из квартиры всё, что под руку попадётся, но отцу же плевать. Главное — это с кем рюмку разделить, ведь из его бывших друзей у него никого не осталось.

— Ты мне поговори! — рявкает папа, преграждая мне рукой путь.

Господи, да дайте мне уже пройти!

— Пап, я устала! Можно я пойду спать? — устало прошу.

— Сначала расскажешь где была!

— Да ладно, что ты орёшь на девчонку? Пришла и хорошо, — встречается мужик, протягивая ко мне руку и беря за плечо.

Я напрягаюсь и в кокон сбиваюсь. Пытаюсь отшагнуть, но некуда. Дергаю плечом, но пальцы только сильнее впиваются в кожу.

Сердце от страха начинает громко колотиться, потому что мужик этот ближе подходит и встряхивает меня.

— Женская рука в доме — это хорошо! Она и помочь нам может. Вон закуска заканчивается, а Оленька нарежет. Да?

— Мне завтра на уроки рано вставать.

— И что? Тяжело отцу помочь?

От упрека в чужом мужском голосе у меня на спине выступает ледяной пот.

— Не трогайте меня пожалуйста!

— Чего? — возмущается он, не убирая руку. — Ты это на что сейчас намекаешь, соплячка?

Да тут и намекать не надо, и так всё понятно. Мне... но только не папе, потому что он не видит в этом диалоге ничего страшного, судя по всему.

Ответить я не успеваю. В дверь раздаётся звонок, а потом следует громкий стук.

— А это кого принесло? — хмурится папа, проходя мимо нас и тем самым заставляя

своего друга наконец убрать руку с моего плеча.

Я на всех парах ретируюсь в спальню и закрываю дверь на замок. От страха сердце бьется так громко, что я едва различаю голоса. Ладони дрожат, колени ватные. Если это ещё какие-то дружки, то замок мне не поможет. Дождусь, когда они уйдут на кухню и убегу в подъезд. Уж лучше там на ступенях пережду, чем здесь — сидеть и не знать чем может закончиться эта ночь и кому из них заблагорассудится попасть ко мне в спальню.

— Ты кто такой я повторяю? — папин повышенный голос долетает до меня сквозь вату, забившую уши.

— Оля где?

Застываю, потому что в первую секунду кажется, что я ослышалась.

— На кой тебе моя дочь?

— Так это он привёл её, — следует голос собутыльника.

Не слышалось... Давид.

— Что? Значит, это с тобой Олька шляется?!

— Где она? — игнорирует их нападки Дав. — Оля!

Требовательно зовёт, а я сильнее лопатками в дверь утыкаюсь. Зачем он это делает? Сам же затолкал домой. Когда просила не везти меня сюда, он злость извергал и рассказывал, как ему на меня плевать. А теперь что? Глаза начинают жечь слезы от стыда и обиды.

— Вали отсюда, парень! — заплетающимся языком кричит папа.

— Или мы поможем, — добавляет тот второй.

— Я никуда не уйду, пока Оля сюда не выйдет!

— А ты кто такой? Хмырь её что ли?

— Да что ты с ним говоришь?! За шиворот и с лестницы, а то стоит тут строит из себя хрен знает кого.

— С лестницы улетишь ты, если ещё раз назовёшь её малышкой!

— Чего?? Учить меня будешь?!

Господи!!!

Дрожащими пальцами открываю дверь как раз в тот момент, когда папин знакомый закатывает рукава и идёт прямо на Давида.

— Не надо, — прошу, а у самой голос срывается.

Сердце от волнения трепыхается, как птица в клетке. Не хватало только, чтобы он пострадал от этого пьяницы.

— Оля, это кто? — папа оборачивается ко мне, а Давид в этот момент грубо оттолкнув грузное тело знакомого, и усадив его на скамейку в прихожей, протягивает руку и хватается меня за локоть.

— Идём, — протаскивает к двери.

— Стоять, — дергает меня за вторую руку папа — Ты обалдела? Куда собралась?

От происходящего у меня шумит в голове, и режет глаза. Кажется, что это какой-то сюр. Нервы звенят, в горле дерет ком.

— Давид, не надо, — пытаюсь высвободить руку, но Давид не пускает.

— Ты пойдешь со мной!

— С чего это? Ты сам привёз меня домой, хотя я просила этого не делать, — цежу сквозь зубы, замечая сквозь поплывший фокус, как дергаются его желваки. — А теперь не надо меня жалеть. Езжай и отдыхай, как тебе хотелось!

Тяну руку, но глухая стена, которая вместо того, чтобы не создавать ещё больше проблем, со всей силы оттаскивает меня к лифту, вырвав из некрепкой хватки папы.

— Ты едешь со мной, — припечатывает, а потом возвращаясь в квартиру.

— Я не понял. Ты что о себе возомнил, щенок? Куда мою дочь везёшь? Ээ?!

Перед глазами плывёт картинка того, как Давид игнорирует пламенные речи отца, заходит внутрь и отмахиваясь от того, как папа пытается схватить его за плечо, выходит с моей курткой и сумкой. Берет за руку и тащит вниз по ступеням под аккомпонемент ругательств от отца и его товарища.

— Олька! — крик папы эхом отдаётся от стен подъезда, — Ну ты завтра получишь!

Не получу, точно знаю. Потому что на утро папа не помнит ничего из того, что происходило ночью. Поэтому мне никогда от него и не достаётся за то, что прихожу поздно. Я либо вру о том, что ночевала у бабушки, либо он просто спит днём, а к вечеру снова проводит время в компании бутылки.

На улице я не чувствую ни ветра, ни холода, пока Давид ведёт меня за руку к его машине. Открывает дверь, но перед тем, как пропустить меня внутрь, накидывает на меня мой пуховик. Не могу в глаза ему смотреть. Сил нет никаких. С одной стороны — я ненавижу его за то, что позорно притащил сюда и за все те слова, что сказал до этого, а с другой — я не хочу оставаться дома. И в подъезде тоже не вариант, ведь кто знает сколько они будут еще пить. Поэтому я просто молча позволяю ему усадить меня в машину.

Оказавшись внутри, отворачиваюсь к окну. Слезы бегут по щекам, но я настырно стираю их. В груди так сильно болит от стыда, унижения, страха. Все это смешалось в какую-то отвратительную жижу, забившую мои легкие и не позволяющую нормально дыхнуть. Никогда папа не позволял никому ко мне прикасаться. Я была его девочкой, его дочкой, а сегодня и слова тому мужику не сказал, когда он меня за плечо взял. А что, если бы он захотел другого?

Машина пружинит, знаменуя о том, что Давид занял водительское сиденье, а я сильнее себя руками обхватываю и стараюсь держаться. Изю всех сил держаться, потому что при нём плакать не хочу. Не дождется. Не после того, как сказал, что я пустое место и ничего не стою. Я смогу. Обязательно смогу. Вдох, глубокий, медленный, проходящий по легким битым стеклом.

— Оля, — зовёт Давид тихо, а я головой мотаю.

Не говори со мной. Не хочу, нет! Впечатываюсь сильнее спиной в сиденье. Рвано выдыхаю, когда вдруг его пальцы касаются моего лица и за подбородок поворачивают на себя.

— Оля, — мрачные карие глаза несколько секунд изучают меня, а потом происходит то, чего я совсем не ожидаю.

Давид вдруг рывком притягивает меня к себе, заставляя уткнуться носом ему в шею, и крепко обнимает. Внутри меня происходит взрыв. Все мои установки не плакать с треском проваливаются и я, громко всхлипнув, начинаю реветь.

Упираюсь ладонями в крепкую грудь, пытаюсь оттолкнуть его, но Давид не пускает. Продолжает держать, пока у меня слезы рекой льются, как у самой жалкой дуры на свете. Я не помню когда я так в последний раз плакала, чтобы навзрыд. Позорно, с всхлипами и содроганиями всем телом.

Наверное, тогда, в тот злополучный день, когда случилось непоправимое.

Не знаю сколько длится этот момент моей слабости, но в какой-то момент слезы

заканчиваются. Я больше не плачу, а просто сижу застывшим изваянием в объятиях Давида и пытаюсь справиться с происходящим. Его запах щекочет ноздри и выжигает легкие, но я не двигаюсь. Ещё хотя бы секундочку. Зажмуриваюсь, насыщая себя такой недозволенной близостью, потому что уверена, что больше подобного никогда не повторится.

И как бы я его ненавидела, сердце порхает бабочкой в груди и мечется из угла в угол, как заведенное. Потому что это ведь Давид. И он меня обнимает. Молча, вот уже сколько минут крепко держит в руках, а я слышу как хаотично и гулко бьется в груди его сердце. Сердце, которое мне до смерти хочется, чтобы стало моим.

Минута, две, три... Последний глубокий вдох, и я все же заставляю себя отстраниться. Руки, сжимающие меня секунду назад, разжимаются и опускаются на сиденье. Чувствую на себе пристальный взгляд, и таки осмеливаюсь взглянуть в напряженное лицо.

— Почему ты ничего не сказала? — протянув руку, Давид стирает с моей щеки остатки влаги, а меня в этот момент бьёт током.

Спешно отодвигаюсь и уже сама указательными пальцами прохожусь под глазами.

— Ты выбрал версию о том, что мне хочется гулять до утра. Я не стала её развеивать.

— Если бы ты объяснила, я бы не повёз тебя домой.

— Я просила. Но ты предпочел проигнорировать мою просьбу, ведь кто я такая? Всего лишь та, что способна зажиматься по углам с парнями.

Шумный выдох разносится по салону, а потом Давид заводит машину.

— Поедем ко мне, — ставит перед фактом, съезжая с тротуара. — Переночуешь с Мариам.

— Нет, не нужно. — запинаясь, прежде, чем признаться, — Мариам не знает ни о чём, а я не хочу ей пока рассказывать.

Давид хмурится, но ехать не прекращает. Выруливает из моего двора на дорогу.

— Есть ещё где остановиться на ночь?

У бабушки? Нет, это совсем другой конец города, ночью гнать его туда мне совесть не позволит.

— Не знаю, может, — задумчиво лезу в сумку, отыскивая телефон. Родители Миши в курсе того, что происходит с моим отцом, потому что его мама раньше хорошо общалась с моей. Раньше, до того, как папа пошел по наклонной. Почему-то отношение Ирины Сергеевны ко мне стало холоднее с тех пор. — Возможно, у Мишки получится, я позвоню сейчас.

— У меня переночуешь, — грубо обрубает мой порыв Давид.

Я недоуменно вскидываю на него голову, так и не успев открыть контакты, но он на меня не смотрит. Руль крепко сжимает, всё внимание сосредоточено на дороге.

— Как это у тебя?

— Вот так.

— Но твои родители этого не поймут.

— Они не узнают.

Теперь хмурюсь я.

— В смысле? Оставишь меня в гараже до утра?

— Нет. Будешь спать в моей комнате.

Оля

Всю дорогу до дома мы едем, не проронив ни слова. Давид ни о чем не спрашивает, а я не спешу делиться. Возможно, он в шоке от увиденного, и уже жалеет о том, что предложил остаться у него, ну а я просто пытаюсь прийти в себя и успокоить бедное сердце, которое всю дорогу бьется быстрее, чем обычно.

В машине пахнет резким ароматом одеколona Тиграна Армановича, но даже он не перебивает запах, который вьелся мне в кожу после того, как Давид обнимал меня. Он остался на воротнике куртки, и я, как настоящая токсикоманка, еду и дышу им.

В дом мы входим едва ли не на цыпочках.

Давид прикладывает палец ко рту, показывая, чтобы я не издавала ни звука, берет мои сапоги, которые я сняла в прихожей, и кивком головы указывает идти следом за ним.

Да, знаю, что вы скажете! Правильнее было бы отправиться на такси к бабушке, но почему-то этот логичный и в принципе, верный вариант мой рассудок отбросил. И поэтому сейчас я крадусь на носочках по лестнице следом за тем, кого еще каких-то пол часа назад проклинала и ненавидела.

Мы минуем спальню Мариам и проходим дальше по коридору. Я точно знаю где его комната. Не раз останавливалась перед дверью, представляя чем он может заниматься. Как слушает музыку, лежа на кровати, читает книгу, или смотрит фильм. Но еще ни разу мне не доводилось быть по ту сторону.

Никогда не думала, что возможность подвернется именно таким вот образом. Ступаю в темную спальню, когда Давид открывает для меня дверь, а после входит следом. Клацает выключателем и защелкивает замок.

Топчусь на месте, неуверенно оглядываясь по сторонам. Удивительно, но в отличии от комнаты Мишки, Давида спальня гораздо более опрятная. Если у Помазова вещи валяются на стуле, кровати, и даже полу, то здесь всё аккуратно расставлено. На столе ноутбук и лампа. Кое-какие книги лежат на углу, а внизу, около кровати две гантели. То, что Дав качается, я знаю. Его подтянутое тело говорит само за себя.

Обвожу глазами выполненную в сдержанных тонах спальню. На полке, висящей на стене, замечаю многочисленные кубки и награды за успехи в каратэ. Мариам говорила, что Давид им раньше занимался, когда они жили в Ереване. Вот только, я не знала, что их так много.

— Ну и? Что застыла? — доносится тихо из-за моей спины, и я чувствую прикосновение ладони к своей талии.

Всего на мгновение, потому что в следующее Давид резко отдергивает её, и обходит меня стороной.

— Проходи!

Снимаю с себя пуховик и аккуратно сложив его, кладу на стуле. Что говорить — даже не знаю. Чувствую себя незваной гостьей, и от этого жутко неудобно.

Не понимаю, как вести себя.

Пока я пытаюсь придумать хотя бы какую-то правильную модель поведения, Давид подходит к шкафу и достаёт с полки аккуратно сложенную футболку.

— Можешь переодеться в это, — протягивает её мне.

— Ты же её потом не отстираешь от такой плохой меня, — решаю вернуться к нашей привычной манере общения, потому что эта неловкость меня убивает.

Неловкость и то, как он смотрит на меня. Будто видит впервые.

— У меня есть отличный пятновыводитель, — задирает бровь, оставаясь при этом серьезным.

Забираю футболку и осматриваюсь. Из комнаты не выйти, чтобы переодеться, а тут и непонятно как это можно сделать.

Давид понимает всё без слов. Подходит к своему столу и становится ко мне спиной.

— Переодевайся.

Вот так значит, да? Ну, хорошо. Сомневаюсь, чтобы он стал подглядывать, но всё же быстро стаскиваю с себя свою кофту и натягиваю пахнущую кондиционером для белья, черную футболку. Почти тону в ней, потому что она прилично больше.

— Почему сестре моей ничего не говорила? — вопрос застаёт меня врасплох.

Так и застываю.

Я знала, что расспросов не избежать, но надеялась все же, что получится отмолчаться.

Выдохнув, складываю кофточку и кладу её на прикроватную тумбу, а сама сажусь на край постели. Пожимаю плечами, как если бы он мог меня видеть.

— Чтобы она ко мне, как и ты, сейчас с жалостью относилась?

— Ты переделалась?

— Да.

Давид оборачивается и опирается бедрами на стол. Расстреливает взглядом в упор.

— Я не отношусь с жалостью. Просто теперь мне много что понятно.

— Что, например? — вскидываю на него голову, а у самой дрожит всё внутри.

От того, что мы вот так нормально общаемся впервые за долгое время. От того, что в его глазах нет той отвратительной брезгливости, которая приносила мне боль. И от того, что я в его футболке...

— Как минимум то, почему ты ходишь в пивбары. Не для себя ведь, да?

— Я не пью.

Дав кивает.

— Я заметил.

— Поздно как-то. За всю нашу дружбу с Мари, я ни разу капли в рот не брала, а ты только сегодня увидел.

— Я не обращал внимания.

— Да, ты просто придумывал.

Вздыхнув, Давид отходит от стола и начинает расстилать постель. Я встаю, чтобы облегчить ему это действие.

— А когда сестра у вас ночевала, отец твой тоже был дома?

— Нет, конечно! Я что, совсем уже, по твоему? В те разы его не было в городе.

— Хорошо. Но ты зря не говоришь ей. Мари тебя очень любит. Думаю, ей бы хотелось иметь возможность поддержать тебя сейчас.

Я знаю. Она бы точно хотела, но я сама не хочу этого. Как признаться в том, что мой отец стал алкоголиком... из-за меня же? Плакаться по причине, виной которой я? Я не могу. Это больно. Я и себе-то в этом не могу признаться.

Собрав мягкий плед, Давид указывает мне головой на подушку.

— Ложись!

— Сюда? — удивленно таращусь на него. — А ты?

— Я на пол лягу.

— Там ведь твердо.

— Предлагаешь лечь с тобой?

Давид сощуривается, а я отражаю это его действие. Ну правда, сколько можно, а?

— Предлагаю самой лечь на пол. Ведь это я незваная гостья.

— Почему незваная? Я тебя сам позвал.

Бросив на пол плед, Давид забирает одну из подушек, а потом отворачивается к окну, чтобы снять с себя футболку.

Я спешно отвожу взгляд, чувствуя, что пульс скакать начинает, как девчонки на фитнесе мячах. Не то, чтобы я не видела его без футболки. Видела пару раз, но это совсем другое. Тогда он был с парнями, а сейчас мы наедине в его спальне.

Исподтишка возвращаю взгляд на широкую спину и не могу запретить себе крошечную вольность. Рассматриваю крепкие мышцы, пока он надевает другую футболку.

Давид, вероятно почувствовав моё преступление, оборачивается и задирает в своей привычной манере бровь.

— Я сейчас буду штаны переодевать. Планируешь и дальше рассматривать?

К щекам тут же приливает краска и я отворачиваюсь, забираясь под одеяло по самый нос и совершенно забыв о том, что нужно бы снять джинсы. Фыркаю.

— Я не рассматривала.

— И правильно делала!

— Было бы что! — бурчу, стараясь справиться со стыдом.

Мало того, что я в его представлении шлюшка, так ещё и люблю поглазеть на голых парней. Прекрасное сочетание.

Слышу смешок, шорох, а потом свет гаснет.

Из-за перепада освещения глазам непривычно и слишком темно. И вот в этой темноте очень отчетливо слышится урчание моего живота. Громкое и настолько постыдное, что я тут же хватаюсь за него, как будто положенная сверху ладонь может заглушить звук.

— Ты голодная? — раздаётся вопросительно в темноте через секунду.

— Нет.

— А если честно? Когда ты ела в последний раз?

Когда я ела... хороший вопрос.

— Перед выступлением.

— Почему в клубе вместо коктейлей не взяла поесть?

Допрос и Давид всегда ходят в одну ногу. Во всём ищет логику.

— Потому что бармен мой знакомый. Он угощает меня бесплатно, а за еду нужно платить.

Я и так на вход одолжила у девчонок. Заказывать еду уже не за что было. А пару чипсин и сухариков едой мой организм, по-видимому, не считает.

От резкого всполоха света приходится зажмуриться. Пока я промаргиваюсь, Давид встаёт с пола и направляется к двери.

— Ты куда?

— Принесу тебе что-то. А то ненароком меня съешь, любительница перекусить по ночам.

Присаживаюсь на кровати, так и хочется в него подушкой запустить.

— Не надо, не слишком я и голодная. А твое брэнное тельце мне не интересно!

— Ага, я видел пять минут назад, как ты смотрела на это неинтересное!

Вот же!!!

Набираю в легкие воздух, чтобы возмутиться, но Давид в этот момент открывает широко дверь в коридор и с улыбкой прикладывает палец к губам.

— Тттсс! Только попробуй разбудить всех! Сама потом будешь объяснять что делаешь в моей спальне!

Выходит, тихо прикрыв за собой дверь, а я чувствую, как моё возмущение выливается в какую-то неуместную и необъяснимую радость.

Глупо, правда? После настолько эмоционального вечера, после всего сказанного и услышанного, сижу и радуюсь, как непроходимая дура, потому что Давид только что улыбнулся мне. Самой простой улыбкой, той, что с теплыми лучиками вокруг его глаз. Той, от которой у меня под ложечкой сосёт и в области сердца горячо становится.

Грудную клетку начинает распирать, и я валюсь головой на подушку. Прикрываю ладонями лицо. Наверное, это всё состояние шока, потому что нельзя вот так перепрыгивать с эмоции на эмоцию. Это ненормально — злиться, плакать, а теперь улыбаться. Возможно, нужно позвонить в психушку, но даже врачам я скажу, что это не я. Это всё чертовы эмоции, которые во мне скачут, как молекулы в кипящей воде.

Быстро и хаотично, летают туда-сюда, пока в комнату не раздаётся тихий стук.

— Давид, — голос Лусинэ тормозит все реакции моего организма и заставляет буквально подпрыгнуть на кровати. — Давид, можно я войду?

Оля

Господи, Господи, Господи!

Спрыгиваю на пол, суетливо вертя головой из стороны в сторону. Если Лусинэ меня увидит в кровати Давида, да и ещё в его футболке, она меня с лестницы за волосы спустит, и Мариам я больше никогда не увижу.

— Давид, я войду?!

Нет!!!

Бросаюсь к первому месту, за которое лихорадочно хватается мой мозг, а именно к шкафу. Периферийным зрением замечаю собственные сапоги, стоящие рядом с ним, поэтому хватаю их в охапку и забираюсь в отдел, где висят вешалки с рубашками и брюками.

Со всей силы вжимаюсь в дальнюю стенку и дышать перестаю.

— Мам? — слышу сквозь приоткрытую дверь.

Лусинэ таки успела её открыть. Зажмуриваюсь, как если бы шкаф был прозрачный, и мне нужно было бы приложить максимум усилий, чтобы стать невидимкой.

— Я думала, ты в комнате, — отвечает женщина с вопросительной интонацией.

— Нет. Спустился взять перекусить. А ты почему не спишь?

— Спала, но проснулась вот. Показалось, что ты с кем-то говорил.

Только не это! Чувствую, как от страха у меня начинают трястись колени.

— Да, я говорил по громкой связи с другом. Прости, не подумал, что могу этим разбудить, — не дрогнувшим голосом отвечает Давид.

— Нет-нет, всё в порядке. Теперь понятно. А на кухне почему не поел?

— Да просто, — звучит уже в комнате, — поем и буду спать. И ты ложись. Завтра вставать рано.

— Конечно, уже иду. Спокойной ночи, сын.

— Спокойной!

Раздаётся щелчок, а потом тишина.

Я же, парализованная ужасом так и продолжаю вжиматься лопатками в твердую стену шкафа. Перед моим носом висит рубашка Давида, в ступни и лодыжки утыкаются картонные коробки из-под обуви, но я даже этого не замечаю.

— Оля? — тихий недоуменный шепот внедряется в моё разорванное паникой сознание. — Оля, ты где?

Сжимая деревянными пальцами сапоги, я продвигаюсь немного вперед и выглядываю из шкафа.

— Здесь.

Давид резко оборачивается. Карие глаза изумленно расширяются, пока он следит за тем, как я выбираюсь из своего укрытия. Всегда серьезные губы сжимаются, как если бы он пытался удержаться от улыбки, а недоуменный взгляд перетекает на мои сапоги.

— А они тебе зачем? Из окна хотела выпрыгнуть?

— Нет, — осторожно кладу обувь на пол. Должно быть я выгляжу полной дурой в его глазах, — подумала, что твоя мама может их увидеть и решила спрятать.

— Ммм, — таки не удерживается от усмешки Давид, — конспиратор из тебя так себе, Оля.

Кивком головы указывает на мою кофту на тумбочке, а пальцем — на сложенный белый пуховик на столе.

— Ну знаешь, что успела, то и схватила. Бегать и собирать вещи по комнате времени так-то не было.

И правда, в разведку со мной ходить та ещё удача.

— Понимаю. Но вообще попытка отличная! — продолжает посмеиваться Дав, даже не пытаюсь скрыть откровенные смешинки в глазах, от которых у меня весь страх улетучивается, а в животе рождается щекотка.

Я его впервые таким вижу. А ещё он впервые несколько раз подряд назвал меня Олей. Не Олькой, как раньше, а именно Олей. И это обращение непривычно режет слух, только не в негативном ключе, а совсем наоборот.

— Можно подумать, что другие девушки в твоей спальне не прячутся от твоей матери?

Зачем я завожу разговор о других? Не знаю. Слова сами с языка срываются, как сосульки с крыши во время оттепели.

— Вообще, ты первая!

— Ну, значит остальные бесстрашные!

— Первая, кто ночует в моей спальне!

Обескуражено вскидываю на него голову.

— Как это? Или ты своих пассий домой не возишь?

— Ну, начнем с того, что их не так много, как ты думаешь, — Давид вручает мне тарелку с ароматным гуляшом и лепешкой, которую их семья обычно ест вместо хлеба, — и плюс, водить к себе в дом девушек я не стал бы. Для кратковременного времяпровождения есть другие места.

Ну понятно...

— Тебе лучше знать. Машина, гостиницы и где там еще можно заниматься сексом? Я не слишком в этом разбираюсь.

Усаживаюсь на кровать, ставя на колени тарелку. От пряного аромата желудок сводит. Вот чем может похвастаться Лусинэ, так это тем, что готовит она как Богиня. Нигде я не ела ещё так вкусно, как в этом доме. Не замечая, что Давид так и не сдвинулся с места, я нанизываю на вилку несколько кусочков мяса, чтобы отправить их в рот.

Рецепторы жадно впитывают микс из специй, черного перца и мягкой, как пушинка телятины. Боже, как же вкусно!

Прикрываю глаза от гастрономического удовольствия, а когда открываю, встречаю серьезный взгляд больше не улыбающихся глаз.

— Что значит не разбираешься?

От неожиданного вопроса давлюсь и краснею. Он что, все это время обдумывал мои слова?

Ааа, ну да. Ведь моё заявление идёт в разрез с его недавним представлением обо мне.

Что ж, самое время развеять ещё один миф...

— То и значит, — жму плечами, отламывая кусочек лепешки и обмакиваю его в густую юшку, — когда нет практики, разбираться в каком-то вопросе довольно таки сложно.

Кладу его в рот, и с чисто садистским блаженством смотрю прямо в ошеломленные глаза. А вот так. Знай, что я не такая уж и шлюшка, как ты себе нафантазировал.

— То есть ты... — не договаривает, и словно даже не верит.

— Да, я не была ещё ни с кем, если ты об этом. Скажу больше, я и целовалась-то раз

всего, — добиваю его, уничтожая в хлам возведенный им эфемерный публичный дом, со мной в главной роли, — и то, это было ужасно.

Не знаю, что происходит в голове Давида в данный момент, но смотрит он на меня так, что у меня мурашки по коже бегут, несмотря на то, что внешне я пытаюсь храбриться и даже язвить. Опускаю глаза, не в силах справиться с этим его расстрелом и продолжаю трапезу, пока он неспешно обходит кровать и присаживается на своё импровизированное ложе.

Похоже, эта новость стала для него бОльшим открытием, чем я могла бы предположить.

— Может, ты тоже хочешь? — предлагаю Давиду лепёшку, стараясь как-то сгладить это тягостное молчание.

— Нет, ешь ты.

И я ем. Кто знает что завтра будет дома из еды, и будет ли вообще, поэтому лучше покушать сейчас.

— Спасибо, — справившись с поздним ужином, отставляю тарелку на тумбочку и облокачиваюсь на спинку кровати. — Твоя мама очень вкусно готовит.

— Я передам ей.

— Не надо!

Слышу смешок, а потом Давид встаёт, чтобы выключить свет. Возвращается на пол и ложится, закинув руки за голову.

В комнате становится темно, но благодаря фонарю на улице, очертания предметов увидеть довольно несложно.

— Мариам тоже хорошо готовит.

Продолжаю заслуженно нахваливать членов его семьи. Спать мне не хочется от слова совсем. Умом понимаю, что это единственный раз, когда мы можем просто поговорить, вот и цепляюсь за эту возможность, пытаюсь нащупать хотя бы какую-то тему, которую Дав захочет поддержать. А я потом еще очень долго буду перебирать в памяти наши диалоги, потому что сомнительно, чтобы такой вот вечер когда-либо повторился ещё раз.

— А ты не умеешь готовить? — спрашивает он.

— Нет.

— Почему?

Наверное, зря я предприняла эту попытку с диалогом. Он завёл совсем не туда, куда бы мне хотелось.

— Не научилась.

Сползаю на подушку, ложусь на бок и натягиваю на себя одеяло. От воспоминаний становится холодно. Не знаю, что мной руководит в этот момент, но я почему-то решаю рассказать Давиду то, чего до сих пор не смогла рассказать Мариам.

Хоть он и не просит моих откровений, и возможно, они ему вообще ни к чему, но именно с ним мне хочется ими поделиться.

— Моя мама тоже хорошо готовит, — говорю тихо, — Она всегда баловала нас разными блюдами, и мне, глядя на неё, тоже хотелось научиться. Я часто приходила на кухню, когда была чуть младше, говорила — мама, давай помогу, порежу что-то, или почищу. Она пару раз давала мне такую возможность, но я всякий раз делала что-то не так. То крупно резала лук, из-за чего потом папа бывало ворчал, то палец себе порезала однажды овощечисткой. С тех пор мама меня и не пускала, говорила, что она сама справится быстрее.

Я замолкаю, полагая, что возможно Давид уснул, утомленный моим монологом, но нет, спустя секунду понимаю, что не уснул.

— Почему твоя мать столько лет терпит пьющего мужа?

— Она терпит его всего полтора года.

— Как так?

Переворачиваюсь на спину и утыкаюсь взглядом в потолок. Тяжело вздыхаю.

— Папа раньше не пил. Только по праздникам, и то очень мало. Да, он был с характером, но при этом любил нас. Меня, маму и Алису. Мы вообще были очень счастливы, пока однажды...

Запинаюсь, внутри всё тисками сжимает.

— Однажды...?

— Пока однажды я не уговорила маму снова попробовать ей помочь на кухне. — прикрываю глаза, в воспоминаниях всплывает яркая картина, подробности которой я буду помнить до конца своей жизни, — Это была суббота. Алиска и папа были дома. У него в этот день не было смены. Он работал хирургом. Одним из лучших. К нему приезжали из разных городов, потому что он мог проводить такие операции, какие с трудом давались другим, — в горле растёт ком. Помню, как папа гордился собой. Тем, что помогает людям, возвращает их к жизни, продлевает её. — В общем, мама сжалилась, уняв моей просьбе и велела почистить и разрезать курицу, а папу попросила посидеть с Алисой. Папа говорил, что ему нужно срочно до завтрашнего дня прочитать чью-то историю болезни, и он не может заниматься сестрой, но я так ухватилась за разрешение мамы, что буквально упростила его совсем немного поиграть с Алиской. Она тогда ещё совсем маленькая была, егоза такая, на месте не сидела. Бегала из комнаты в кухню, играла с кубиками, что-то лепетала. Папа все же пытался читать и при этом за ней приглядывать. Ну, я перед тем, как чистить курицу, набрала в кастрюлю воды и поставила её на плиту. Мама была занята тем, что нарезала салат и говорила по телефону с подругой, поэтому не проконтролировала меня. А я почему-то и не подумала, что воду нельзя ставить на переднюю конфорку. Ещё и включила самый сильный жар, чтобы быстрее закипела, — замолкаю, чувствуя, как в груди начинает больно давить от живости воспоминаний. — Я до сих пор не знаю как так произошло, что все события случились в одну секунду. Папе позвонили из больницы, Алиска притащила из комнаты орбизы, знаешь такие мягкие водные шарики, и случайно рассыпала их прямо у меня под ногами. Все засуетились, мама начала требовать у Алисы, чтобы она собирала шарики, а у меня — чтобы я ей помогала. Но для начала мне нужно было вымыть руки от жирной курицы. В этот момент на кухню вошел папа, одной рукой держа мобильный, а другой пытаюсь вывести Алиску. Но сестра не хотела уходить, раскапризничалась и зачем-то потянулась к кастрюле. — голос таки ломается, когда я пытаюсь спрятать весь тот пережитый за пару мгновений страх, — Если бы не папа... она бы перевернула на себя кипящую воду. Но он схватил кастрюлю, отчего вода не вылилась, а расплескалась ему прямо на руки. Сестра испугалась, дернулась вперед, толкнув его и папа открытой ладонью уперся прямо в раскалённую панель на плите. Я не знаю какую боль по шкале приносит такой сильный ожог, но должно быть это невыносимо. То, что происходило потом — было адом. Папа кричал от боли и ярости. Мама плакала, Алиса и я тоже...

Я замолкаю, стирая со щек выступившие слезы. Чувство вины как тот же кипяток бурлит во мне и рвется наружу.

— И с тех пор твой отец больше не может работать хирургом, — догадывается Давид.

— Да. Он долго восстанавливался, пытался практиковаться. Что только не делал, какие мази не пробовал. Если бы он только облился кипятком, возможно через время он смог бы вернуться к прежней работе. Но после панели держать в руке скальпель уже не мог. Ему даже кожу пересаживали на ладони, но не помогло. Не прижилась как надо. Хирургия была для него всем. Его мечтой детства, работой, в которую он вкладывал всего себя. Ездил на конференции, все время учился, чтобы стать ещё лучше. Даже за границу на практику

пробовался и приехал с хорошими отзывами из каких-то мировых ведущих клиник. Его карьера только начиналась...

И могла бы быть просто блестящей, если бы не я...

Давид

— Как ты завтра домой пойдёшь?

— Папа на завтра ничего не вспомнит, — тихо отвечает Оля, — У него особенность такая — если выпьет чуть больше нормы, память отшибает напрочь. Он поэтому и не пил раньше совсем, чтобы избежать этого. Так что, как и всегда, скажу, что ночевала дома. Хотя, он даже скорее всего не спросит. Ему это не интересно.

Спрятать горечь в голосе Оле удаётся плохо. Я же пытаюсь уложить в голове всё произошедшее сегодня. Внутри дикой кошкой дерёт совесть из-за того, кем я считал её. Или хотел считать. Чувствую себя последним мудаком за брошенные ей слова и за то, что затолкал домой. Думал, она тусоваться хочет, а девчонка просто пыталась избежать встречи с пьяными скотами.

Вихрь из злости закручивает сознание, когда я представляю её в компании её бухого отца и того мужика, который назвал её «малышкой». Мразь такая. Зря ему не врезал. Думал только о том, как Олю оттуда вытащить. Глаза её эти заплаканные всю душу перевернули. Я видел уже её слезы пару раз, когда мы общались до этого, но никогда они ещё не трогали меня так, как пару часов назад. А то, что случилось в машине и вовсе вышибло пол из-под ног. Всегда казавшаяся сильной она в один момент стала хрупкой и беззащитной. Сидела плакала, а я сам не понял, как потянул её на себя и уткнулся носом в стянутые чертовым хвостом волосы.

Девчонка содрогалась в рыданиях, а меня на части рвало. Обнимал её и чувствовал, что за ребрами трещит что-то. Больно так и оглушающе. Растёт с такой скоростью, что я опомниться не успеваю. Только сжимаю ещё крепче, даже когда она вырваться пыталась.

— Давид?

Оля присаживается на постели, а я поворачиваю в её сторону голову.

— М?

— Можно кое-что спрошу?

— Попробуй.

Медлит несколько секунд, но в итоге решается:

— А твоя невеста тоже не бывала в твоей комнате?

— Нет.

— И там, в Ереване тоже?

— Она живет в деревне, а не в Ереване.

— И в деревне не бывала?

— Нет, не бывала. Зачем тебе это?

— Просто пытаюсь понять. Если вы собираетесь пожениться, значит ты любишь её? А если любишь, зачем знакомишься с другими и проводишь с ними время?

Отворачиваюсь и плююсь на светлое от фонаря пятно на обоях. По внутренностям холодок проходит.

— Не всегда женятся на тех, кого любят.

— Как это? Разве можно жениться без любви?

— Можно. Так женились мои дед с бабой. Родители. Да многие знакомые.

— Это же очень тяжело. Каждый день видеть нелюбимого человека, делить с ним

постель, завтракать, гулять, проводить вечера. Домой ведь не хочется возвращаться зная, что там тот, кто не нужен.

— Оля, какая тебе разница? — снова начинаю злиться от этих её рассуждений. — Ты замуж выходи за того, кто нравится. И спать ложись давай, хватит болтать!

Буквально чувствую, как она несколько долгих мгновений прожигает меня своими глазами, но молча укладывается в кровать и укрывается.

— За того, кто мне нравится я не выйду, — говорит очень тихо, но всё внутри меня реагирует на эту реплику.

По нервным окончаниям электричество проходит. Я даже едва не приподнимаюсь на локтях, чтобы видеть её.

— Почему? — из-за напряжения звучу сипло.

Оля молчит, и создаётся впечатление, что не собирается отвечать. Но в итоге произносит:

— Потому что он женится на другой.

Сердце ударяется о грудную клетку, и начинает колотиться на максимальной скорости. Так часто, что ещё немного и кажется вовсе остановится. Я ослышался? Нет, не мог. Её шепот как звук рассекаемого хлыстом воздуха ударил по барабанным перепонкам.

Бешеная эйфория прокатывается под кожей, но уже через секунду гасится смыслом, вложенным в сказанную фразу.

Стискиваю челюсти и роняю голову на подушку. Пульс замедляется и теперь кровь рывками толкается в венах. Дурочка. Какая дурочка! И я дурак, что привез её сюда. Надо было снять номер в гостинице, пусть бы там ночевала. А теперь... как теперь повернуть этот вечер вспять и снова видеть в ней меркантильную стрекозу? Как, если в ушах всё ещё звенит «За того, кто мне нравится я не выйду»?

Разворачиваюсь на бок и прикрываю глаза. Нервы звенят, все функции организма работают неправильно. Глубоко вдыхаю и слышу, как тоже самое делает Оля.

Оля

Не сплю. Ещё долго не сплю после своего признания. Возможно, ненужного и неуместного. Сама не понимаю, как на него решилась. Когда Давид сказал о том, что жениться можно не по любви, весь мой рассудок отключился. Не любит он её, эту Ани. Не любит! Ведь подобного никогда не скажут, если женятся на любимом человеке.

Зажмуриваюсь, чувствуя себя так, словно вышла из дома голой, но не жалею о том, что сказала. Скорее всего, мои слова ничтожны, ничего для него не значат, но мне хочется, чтобы он знал о моих чувствах.

Сплю я из ряда вон плохо. То ли место новое, то ли осознание, что Давид спит в паре метров от меня не дают мне крепко уснуть. Приходится отстегнуть свой хвост, распустить волосы, потому что грешу ещё и на стянутую прическу, но даже это не помогает. Я всю ночь кручусь и просыпаюсь в итоге в пять часов. Голова болит страшно, но мысль о том, что мне нужно уйти быстро приводит в сознание.

Причины две. Первая — я не знаю во сколько просыпаются родители Давида, и совершенно не горю желанием столкнуться с ними в коридоре. И вторая — я пока не готова встретиться лицом к лицу именно с ним. К утру уверенность в правильности моего признания поутихла. Что, если теперь когда он будет на меня смотреть, я буду видеть жалость? Или того хуже, зная теперь о том, что он мне нравится, он будет относиться ко мне как и прежде? С надменной холодностью. Это, наверное, убьет меня сразу, потому что

докажет его равнодушие. А я не хочу этого сейчас. Просто не готова.

Тихонько встав с кровати, я без желания снимаю с себя футболку Давида и аккуратно сложив её, кладу на подушку. Одеваю свою кофточку, бросаю в сумку хвост, который нужно будет сдать Тамиле Рашидовне, забираю куртку с сапогами и тихонько ступаю к двери. Уже подойдя к ней, оборачиваюсь. Давид спит, мне удалось не разбудить его. Такой безмятежный, расслабленный. Темные волосы прикрывают лоб и мне на короткое мгновение вдруг хочется подойти и убрать их с его красивого лица. Давид правда красивый. Настолько, что у меня всякий раз дух захватывает, стоит только взглянуть на него. Вот и сейчас, я просто смотрю, а ненормальное сердце из груди выпрыгивает.

Спешно отворачиваюсь. Нужно идти!

Осторожно приоткрываю дверь и выглядываю в коридор. Пусто. Хоть бы все спали!

На спине выступает ледяной пот, когда я выхожу и прикрыв тихонько дверь, осторожно спускаюсь с лестницы. Каждый шаг даётся с трудом. Кажется, будто меня слышат даже в самых отдаленных комнатах. Пульс гроыхает в ушах, ноги еле слушаются.

Господи, как же страшно, а!

Оказавшись внизу, пробираюсь к двери и берусь за замок. Тот щелкает, вынуждая меня поморщиться и шикнуть на него, а потом толкнуть дверь и выскользнуть за неё. Уже на улице, на крыльце, я без промедления натягиваю на себя сапоги и бегу к калитке.

Только оказавшись за ней, могу облегченно выдохнуть. Слава Богу.

Путь к остановке занимает каких-то пятнадцать минут, после чего я сажусь на автобус и еду к дому. По пути засыпаю, проехав нужную остановку, а просыпаюсь, когда автобус уже сделал целый круг и снова едет в сторону моего дома. На этот раз уже стараюсь держать себя в руках и не отключиться.

В квартиру захожу с опаской. Не хочу снова наткнуться на того мужика, но его и нет. Только папа по своему обыкновению спит в зале в окружении пустых бутылок.

На то, чтобы собрать рюкзак у меня уходит буквально десять минут. Перед уходом заглядываю в холодильник и обнаружив там остатки сервелата, делаю себе пару бутербродов, которые съедаю по пути к остановке.

Так получается, что в школу я приезжаю как раз вовремя. На этот раз не дожидаясь Мариам у входа по понятным причинам, а сразу захожу в здание. Сдав куртку, поднимаюсь на второй этаж и занимаю свое место за партой.

Мари приходит минут за пять до начала урока.

— Привет, Оль, — улыбаясь, садится рядом.

— Привет, — чмокаю её в щеку, — как дела?

— Хорошо всё. — вынимает из рюкзака тетрадь с дневником и пенал, — Как вчера вечер прошел? Хорошо потанцевали?

— Да, — отвожу взгляд.

Желание рассказать ей обо всем что случилось слишком велико, но снова же причины для того, чтобы молчать, довольно очевидны.

— Давид сказал, что отвез тебя домой. Всё в порядке было? Не обижал тебя? — внимательно всматривается мне в лицо.

— Не больше, чем обычно, — веду показательно равнодушно плечом, — спасибо, Мари за заботу, но я могла добраться сама.

Говорю больше потому что, она привыкла это слышать от меня. На деле же я благодарна ей за то, что вчера Давид оказался рядом.

— Я просто хочу, чтобы вы помирились. И он перестал вести себя как гад по отношению к моей лучшей подруге, — тараторит Мари, вызывая у меня улыбку. — А, кстати, представляешь, мама нашла в коридоре твою резинку.

Быстро поворачиваюсь к ней, расширенными глазами смотря на мою черную бархатную резинку, зажатую в ладони подруги.

— Оу...

— Ты не была у нас несколько недель, а она вот только сегодня обнаружилась, — улыбается Мари, ни о чем не подозревая, а у меня сердце от страха выскакивает.

— Странно, — выдавливаю из себя, забирая из протянутой руки свою вещь.

— Вот и мы так подумали. Мама почти каждый день убирает.

Во взгляде Мариам нет намека на какое-либо подозрение, потому что она слишком правильна, чтобы допустить мысль о том, что я у них ночевала.

— Но я подумала, что может она зацепилась за какую-то мою вещь и просто упала. Потому что лежала в коридоре между нашими с Давидом спальнями.

О Господи!

— И это твоя мама её нашла? — спрашиваю, чувствуя, как бледнею.

— Да. Просила тебе передать.

Сглатываю колючий ком и пытаюсь улыбнуться. Какая дура боже, сапоги прятала, а резинку не смогла!

Давид

— Слушай, меня сейчас вырубят, — зевает Демьян, прикрывая тыльной стороной ладони рот.

Да уж, наш преподаватель Ильин может похвастаться заслуженным первым местом по самому нудному ведению пары.

— Десять минут осталось. Потом можно будет кофе попить, — тихо отвечаю ему.

Саня сегодня вообще решил не приходить. Вероятно, слишком затянулись его ночные приключения, если даже на занятия забил.

— Угу. В кофейню напротив сходим? Не хочу тут толпиться в столовой.

— Я пас. Мне уйти нужно с оставшихся пар. Прикроешь?

— Да без проблем, — жмет плечами Дем, — а куда ты собрался?

— Надо решить один вопрос.

— Случилось что-то?

Случилось то, что пол утра я вместо того, чтобы учиться думаю о том, как будет Оля ночевать дома сегодня вечером.

— Ну так, — увиливаю от ответа.

— С Мариам? — просыпается сразу Демьян.

— Нет, с ней всё прекрасно.

— А. Ну ты же знаешь, если что говори.

Киваю, слегка стукнувшись своим плечом о его. Мы с Демьяном знакомы не так уж давно, но как-то быстро нашли общий язык. С Саней вот тоже. Эти двое всегда рядом, и потусоваться и кулаками помахать. Однажды выпал такой случай. На парковке возле университета меня чмошники зажали, человек пять. Хотели мобильный отжать и деньги. И хоть я неплохо владею боевыми искусствами, помощь от этих двоих пришла довольно быстро. Мы тогда даже толком не общались. Зато после того случая стали не разлей вода. И родители мои их приняли, как родных.

Со звонком собираю свои вещи и отправляюсь на остановку. Машину отец днем берет на работу, поэтому добираюсь на автобусе. По пути к месту назначения покупаю в магазине бутылку светлого пива. Думаю, оно пригодится, как нельзя кстати.

Подхожу к подъезду и на автомате вскидываю глаза на уже знакомые окна. Прохожу внутрь, поднимаюсь на седьмой этаж и вдавливаю палец в звонок. Несколько секунд ожидания не приносят результата, поэтому звоню ещё раз. На этот раз длительно, не отрывая пальца от кнопки. Давай же!

Спустя какое-то время внутри раздаётся шум и ругань. Ну вот, можешь когда хочешь! Пальца с кнопки не убираю, на случай, если передумает открывать.

— Хватит трезвонить! — дверь резко распахивается, и на пороге появляется отец Оли.

Помятый, заспанный. В той же самой одежде, что и ночью. Сощуренными глазами он смотрит на меня как на врага народа.

Только теперь я перестаю звонить и опускаю руку.

— Позвольте зайти? — вопрос чисто для проформы.

Не дожидаясь его разрешения, я прохожу мимо него в коридор.

— Э, парень, ты кто такой? — доносится вопросительно за спиной.

Значит, Оля была права. Он действительно ничего не помнит, иначе сейчас бы пытался привести в исполнения свои вчерашние угрозы.

— Сейчас расскажу. А ты проходи давай в кухню, поговорить надо.

Бровь мужика медленно ползет вверх, пока я снимаю с себя кроссовки и куртку.

— Я тебе что — батя, что ты со мной на ты обращаешься?

— Не дай Бог мне такого батю! Идём.

Осмотревшись, замечаю слева кухню и уверенно направляюсь туда. По шаркающим шагам понимаю, что хозяин квартиры плетется следом.

А кухня ничего так. Не из дешевых. Что там Оля говорила? Что он был отличным хирургом? Что ж, видно, что зарабатывал неплохо. Стенка довольно современная, стеклянный стол, большой холодильник. Так не живут семьи терапевтов.

Достаю из пакета бутылку пива и ставлю её на стол. Глаза мужчины тут же загораются, но прежде чем взять её, он с подозрением косится на меня.

— Это что?

— Это протрезветь. Чтобы ты внимательно услышал что я хочу сказать.

— Во-первых, перестань мне тыкать. А во-вторых, кто ты к чертовой матери такой, что заявляешься ко мне домой и говоришь мне что делать?!

— Меня Давид зовут. Я брат Мариам, подруги Оли.

Сощурившись, он внимательно пристреливается ко мне взглядом.

— И что?

— А то, что вчера я имел возможность подвести Олю вечером домой.

— Ольку? Это она с тобой что ли шашни крутит? — брезгливо морщит рот и опускается на стул. Достав из кармана поношенных спортивных штанов зажигалку, открывает бутылку.

— Ничего она не крутит. Мы просто знакомые, — наблюдаю за тем, как он отпивает из бутылки и блаженно выдыхает.

Блядь, даже смотреть противно. И видно же, что лицо у него аристократическое. Широкие скулы, большие глаза, волевой подбородок. Мужик, наверное, когда-то был довольно неплох собой. Пальцы вон длинные какие, только покрыты красными пятнами, вероятно в тех местах, где кожу пересаживали.

— И что? От меня тебе что нужно? — ставит бутылку на стол и складывает на груди руки.

— Тебя как зовут? Прости, Оля не называла имени.

— Виктор Борисович.

— Мм, так вот, Виктор Борисович, ты вообще помнишь, что у тебя дочери семнадцать лет?

— Ну..

— А ты видел её?

— В смысле? — быкует он.

— В прямом. Высокая, красивая, стройная. Характер правда, не подарок, но внешность такая, что можно слюной подавиться.

Оперевшись на столешницу, он резко встает и ступает ко мне.

— Ты сейчас к чему клонишь? Хочешь её?

Придурок ...

— Её хотят твои дружки. Один точно. Тот, с которым ты вчера тут бухал, зная, что дочь придет домой.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что говорю прямым текстом. Ты не видел, как он на неё смотрел, а я видел. В глазах голод, а изо рта слюни капаят, как у бешеного пса. Так вот, пока ты тут захлебываешься в своем горе, таская к себе мужиков, твоя дочь боится прийти домой, потому что знает, что здесь её может ждать неизвестно что.

От одной мысли об этом меня снова крыть начинает.

Спесь с Борисовича уходит не сразу, но в голове явно что-то шевелится.

— Ты бред несешь. Он бы не стал.

— Он вчера её малышкой назвал.

— И что?

— А то, что никакая она ему нахрен не малышка! — рывкаю, стискивая кулаки. — Приди в себя, Виктор Борисович, и вспомни, что у тебя помимо Оли есть ещё одна дочь, которая растёт видя тебя постоянно бухим. Что ты творишь с ними? Что они вспоминать будут, когда ты сдохнешь однажды, надравшись в хлам, или захлебнувшись собственной рвотой?

— Ты гонор убавь, — гаркает он, но я пришел сюда не за тем, чтобы что-то убавлять.

— Это ты давай убавляй свои страдания. Я в курсе того, что с тобой случилось. Да, это беда. Да, пережить тяжело. Но ты вон здоровый какой, возмись за ум, работу можно найти другую, главное захотеть. Ты же топишь и себя и детей своих. А потом, если случится что-то, простишь себя, что по твоей вине произошло?

Тонкие губы Борисовича складываются в тонкую линию, и он выпрямляется.

— Что ты можешь знать? Ты не представляешь как это в один момент потерять всё! Клиентов, друзей, связи, возможность делать работу, которую любишь всей душой. Спасать других! Да я мог всю семью увезти за границу, если бы Ольке тогда не вздумалось готовить.

Опешиваю, не сразу поверив в то, что услышал.

— То есть, это Оля по твоему виновата в случившемся?

— А кто ж ещё? Мать ей говорила, что сама готовит, а той вечно не терпелось научиться. Нахрена? Есть дома еда — радуйся. Тебя обувают, одевают, кормят. На море летом возят. Сиди уроки учи или с друзьями гуляй, на кой черт в пятнадцать лет к плите тянуться? — орет этот неадекватный.

— Это нормально хотеть чему-то учиться!

— Нормально делать то, что говорят родители. — знакомые устои впервые в жизни наждачкой режут слух, — Я просил её посидеть с Алисой. У меня дело было важное, не требующее отлагательств. И если бы эта дура сделала как я просил, ничего бы не случилось!

Ярость берет верх, и я сам не замечаю, как сгребая в кулаки грязную футболку Олиного папаши.

— Ещё раз ты назовешь её дурой, я за себя не отвечаю. — рычу ему в перекошенное от гнева лицо, — В жизни случается разное. А сила — это не просто прийти к успеху, сила — это подняться с колен и снова доказать, что ты что-то можешь. Вот и докажи. Себе в первую очередь, жене своей и детям, которые нуждаются в нормальном отце. А не в нытике, запивающем горе алкоголем. Иначе, однажды случится то, что ты себе никогда не сможешь простить!

Скривившись, он отталкивает меня, и быстро оправляет футболку.

— Пошел вон из моего дома! — цедит сквозь сжатые зубы.

— Так и сделаю. Но если еще раз Оле придется искать где переночевать только бы не

видеть пьяные рожи твоих друзей, ты пожалеешь!

Обхожу его и быстро обувшись, уйду. Внутри все лавой кипит.

Оля

— Осипова! — вздрагиваю, когда вдруг сверху раздается грозное ворчание, — Спать нужно дома, а на уроке слушать внимательно то, что объясняет учитель.

— Извините!

Кажется, я снова уснула. Поворачиваю голову к Мариам, когда Песоцкая возвращается к своему учительскому столу. Удивленный взгляд подруги задает мне немой вопрос, но я только плечами жму. Меня жутко клонит в сон и мне как-то зябко. Сказывается бессонная ночь, скорее всего.

Откидываюсь на стул, а Мариам зачем-то прикладывает мне ладонь ко лбу. От её прикосновения я ежусь, потому что кожа подруги ощущается буквально ледяной.

— Оль, у тебя температура!

Прикасаюсь ко лбу также как она, но ничего не ощущаю.

— Вроде нет.

— Оксана Максимовна, — зовёт Мариам Песоцкую, — Оля горячая вся, ей нужно к медсестре.

Сощутив недовольно нос, учитель жестом руки даёт мне зеленый свет на то, чтобы сходить к врачу, а я пользуюсь моментом. Может, никакой температуры и нет, но сегодня находиться на уроках как-то действительно тяжело.

Мари оказывается права. Градусник в медпункте показывает тридцать восемь и пять.

— Ох, что ж ты сидишь в таком состоянии на уроках? — взмахивает руками милая молодая медсестра Алена Игоревна, с заботой глядя мои волосы. Она у нас новенькая, ещё не успела очерстветь, как предыдущие, которым в принципе нет дела до плохого самочувствия учеников. — Я тебе сейчас выпишу освобождение. Покажешь учителю. Прямо сейчас пойдешь домой, не жди окончания урока. И кстати, вот, выпей! Это нурофен.

Делаю всё, как велит Алена Игоревна и уже через пятнадцать минут еду домой в автобусе. Таблетка начала действовать, чувствую, как буквально истекаю потом в теплой куртке, но слабость никуда не ушла. Прислонившись лбом к прохладному стеклу, прикрываю глаза. В памяти роем копошатся воспоминания прошедшей ночи. Интересно, как Давид отреагировал на моё отсутствие утром? Рассердился, что сама ушла, или обрадовался, что не пришлось помогать мне сбежать? Может, он вчера не услышал моего признания? Наверное, так было бы даже лучше. Стыд за произнесенные слова с опозданием жжет и так разгоряченный организм. С самого утра мне при мысли о своем позоре хочется сквозь землю провалиться, честное слово. Никто же за язык не тянул, зачем было вот это вот всё? Чтобы теперь чувствовать себя ещё более уязвимой в его компании?

Задумавшись, понимаю, что автобус останавливается прямо на моей остановке. Спихватившись, забираю сумку и выскакиваю на улицу. Чуть не проехала, дуреха!

Приближаясь к дому, на автомате замедляю шаг. До дрожи в коленях не хочу проводить время в компании папы, пусть и спящего, но кажется простуда набирает обороты, потому что даже куда-то идти у меня банально нет никаких сил. Представляю, как сижу тут на лавке, убивая время и понимаю, что погода явно не та, чтобы можно было пересидеть на улице. Моросит мелкий дождь, небо затянуто тяжелыми тучами и дует пронизывающий ветер. Посиди я так немного и ртуть в градуснике поднимется к отметке сорок.

Вздыхнув, отправляюсь домой, надеясь только на то, что папа спит. Вот только надежда рушится, едва я вхожу в квартиру.

— Олька? — раздаётся тут же с претензией из кухни.

Я еще не вошла толком, а уже что-то сделала не так. Уронив сумку на пол, разуваюсь и снимаю куртку.

— Да.

— А ну сюда иди!

Послушно прохожу на кухню. Картина уже привычная — папа и пиво. Ничего нового. Вот только смотрит он на меня пристальнее, чем обычно.

— Что-то случилось?

— Случилось, — откидывается он спиной на стену. Глазами обводит меня с ног до головы, — Это ты своего дружка ко мне прислала?

Дружка?

Непонимающе смотрю на папу.

— Какого дружка?

— А этого, армянин он или кто? Брата твоей подружки.

— Давида? — удивленно выпаливаю, тут же забыв о своем не слишком хорошем состоянии.

— Не помню. Темный такой, приходил тут мне, рассказывал как жить.

Внутренности жгутом стягивает, а сердце подпрыгивает и начинает скакать за грудной клеткой. Все молекулы внутри, спокойненько улегшиеся под тяжестью простуды, вдруг начинают метаться, нагревая меня теперь уже по другой причине.

— Давид приходил сюда?

— Ну да. Значит, ты не в курсе? — сощуривается папа.

— Н-нет. А что он хотел?

— Рассказывал что я кому должен, а кому нет. — Губы отца складываются в тонкую линию. — Значит так, если он еще раз сюда явиться и будет мне права качать, я буду говорить с ним иначе. Поняла? Нечего мне в моём доме мозги вправлять, так ему и передай!

Замедленно киваю.

— Он говорил что-то обо мне? — стараюсь выглядеть как можно безразличнее.

— Ересь всякую нёс. Бред полный. Ты меня услышала, что я сказал?

— Да.

— Всё, иди к себе.

Разворачиваюсь, и направляюсь к выходу, когда слышу уже менее грубое:

— Оля?

Оборачиваюсь назад.

— Это правда, что ты боишься Генку?

Папа смотрит на меня исподлобья, и я в первые секунды теряюсь. Так вот что Давид сказал? Он все-таки приходил поговорить обо мне....

— Боюсь, — признаюсь, смотря папе в глаза.

Вижу, как скулы на его лице заостряются и уже жду, что он начнет меня линчевать за вранье, или ещё за что-то, но этого не следует. Только складка на его лбу становится глубже. Папа не торопясь переводит взгляд на настенные часы и хмурится ещё сильнее.

— А ты почему до обеда пришла? Уроки же еще.

— У меня температура, домой отпустили.

— Заболела что ли?

— Похоже на то.

— Ясно. Иди тогда, я матери позвоню.

Кивнув, я забираю свою сумку из коридора и захожу к себе в комнату.

Прохожу к кровати и падаю на неё. Подношу руку к губам и понимаю, что улыбаюсь.

Давид приходил к папе. Он не проигнорировал то, что случилось вчера. Попытался помочь. Очень сомневаюсь, что этот разговор принесет какие-то плоды, но он значит многое лично для меня.

Переворачиваюсь на бок и обхватываю подушку руками. В груди жарко-жарко становится. За меня еще никто не заступался, кроме мамы. Значит ли это, что ему не все равно?

В голове всплывает картинка того, как Давид вчера растерянно смотрел на меня и Таню в клубе. Его сумбурное «Ты?», когда понял, что держит за руку не меня.

Пульс рвет вены, потому что догадка, которая вчера сформировалась в голове снова всплывает на поверхность. Что, если он приревновал и не захотел признаваться? Да, глупо и наивно, ведь Давид все объяснил, но вдруг...?

Усиленно стараюсь подавить собственную фантазию, но не получается. Или мне слишком хочется, чтобы это было правдой, или я просто дурочка!

Следующие несколько дней я провожу дома в постели. Мама с Алисой возвращаются от бабушки, и меня активно начинают пичкать всякими ферронами, чаями и витаминами. К моему удивлению, дни проходят на так, как я уже привыкла. Днём папа уходит, а к вечеру усаживается в зале с телефоном и без бутылки. Не знаю, повлиял ли как-то на него разговор с Давидом, но то, что папа не пьет следующие дни — это факт. На долго ли? Пока не понятно, но Алиска пользуется случаем и пытается как-то с ним наладить связь. Я на подобные подвиги не готова. Да и вижу, как отец срывается на маме. Последнее время она приходит довольно поздно это замечаю даже я. Поэтому каждый вечер приходится выслушивать папины допросы о том где она бывает и с кем.

Отводит в сад Алису мама, а забирает папа. Без особого желания конечно, но все же. Боюсь только как бы сестренка к этому не привыкла. Если отец снова сорвется, ей будет вдвойне сложно.

К концу недели мне наконец становится лучше. Голос еще немного хрипит, и остаточный кашель беспокоит, но врач говорит, что больше сидеть дома нет необходимости. Для меня это прямо манна небесная. Валяться увальнем в кровати мне не приносит никакого удовольствия.

В школе с Мариам мы обнимаемся так, словно не виделись не пять дней, а целую вечность. Я жутко соскучилась по ней и... конечно врать себе не буду, по её брату. Поэтому, когда подруга предлагает после уроков поехать к ней домой и восполнить, так сказать, пробелы в общении за совместной подготовкой домашнего задания, я без раздумий соглашаюсь.

Оля

— Слушай, может историю почитаем потом? У меня сейчас глаза выпадут, — Мариам роняет голову на стол и тихо стонет.

Домашнего задания у нас, и правда, много. Учителя пытаются, похоже, за последние учебные месяцы в одиннадцатом классе вложить нам в головы всё, что не успели раньше.

Захлопываю книгу, потому что и сама уже чувствую, как буквы плывут на страницах.

— Я только за. Думаю, приеду домой и на ночь прочту параграф, как сказку Алисе.

— Ага, только вместо сказочного принца с принцессой нужно вызубрить фамилии всяких полководцев, которых я никак не могу запомнить и эти ужасные даты, даты, даты.

— Сотни дат!

— Тысячи!

Мы нервно смеёмся, потому что обе просто терпеть не можем историю и всегда путаем исторические даты и события.

— Ладно, пойдем может чай попьем, как думаешь?

Я максимально быстро киваю в ответ на предложение Мариам. И не потому, что горю желанием выпить чай, а потому что дома Давид. Я слышала, как он вернулся из университета, и даже как прошел мимо комнаты сестры. Спустя минут пять вышла я в коридор, сославшись на то, что направляюсь в туалет, но с ним так и не столкнулась.

Сейчас же к моему счастью, Давид находится в зале вместе с отцом.

— Привет, пап, — Мариам входит туда первой.

Я следом, как раз, когда её брат оборачивается.

— Здравствуйте, — киваю я.

— Привет, — впервые за очень долгое время Давид здоровается со мной, а не делает вид, что я пустое место.

Надо ли говорить, что мое сердце из груди рвется, потому что это наша первая встреча после того, как я вывалила на него свою ужасную правду? И после того, как он был у меня дома. Пытаюсь сохранять спокойствие, но на нервах начинаю царапать собственные ногти.

Поцеловав дочь в щеку, Тигран Арманович переводит на меня теплый взгляд.

— Здравствуй, Оля. Ты уже выздоровела?

Пока Мари проходит мимо Давида, и они ударяются друг с другом ладонями в знак приветствия, я вхожу в зал и сажусь в кресло.

— Да, спасибо. Поймала какой-то жуткий вирус, температура каждый день под сорок была.

— Кошмар. Но надеюсь, тебе уже легче?

— Да, намного. Если бы не ежедневные звонки Мариам, я бы от скуки с ума сошла там.

— Ага, от скуки, — улыбается Мари, подойдя ко мне и обняв за плечо, — а кто читал книги по юриспруденции с утра до вечера?

— Это не считается. Это необходимость, а вот общение с тобой — это то, что приносит мне удовольствие.

Мари смеётся, а потом кивает мне в сторону кухни.

— Пойдём пить чай?

А я вроде и понимаю, что надо бы, но мне так сильно хочется побыть здесь, в зале, что я

отказываюсь быстрее, чем логика входит в чат.

— Можно я немного телевизор посмотрю? Это моя любимая передача.

Понятия не имею что это идет вообще, надеюсь, никто не станет уточнять.

Мариам поднимает на отца вопросительный взгляд, а я боковым зрением замечаю, как он кивает.

— Ладно, — говорит Мари, — я пока заварю. Потом позову тебя.

— Спасибо.

Отчего-то испытываю неловкость. Наверное, я все же зря напросилась здесь посидеть. Тигран Арманович и Давид возвращаются к разговору на армянском языке, а я делаю вид, что усиленно наблюдаю за происходящим на экране. Как оказывается спустя пять минут, не лучшую передачу я выбрала назвать любимой.

С кухни доносятся голоса Мари и её матери. Кажется, она говорит ей о том, что пора готовить ужин, а не «распивать чай». По приближающимся шагам понимаю, что женщина идет сюда и на автомате напрягаюсь.

— Оля, — неожиданно обращается ко мне прямо с порога.

— Да?

— Находиться в одной комнате с мужчинами, когда они заняты беседой, не принято.

Оу... Начинаю спешно подниматься с кресла, когда Тигран Арманович меня останавливает.

— Лусинэ, не дёргай девочку. Ей откуда знать что у нас принято, а что нет. Пусть сидит себе ребёнок, она нам не мешает.

Я так и застываю в позиции полусидя, полустоя.

По сжатым губам хозяйки понимаю, что она не слишком довольна происходящим. Но я и правда не знала. Только теперь складываю два плюс два и вспоминаю все те разы, когда Мариам выходила из комнаты, если там находились мужчины. С ума сойти можно!

За спиной раздаётся мелодия звонка, и отец Мариам выходит из зала, чтобы ответить на него. Вот теперь мне точно неловко, потому что в компании Тиграна Армановича я как-то всегда чувствую себя более защищено.

— Я отменила ваше чаепития, — ставит в известность Лусинэ холодно, когда я решаю все же сесть обратно. — У нас скоро ужин. Мариам вызвалась помочь мне с готовкой. Ты, если хочешь разделить с нами прием пищи, можешь взяться за булочки. Рецепт теста я дам.

Если обычно мне просто хочется сбежать, то сейчас потребность стать невидимой становится непреодолимой.

— Я не умею, — признаюсь тихо.

Знаю, что Давид смотрит на меня, и от этого у меня в животе рождается неприятная дрожь.

— Что, прости?

— Не умею.

— Как так? Тебе скоро восемнадцать, а ты не умеешь готовить? — децибелы в женском голосе повышаются на несколько уровней.

Вот не надо так гипетрофированно удивляться!

Поднимаю взгляд и смотрю хозяйке прямо в ошеломленное лицо. На нем столько неподдельного изумления, как если бы я сказала, что Земля держится на трех китах.

— Мама, я думаю, вы и сами справитесь. Оля — гостья в нашем доме. Не лучшая идея заставлять её готовить.

Резко перевожу глаза на Давида. Теперь уже изумленной выгляжу я.
Это впервые, когда он вступается за меня перед ней.

— Мама, я думаю, вы и сами справитесь. Оля — гостья в нашем доме. Не лучшая идея заставлять её готовить.

— Да мы-то справимся, потому что я Мариам учила готовить с самого детства! А вот что будет делать Оля, когда надо будет замуж выходить?

От желчи, которой буквально пропитан женский голос, у меня внутри все в узел сворачивается.

Возвращаю внимание матери Мари, которая больше не стоит на пороге, а вошла внутрь зала и встала напротив меня. Выглядит так, будто точит когти и готовится наброситься. Сглатываю и скидываю подбородок.

— Замуж я не собираю еще как минимум лет пять.

— Ну, это ещё не известно! Если забеременеешь, придется выйти.

— Мама! — окликает Давид.

— Ну, а что? Сам же знаешь, как у них здесь всё просто. Вот только кому нужна жена, которая не умеет готовить?

— Готовка — это не единственное, чем может похвастаться женщина, — стараюсь звучать не грубо, а просто уверенно, потому что я прекрасно понимаю, что я в гостях, но эмоции клокочут внутри все активнее и активнее.

— Ты так думаешь? — издевательски вскидывает бровь Лусинэ.

— Да. В первую очередь, женщина должна быть самодостаточной, и не зависеть от своего мужчины. Даже если он горячо любимый. В жизни нужно гнаться не за созданием семьи, а за тем, чтобы было комфортно. Чтобы иметь крышу над головой и быть в состоянии обеспечить себя самостоятельно.

— Ну, конечно. Первые годы, пока женщина привлекательная, она может быть самодостаточной. Делать вид, что справляется в жизни со всем сама и ей никто не нужен. Но приходит момент, когда мужчину удержать одной лишь постелью не получится. Первое и основное, чего он хочет — это вкусно поесть после трудового дня, и отдохнуть. Этот отдых тоже должна обеспечить жена.

— Максимум, что должна жена — это быть рядом и поддерживать. А поесть можно заказать и в ресторане. В крайнем случае, если, как Вы сказали, мужчина горячо любимый и это взаимно, он и сам может иногда побаловать свою женщину ужином.

— Наивная ты еще такая, — ехидно усмехается женщина, — мужчины зарабатывают деньги. А замуж берут домашних девочек, готовых строить семейный очаг. Вот, как Давид. Будь Ани другой, он бы не женился. А так — красивая, тихая, руки просто золотые, а готовит как — пальцы можно съесть. Ну и я уверена, что всё остальное у них тоже сложится, потому что сытому мужчине и физический голод утолять гораздо приятнее.

В груди боль растекается такая, как будто эти слова она не сказала, а вылила на меня их раскаленным металлом.

— Мама, хватит! — полный тихой ярости голос Давида отлетает от стен. Он рывком встает с дивана и парой шагов сокращает до неё расстояние, — Перестань читать морали! Оля не твоя дочь и не тебе её учить.

Лицо Лусинэ в удивлении вытягивается, а в глазах рождается гнев.

— Я говорю как есть, Давид. Что даже мы бы ни за что не выбрали Ани, не умей она

готовить. Девочка должна знать, что приоритетно в жизни, а не строить себе неправильные предположения о том, что нужно быть самодостаточной.

Дышу тяжело и с трудом. Замолчите уже, просто замолчите!

— Что приоритетно для тебя, может быть на втором и даже на третьем месте для других. Ты не считаешь, что ведешь себя невежливо по отношению к подруге своей дочери?

— Давид, как ты разговариваешь со мной?

Вздрагиваю от тихой ярости в её голосе, и рывком встаю с кресла. Держаться удаётся всё сложнее. Лицо горит, в горле стоит ком, а всё тело жжет, как от огня.

— Знаете, я не разделю с вами ужин, хотя мне бы очень хотелось, потому что готовите Вы действительно вкусно. — смотрю прямо в сощуренные недовольные глаза, — И Мариам тоже. Она вообще во многом большая умничка, и я во многом ей завидую. Но не во всем, потому что в отличии от неё, я имею хотя бы какое-то право голоса.

Женское лицо перекашивается от злости. В этот момент как раз в зал входит Мариам, вероятно услышав наши пламенные речи.

— Что здесь происходит? — с тревогой всматривается в наши лица.

Лусинэ задирает подбородок, собираясь что-то сказать, но Давид обрывает её.

— Ничего, Мари. Проведи пожалуйста Олю.

Бросаю на него взгляд, но он смотрит только на мать. Тяжело, исподлобья, так, как раньше всегда смотрел на меня.

Разворачиваюсь и быстро направляюсь в коридор. Дрожь в теле такая, что обуться удастся с трудом.

— Оль, ты как? — шепотом спрашивает Мариам, пока я одеваюсь.

— Нормально, — мотаю головой, избегая смотреть ей в глаза, — Прости. Ты меня пригласила, а я...

— Оля, перестань, — подходит ко мне вплотную, — это ты извини меня пожалуйста!

— Тебя-то за что?

— Мне стыдно за маму. Она всегда такая. Всех пытается чему-то научить. Но ничего нет плохого в том, что ты не умеешь готовить. Я тебя от этого люблю не меньше, слышишь?

В глазах собираются слезы, но я быстро моргаю, чтобы те не потекли из глаз.

— Я тоже тебя люблю!

Обнимаю спешно Мариам и вылетаю на улицу.

Не знаю, когда ещё смогу переступить порог этого дома. Стыдно так, что хочется провалиться сквозь землю. И не за слова свои стыдно, а за то, что всё это она вывалила на меня перед Давидом. Ещё и Ани эту вспомнила.

Быстро смахиваю выступившие слезы, пока бреду к остановке. Лучше бы этой Ани не было никогда!

Ненавижу её! Ненавижу!

Давид

— Как ты смеешь так со мной разговаривать?

Я впервые поднял голос на мать. Никогда... ни разу в жизни я не позволял себе подобного неуважения в её адрес.

— Мама, ты не имела права вести себя так с Олей.

— Это ещё почему? Она мне никто! И тебе тоже. А ты предпочел защитить её и повысить голос на человека, который дал тебе жизнь и крышу над головой.

— Мама, у Оли есть весома причина, чтобы не уметь готовить, — Мариам вбегает в зал, а я резко на неё оборачиваюсь.

— Какая может быть для этого причина? — взмахивает рукой мама.

— У неё... — Мариам открывает рот, но тут же закрывает его обратно, — я не могу сказать. Но это ужасно. И её вины нет в том, что её никогда не подпускали к плите.

Это что значит? Мариам в курсе? Но Оля сказала, что она ей ничего не рассказывала.

— Не подпускали? А у самой у неё нет рук, чтобы научиться? Сейчас масса сайтов, где можно найти рецепты.

— Дело не в этом!

— Что здесь случилось? — на пороге вырастает отец и сердито осматривает нас всех, — Почему я слышу повышенные тона?

— Эти дети рехнулись. Набросились на меня из-за какой-то девчонки! — мама спешно подходит к нему, а я впервые испытываю к ней настолько негативные чувства.

— Пап, мама обидела Олю. Пристыдила её за то, что она не умеет готовить.

Глаза матери наполняются яростным блеском, потому что Мариам посмела вступить за подругу.

— Пап, можно взять твою машину? — внутри бушует нечто черное, чему я не могу найти описание, но точно знаю, что оставить сейчас Олю после того, что ей пришлось здесь услышать не могу.

Нужно бы. Правильно было бы оставить всё, как есть, но эти слова про Ани... Мама как будто знала, куда бить и намеренно целилась именно туда.

— Бери. Только объясни мне что происходит.

— Мари объяснит.

Прохожу мимо него и сдергиваю с вешалки куртку.

— Давид, ты куда? — спешит за мной мать.

— Исправлять ошибки.

Обуваю ботинки и выхожу за дверь. Знаю, что поступаю отвратительно. Нас не воспитывают так, чтобы игнорировать собственных родителей, но я впервые делаю это.

Открываю ворота и даже толком не прогрел машину, выезжаю за них. За это время Оля уже успела почти дойти до остановки. Я узнаю её спину, обтянутую пуховиком и светлые волосы, распущенные по плечам.

Девчонка торопится к подъехавшему автобусу. Втапливаю педаль газа сильнее и сигналию ей. Давай же, обернись. Не слышит. Сигналию ещё несколько раз. Теперь уже оборачиваются все на остановке. Оля как раз заносит ногу над ступенькой в автобус, когда наконец поворачивает голову и видит меня.

Ещё один сигнал. Пристраиваюсь за автобусом и машу ей рукой.

— Сюда иди! — говорю одними губами.

На то, чтобы решиться у неё уходит несколько секунд. Народ начинает её подталкивать выше, но она таки отходит от дверей и направляется ко мне. Пока идет, поправляет шапку и одергивает куртку. Она всегда так делает зачем-то. Не раз замечал, когда мы Мариам в школу отвозили, или когда я забирал их на машине с танцев.

Тянусь и толкаю ей пассажирскую дверь. Обычно Оля ездит сзади, но сейчас явно не тот случай.

Пара мгновений и девчонка оказывается внутри. Выглядит растерянной.

Усаживается удобнее и на руки свои смотрит.

— Будешь меня отчитывать? — в нерешительности поднимает на меня зеленые глаза.

Такие глубокие и грустные, что меня торкает.

— Да.

— Понятно. Я знаю, что не должна была говорить всего этого. Но ...

— Ты не должна была убегать.

— Что? — теряется, теперь уже смотря на меня совсем иначе.

— Если ты начала доказывать свою точку зрения, то и уходи с гордостью, а не бросайся к двери, как будто ты в чем-то виновата.

Оля моргает пару раз, а я смотрю на неё и в груди давит. Так сильно, что и дыхнуть с трудом получается. Сегодня на её губах нет той ядерной красной помады, прямо как тогда, в тот вечер, когда я забрал её из дома. Ресницы тронуты тушью, а глаза подведены тонкими черными линиями подводки. Снова потекшей в уголках. Значит, таки расплакалась.

— Зачем ты поехал за мной? — неожиданно меняет тему, не отведя от меня глаз.

Также, как и я, внимательно изучает моё лицо. Слишком внимательно, словно пытается под корку мозга пробраться.

— Не знаю, — перевожу взгляд на дорогу, потому что я действительно не знаю.

Моя мать не раз высказывала людям свои мысли на их счет, но мне особо никогда не было за это стыдно. Как учил нас отец — вы должны уважать своих родителей и семью в целом. Никогда не перечить им, не поднимать голос. И я так и поступал. Сегодня же внутри прямо как будто взрыв произошел, сметая все заученные с детства установки.

— Мне нужно за Алисой в сад, — вдруг произносит Оля, на этот раз переводя разговор совсем в другое русло, и кажется звучит бодрее, чем каких-то пять секунд назад,

Не успев переварить смену темы, удивленно кошусь на неё.

— Что?

— Мама попросила забрать её, потому что папа куда-то уехал на несколько дней, а она будет поздно.

На то, чтобы перестроиться у меня уходит несколько секунд.

Я думал она начнет злиться, плакать или ещё что-то в этом роде. Искал подходящие слова, чтобы стереть из её памяти то, что мать сказала про Ани, а она смотрит на меня и улыбается кончиками губ.

Что за непонятная девчонка, а?!

Трясу головой и жму плечами.

— Тогда едем за Алисой. Адрес скажешь?

— Да, конечно. Могу навигатор включить.

Осипова торопливо лезет в сумку за телефоном и вбивает в нём нужный адрес. Ставит

на панель передо мной.

— Вот, нам сюда.

Подвигав пальцам экран, примерно понимаю пункт назначения, и трогаюсь с места.

Включаю радио и несколько минут мы едем молча. Думаю, эта её манера поведения больше как ширма, чтобы не показывать как на самом деле ей неприятно.

Скашиваю на неё взгляд и быстро обвожу бледное лицо глазами. Оля сняла шапку и расстегнула верхние пуговицы пуховика. Похожа на медвежонка сейчас в этой своей дугой куртке.

Спешно отворачиваюсь.

— Оля, не принимай слова матери близко к сердцу.

— Какие именно слова?

— О готовке и тому подобное.

— Эти я и не принимаю, — жмет плечами. — У каждого своё мнение. Я же не буду всем объяснять почему я не умею готовить. Тогда уж проще написать табличку и поднимать её всякий раз, когда кто-то интересуется. «Я не готовлю, потому что я растяпа. Из-за меня мой папа остался инвалидом и теперь распадается семья», — коверкает голос, очертив в воздухе кавычки.

— Это не из-за тебя.

— Да знаю я. — её руки падают на колени, — Я никогда не считала себя виноватой. Ну... точнее по началу не считала. Но потом, когда все становилось хуже и хуже, мне не оставалось выбора. То есть, если бы в тот день я не попросилась к маме на кухню, ничего бы не случилось. Правда?

— Ничего бы не случилось, если бы твой отец уделил пол часа младшей дочери.

— Всё это уже разговоры, — вздыхает Оля, — Всё равно ничего не вернуть. Но знаешь последние дни папа ведет себя иначе.

— Да?

— Да. Он рассказал, что ты приходил.

Останавливаюсь на светофоре и снова возвращаю своё внимание Оле.

— Не знаю, что ты ему сказал, но он не пьет вот уже несколько дней. Хмурый, холодный, неразговорчивый, с мамой ругается, правда, но не пьет. Так что спасибо тебе. Ты не представляешь, что это значило для меня.

А потом она вдруг наклоняется и касается своими горячими губами моей щеки. Легко чиркается щекой о мою, а меня высоковольтным электричеством в этот момент прошибает с ног до головы. По сердцу разряд проходит, закоротив все нервные окончания. Застываю, вдыхая легкий аромат её шампуня и чувствую, как все внутри меня натягивается. Оля отстраняется, но всего на пару сантиметров, словно только сейчас поняла что сделала, и так и замирает около моего лица.

Прикусывает губу, встречаясь со мной взглядом. Искренним и полным такой надежды, что я задыхаться начинаю.

«Потому что он женится на другой» — сказанные ею слова пилой проходятся по памяти.

Не могу ни сказать ничего, не оттолкнуть её, ни отвернуться. Воздух вокруг тяжелеет, мы оба дышать начинаем тяжело и часто. На выдохе наше холодное дыхание сталкивается, потому что уж слишком она близко ко мне. Настолько, что я вижу в её расширенных зрачках самого себя и могу рассмотреть россыпь крошечных веснушек на кончике носа.

Опускаю взгляд на мягкие губы и испытываю ещё один разряд. На этот раз ещё более мощный и болезненный. В горле сохнет, пульс набатом в висках колотится. Всего пара сантиметров и можно попробовать их на вкус. Красивые, капризно изогнутые, приоткрывшиеся. Ничего не стоит взять и поцеловать.

Точно так же, как я целую других, ведь с ними я не задаю себе вопрос — а надо ли? С ними беру и делаю. С ними всегда просто, а с ней с самого начала всё не так.

Прикрываю глаза и стиснув до боли кулаки, отворачиваюсь. Резко дергаю переключатель передач и под оглушительную трель собственного сердца, рывком срываю машину с места.

Оля

— А ты жених Оси, да?

Алиса стаскивает с себя шапку, которую я ей с трудом завязала всего каких-то пять минут назад, и с неподдельным любопытством рассматривает затылок Давида.

— Плющ, — шикаю на неё, а у самой щеки пунцом наливаются.

— Нет, не жених, — отвечает Давид с переднего сиденья и встречается со мной взглядом в зеркале заднего вида.

— Парень?

— Алиска! — дергаю её за косичку, — Давид просто мой друг.

— Как Миша? — задирает свою мордашку ко мне и получает от меня легкий чмок в нос.

— Да.

— А Миша не жених? — зачем-то интересуется Дав, теперь уже направляя своё внимание на Алису.

— Миша мой жених, — без каких-либо сомнений отвечает моя самоуверенная егоза, вызывая у меня смех.

Давид тоже улыбается.

— Правда?

— Конечно! Только я подрасту немного, куплю себе красивое платье, стану красивой как моя Ося и он в меня точно влюбится.

С теплом прижимаю к себе сестру и утыкаюсь носом ей в макушку. Запах гречки и мясной подливы, которым пропиталась малышка, вызывает легкую ностальгию по детству. Как же было легко тогда вот так рассуждать, не задумываясь ни о чем. Просто веришь в чудо и всё.

— Сто процентов, — не опровергает её слова Дав, — только ты и так уже красивая.

— Еще не такая, как Ося. Она у меня самая- самая красивая. Правда ведь?

Взгляд карих глаз находит меня в зеркале.

— Правда, — произносит серьезно Давид.

— Ну вот. Да и у нас с Мишей всё, как должно быть, — продолжает рассуждать сестра, а я не могу справиться с ускорившимся сердцебиением. Сердце кульбит делает и расшибается о грудную клетку, пока Давид еще несколько секунд смотрит на меня, а потом возвращает взгляд на дорогу, — Он старше, умнее. Пока я вырасту, он найдёт себе работу и сможет покупать мне сладости сколько захочу. В общем, хахаль что надо.

— Алиса! — Рывком выплываю из тумана. — Какой хахаль? Где ты таких слов набралась? — ошарашенно глазею на мою, полную амбиций, сестру.

— Бабушка так говорила, что хахаль должен быть старше и иметь нормальную работу.

Господи!

Слышу сначала смешок Давида, а потом по салону разлетается его громкий смех, от которого у меня мурашки по коже снова начинают, как одуревшие.

Сама еле сдерживаю улыбку.

— Алис, слово хахаль невежливое, — стараюсь звучать серьезно, чтобы сестренка не подумала, что можно выражаться подобным образом, — Так говорят только бабушки. А ты ведь у меня не бабушка. Ты замечательная маленькая леди, которая должна выражаться

соответствующе. Говори просто — молодой человек. Будущий жених, парень, мужчина.

— Хахаль смешнее, — заметив, что Давида развеселило это слово, она цепляется за возможность использовать его в лексиконе.

Ох и детки. Как те губки, впитывают в себя всё самое нехорошее.

— Нет, не смешнее, — слегка поднимаю интонацию, давая Даву понять, что пора прекращать смеяться.

Он понимающе сжимает губы и возвращает на лицо серьезное выражение, хотя глаза при этом остаются веселыми.

— Ладно, — сдаётся Алиса.

Пока мы едем она с энтузиазмом рассказывает как Петя Сидоркин сегодня отказался ужинать и ему не разрешили встать из-за стола, пока за ним не пришли родители. Говорит, что ей тоже не понравилась гречка, но она её съела, потому что сильно хотела поиграть с девочками в куклы.

Я обнимаю её, а сама усилием заставляю себя не пялиться так на Давида. После того, как я поцеловала его, чувствую себя жутко неудобно. Хотя дрожь в животе от того, как он смотрел на меня так и не прошла. Он не отстранился сразу, не улыбнулся легко, как это делает обычно Миша после наших приветствий или прощаний. Карие глаза во мне дыру прожигали. Мне кажется я могла бы в пепел превратиться, если бы он продолжил, а не отвернулся...

Разочарование до сих пор тяжелым осадком лежит на плечах, потому что мне хотелось его поцелуя. Хотелось так, что я едва его об этом не попросила. Дурочка глупая, Господи.

— Ось, а можно Давид пойдет к нам на чай?

Растерянно осматриваюсь, понимая, что двигатель затих. Я даже не заметила, как мы доехали до дома.

— Если у Давида нет никаких дел, то конечно можно.

Перевожу на него вопросительный взгляд, а сама едва ли не взрываюсь. Соглашайся, пожалуйста!

— Мне ехать нужно, — поворачивается он полубоком, чтобы видеть нас.

— Поедешь, — сестра уверенно приближает к нему своё личико, — чай попьем и поедешь. У меня смотри что есть, — лезет в карман платья и выуживает оттуда три шоколадные конфеты с орешками, — у Маши день рождения был, она раздавала всем, а я поделюсь с вами. Здесь как раз три! Пойдем?

Давид усмехается и протягивает руку, чтобы легко щелкнуть её по носу.

— Откуда у вас младших сестер эта способность — смотреть так, чтобы невозможно было отказаться?

— Это да? — радостно взвизгивает она.

— Да.

Нужно ли говорить, что внутри меня всё кипеть начинает? Господи, ещё неделю назад я и подумать не могла о том, что он будет смотреть с таким теплом на мою сестру и согласится пойти с нами на чай.

— Заходи, — тянет его за руку Алиска, когда мы входим в квартиру. — Я тебе свою комнату покажу.

— Погоди, плющ, Давиду сначала нужно разуться и раздеться. И тебе, кстати тоже.

— А почему плюща? — интересуется Дав, пока я снимаю с неё курточку.

— Меня так Миша называть начал. Я плюшки просто обожаю, — широко улыбается

она.

— Вы давно знакомы с ним? — повесив куртку на вешалку, Давид внимательно смотрит на меня.

— Очень. С нашего детства.

— Ося его сильно любит!

Ох и Алиска.

— Он мой лучший друг был много лет, — быстро поясняю. — Теперь вот у меня ещё есть Мариам. Если после сегодняшнего дня твоя мама не решит, что лучше нам не общаться, — горло неприятно сдавливает от внезапного воспоминания того, что произошло час назад.

— Не решит. У Мариам только ты близкая подруга, папа это знает. Если что я подтвержу, что твоей вины в сегодняшней ситуации не было.

— Спасибо.

Пока Алиса проводит Давиду экскурсию по квартире, я завариваю чай и лезу в холодильник. Из еды там только вареные макароны, колбаса и одно куриное филе, которое мама достала размораживаться, чтобы сегодня после работы приготовить.

Алиска-то покушала в саду, а Давид остался из-за меня без ужина и должно быть голоден.

Нахмурившись, смотрю на филе. Интересно, что с ним можно приготовить? Сварить, поджарить? Как и с чем? Целую минуту раздумываю, а потом не справившись с неприятной холодной волной под кожей, все же хватаю колбасу.

Делаю бутерброды, завариваю чай и выставляю всё это на стол.

— Всё готово, — кричу, но так и не дождавшись ответа, отправляюсь на поиски двух пропаж.

Прохожу по коридору, и заметив их в своей комнате, захожу внутрь.

— Это когда я только родилась, — рассказывает воодушевленно Алиска, тыча пальчиком на фотографию.

Давид внимательно рассматривает её. Глаза серьезные, губы плотно сжаты. Выглядит совсем не так, как когда соглашался на чай.словно настроение хорошее куда-то испарилось.

— А это мы гуляли вдвоем, — переворачивает страничку альбома сестра, — смотри какой Миша сильный!

Я подхожу ближе, всматриваясь в снимок. На нём Помазов держит меня на плечах. Алисе здесь год, и она сидит рядом в коляске. Заливисто смеётся.

— Мы с самого рождения гуляли с ней вдвоем, поэтому она Мишку так сильно и обожает, — зачем-то поясняю.

Давид отрывает от альбома взгляд, а я теряюсь от того, какой он у него тяжелый вдруг стал. Неподъемный какой-то, давящий.

— Ясно, — отвечает кратко и хлопывает альбом. — Ты вроде говорила, чай готов?

— Да.

— Тогда идемте!

Давид

Конфеты мы все же оставляем Алисе. Я быстро справляюсь с бутербродами, а потом наблюдаю за тем, как Оля убирает всю посуду в раковину.

Осипова переделалась в домашнюю майку и велосипедки. Вроде выглядит не развратно, а у меня глаза от её ног не отлипают. Длинных и стройных. Сзади под коленкой на правой ноге небольшая родинка, икры крепкие благодаря занятиям танцами, аккуратные лодыжки и смешные теплые тапки с рогами оленя.

Красивая, домашняя такая. Ощущаю внезапный толчок в груди, и резко отворачиваюсь к окну.

— Снег пошел, — произносит Оля, справившись с посудой. — Пойдем в комнату? Там вид лучше.

— А Алиса? — возвращаю на неё взгляд.

— Она уже в цепких лапах планшета. Это надолго, поверь, — улыбается и вдруг кладет мне ладонь на руку, сжимает пальцы вокруг моих и легко тянет за собой, — пойдём.

Встаю, мягко забирая руку и закладываю её в карман. Пальцы жжет в месте, где она касалась, а на коже как будто клеймо осталось.

Оля неловко оборачивается, но продолжает идти как ни в чем не бывало. В спальне свет не включает. Сразу к окну продвигается.

— Смотри! — останавливается около него, а я становлюсь позади. — Наконец-то снег! Хотя уже март, конечно, я бы не отказалась от потепления, но, если выбирать дождь или снег, я однозначно выберу второе.

Снег и правда летит красивый, лопатый. Крупные хлопья оседают на подоконник и впечатываются в стекло.

Оля закидывает голову назад, смотря на небо, а мне в нос запах её волос ударяет, как нашатырный спирт. Возбуждает чувствительные окончания верхних дыхательных путей и в кровь проникает.

Прямо как тогда, когда я в первые её случайно обнял. На лестнице у себя дома. В тот раз меня шандарахнуло точно также. Уже тогда я понял, что нельзя с ней рядом находиться. Чревато это и совсем не нужно.

— Интересно получается, правда? — оборачивается и смотрит на меня с легкой убийственной улыбкой, — Сначала я была у тебя в комнате, а теперь ты в моей.

— Баш на баш, — сиплю не своим голосом.

— Типа того. Вот только прятаться у меня в комнате негде. Шкаф поменьше, чем твой, ты туда не поместишься.

Шутит, а я себя заставить подхватить эту волну не могу. Меня несет в другую. Туда, где шквал и ураган. Туда, откуда возврата нет. Куда затаянет и внутренности перемелет к чертовой матери.

— Под кроватью тоже не вариант, — продолжает, пока я проделываю в светловолосом затылке дыру. — Так что, если мама придет, прятать тебя некуда. Придется знакомить.

Знакомить... С мамой...

На плечи словно неподъемная ноша ложится и к земле придавливает.

Резко отшагиваю назад.

Какого, спрашивается, я попёрся сюда?

— Я пойду, Оля, — разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, успевая заметить, как меняется выражение её лица. — Спасибо за ужин.

Срываю с вешалки куртку, засовываю ступни в ботинки, а Оля догоняет меня уже в коридоре. Смотрит молча, исподлобья, но мне сказать ей нечего. Только пульс в затылке бьется так, как будто вены сейчас разорвёт.

— Пока.

Открываю дверь и пешком слетаю вниз, перескакивая сразу через несколько ступеней.

Не надо нам с ней больше пересекаться. Как-то придумать так, чтобы Мариам отец с танцев забирал, или Демьян какое-то время встречал. А мне надо заканчивать с этими встречами.

Быстрым шагом направляюсь к машине, забираюсь внутрь и завожу мотор, чтобы разогреть её. Боковым зрением замечаю движение, а когда поворачиваю голову, вижу Олю. Она выскочила из подъезда и бежит в мою сторону. Светлые волосы в стороны разлетаются, куртка не застегнута.

Ребра вибрация сотрясает.

Глупая, упрямая девчонка!

Распахиваю дверь и выхожу ей навстречу. Подбежав ко мне, останавливается на расстоянии нескольких метров.

— Давид!

— Зачем ты вышла? — Хватаю её капюшон и рывком на голову надеваю. — Только выздоровела, дурочка!

На раскрасневшемся лице улыбка расцветает. Оля шагает ближе и смотрит мне прямо в глаза.

— Ты меня не ненавидишь больше, правда?

— Это ты из-за этого выскочила?

— Да. Ответь. Пожалуйста, Давид, мне важно.

Пульс к хренам дубасит так, что выдрать вены хочется.

— Не ненавижу!

— А раньше? Почему ненавидел?

Шумно выдыхаю.

— Домой иди! Нечего копаться в том, что прошло.

Разворачиваюсь, но она снова вызывает в сердце фибрилляцию желудочков тем, что хватает меня за руку.

— Нельзя ненавидеть на ровном месте. Если человек тебя не обидел, то просто так ненависть не возникает. А я тебя не обижала. Точно знаю, потому что с самого первого дня тихо сходила по тебе с ума.

— Оля!

— Тогда почему? Почему ты так себя вел со мной, как будто все в тебе хотело избавиться от меня?

— Оля!

— Потому что я нравилась тебе, правда?

— Нет, — рывкаю, выдирая из её тонких пальцев свою руку, — я думал, что ты не подходящая подруга Мариам, вот и всё. Считал, что разгульная, дурная, легкомысленная. Теперь вижу, что это не так. Поэтому и отношение изменил.

Отчаянно мотает головой, ступая ко мне вплотную. Зелень глаз в омут затаскивает и душит. Еле дышу. В легких вата, сердце колотится на вылет.

— Это не так. Ты бы не бил тогда Олега. Не забирал меня из дома, и с отцом не разговаривал бы.

— Я просто хорошо воспитан.

— Неправда!

До скрежета зубов стискиваю челюсть. На её лицо падают хлопья снега, ложатся на ресницы, а она даже не замечает. Так и продолжает свой расстрел, от которого у меня уже масса сквозных по телу.

— Оль, этот допрос бессмысленный. Понимаешь? Ничего не может быть!

— Значит, это правда? Я не придумала?

Хватаю её за плечи, хочу отодвинуть, но вместо этого только сильно сжимаю.

— Это не важно, услышь меня!

— Важно!

— Нет! — грубо обрубая, — Ты не понимаешь, что ли? Какой смысл в том, что я тебе отвечу? Его нет. Смысла нет. Будущего нет. Есть отдельно ты, и отдельно я. И эти прямые никак не пересекаются, вообще.

Моя пылкая речь прерывается тем, что Оля дергается вперед и вжимается своими губами в мои. Отчаянно, иступленно. Зажмуривается, кладя ладонки на мою трясущуюся от частого дыхания грудь. У меня душа из тела вылетает. Так, как если бы меня поезд на огромной скорости снес и протянул по рельсам. Чувствую, как внутренности в жижу превращаются.

Отрываю её от себя и грубо отталкиваю подальше. Оля вскидывает руку и растерянно касается своих губ, будто сама не ожидала того, что сделает. Я отшагиваю назад и натываюсь на дверь машины.

— Иди домой, Оля. И никогда больше этого не делай!

Дергаю дверную ручку, хватаюсь за руль и срываю машину с места. Пока несусь по трассе стараюсь не думать о том, как губы жжет, а сердце трепыхается из последних сил. Едва не влетаю в аварию, но скорость не снижаю. Меня на части рвёт, как будто внутри дикий зверь поселился и клыками внутренности дерёт.

Домой вхожу и сразу отправляюсь к лестнице.

— Давид, — тормозит меня отец.

Стиснув кулаки, останавливаюсь.

Прохожу в зал, где сидят родители и Мариам.

— Ты извинился перед девочкой? — спрашивает папа.

— Да.

— Хорошо. Не хочу, чтобы человек думал, что у её лучшей подруги бездушная семья, — замечаю, как мама недовольно сжимает губы, но молчит, — Мариам рассказала о том, что в её семье проблемы. Жаль, мы раньше не знали. Теперь Оля может у нас ночевать когда посчитает нужным, передай это подруге, дочь.

— Хорошо, спасибо, — кивает Мари.

Выглядит бледной и зажатой. Видимо разговор выдался непростым.

— Я могу идти? — хочется как можно скорее остаться одному.

— Нет. Это ещё не всё. Мари, оставь нас пожалуйста.

Сестра, послушно кивнув, бросает на меня сочувственный взгляд и выходит из зала.

— А теперь ты, Давид. Я понимаю, что ты пытался защитить девочку. Но это не повод повышать голос на собственную мать, — строгий тон отца отливает сталью. — Нужно было просто всё объяснить.

Молчу. Нечего сказать.

— Почему ты так её защищал? — мама внимательно исследует меня глазами, — Да, я понимаю, что у неё есть причина на то, чтобы не уметь готовить, но неужели ты разделяешь её точку зрения?

— Да, — уверенно встречаю её взгляд, — почему женщине нельзя быть самодостаточной и уверенной в себе? Я и Ани предлагал пойти учиться, она отказалась.

— Конечно, отказалась. Она должна быть женой в первую очередь, а не тратить время на ненужную учебу. Никак не возьму только в толк зачем ты её к этому склонял? Передумал жениться? — вскрикивает, разводя руками и даже с дивана встает, чтобы подойти ко мне ближе.

— Не знаю.

Глаза матери расширяются, и она переводит полный шока взгляд на отца.

— Давид? Это что за разговоры? — давит он.

Прикрываю веки и делаю несколько глубоких вдохов.

— Чтобы я больше такого даже не слышал! Ты сейчас на эмоциях, вечер выдался непростым. Но мы в ответе за эту девочку. И даже если ты познакомился с кем-то еще в Ереване, ты знаешь как мы к этому отнесемся. Ани ждет только тебя, никакой учебы ей не нужно. Закончишь университет, устроишься на работу и поженитесь. Больше к этому разговору мы возвращаться не будем, это понятно?

— Так точно.

— Хорошо. И кстати, мне нужна будет через пару недель твоя помощь в ресторане. После занятий несколько дней выделишь, нужно разобраться с инвентарём.

— Выделю.

— Спасибо. Можешь идти отдыхать.

Разворачиваюсь и отправляюсь в спальню. Падаю на кровать и также как Оля, трогаю свои губы. В памяти её запах, глаза большие, вид этот расстрепанный, пока ко мне бежала, и снежинки на пушистых ресницах.

Зажмуриваюсь, а потом подрываюсь и отправляюсь в ванную.

Долго моюсь под душем и чищу зубы, замещая один запах другим — приевшимся ментоловым. А когда возвращаюсь, нахожу сообщение от Ани:

«Решила пожелать тебе спокойной ночи. Пусть приснятся красивые сны».

Это впервые когда она написала мне без повода.

Оля

— Поэтому мне пришлось выдать твою тайну и рассказать маме о причине, по которой ты не умеешь готовить, — быстро выпаливает Мариам, до боли сжимая мои пальцы. — Прости меня пожалуйста.

На переваривание информации у меня уходит какое-то время.

— Получается, что ты всё знала...

Чувствую себя отвратительно. Я не признавалась Мари в том, что происходит в моей семье, а выходит, что и не нужно было.

— Да. Когда я только перешла к вам в школу я случайно услышала разговор девчонок в классе. Твои родители приходили как раз к классной руководительнице, ну а девчонки начали трепаться, мол как сильно изменился твой отец. Я невольно прислушалась и поняла, что произошло что-то ужасное, а когда уточнила у них, они всё и выложили, только попросили пообещать, что я тебе не скажу, — Мариам кивает официанту, который приносит нам уже по второму молочному коктейлю, а потом снова тянется к моим рукам, — вот только не говорила я тебе не потому что обещала девочкам молчать, а потому что не хотела тебя в неловкое положение ставить. Ты так была добра ко мне, несмотря на мою не слишком дружелюбную семью, продолжала дружить со мной и во всем поддерживала. А я и сама очень прониклась к тебе. Боялась, что ты разозлишься, что лезу не в свое дело и перестанешь со мной общаться.

Я грустно улыбаюсь, смотря в искренние глаза подруги. Что ж, на одну тайну меньше. Наверное, это хорошо.

— Теперь я понимаю почему ты ни разу не упрекнула меня в том, что я не спешу домой.

— Да. Я старалась тебя как можно чаще приглашать к себе. Если бы можно было, я бы тебя с Алисой вообще у нас поселила, — эмоционально произносит она.

Крепко сжимаю её прохладные пальцы и благодарно киваю. Вот как бывает — думаешь, что человек тебе близок, а в какой-то момент оказывается, что он все это время был ещё ближе, только ты об этом даже не догадывался.

— Боюсь, твоя мать этого не пережила бы, — смеюсь я.

Щеки Мари стремительно краснеют, а глаза наполняются виной.

— Прости её. Не знаю, что на неё нашло вчера. Но есть в этом и плюс, ты бы слышала как Давид тебя защищал. Он впервые так говорил с мамой, мне даже страшно стало за него.

Сердце подпрыгивает и разбухшим шаром застревает в горле.

— Почему?

— У нас неприемлемо, чтобы дети повышали голос на родителей. Папа потом его строго отчитал по возвращению. Смягчило ситуацию только то, что мама действительно была виновата.

Стараюсь сдерживать рвущуюся наружу улыбку, но не получается. И хоть Давид вчера так и не ответил на мой вопрос, мне кажется, ответ я и сама знаю. Чувствую на каком-то подсознательном уровне.

— Эй, ты почему улыбаешься?

Вскидываю на Мари взгляд и, спохватившись, деланно равнодушно веду плечом.

— Просто приятно, что он вступился за меня.

— Это да, особенно если учесть, что он долгое время тебя недолго любил. Оль, — зовёт Мари и внимательно смотрит мне в глаза, — а Давид был в курсе твоей ситуации, да?

Чёрт...

— Не целиком. В общих чертах.

— Как так?

От волнения у меня начинают потеть ладони, и я быстро выдергиваю их из рук подружки. Хватаюсь за высокий стакан и делаю несколько глотков клубничного шейка. Не хватало только, чтобы она узнала, что я ночевала у них. Я не переживу, если потеряю её, а это точно случится, потому что одно дело защищать меня перед матерью, а другое — тайком ночевать в комнате её брата, у которого есть невеста.

— Когда он тебя подвозил, то столкнулся с отцом, да? — догадывается моя чрезмерно умная девочка.

— Да. Мне было стыдно тебе признаться, — отвожу стыдливо взгляд.

— Я так и поняла, — сочувственно склоняет она голову на бок, — а вчера ты ему рассказала детали?

— Мхм, — снова вру.

— Ясно. Ну, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Теперь вы с Давидом может наконец-то сможете нормально общаться.

— Может быть...

Вот только Мариам оказалась неправа.

Уже две недели как мы совсем не общаемся и почти не видимся.

С танцев Давид перестал забирать сестру. За ней приезжает то отец, то приходит Демьян. Зная, как для неё важно время, проведенное с ним, я сразу же ретируюсь и добираюсь домой или сама, или с Мишей.

С Давидом мы практически не пересекаемся. Домой я к ним не езжу, как бы Мариам меня не упрашивала. Пока что я не готова к встрече с Лусине. А утром он перестал ездить с отцом, чтобы привести Мари в школу.

Сначала я думала, что это просто совпадение. Не получается из-за учебы, или еще что-то, но потом поняла, что он меня игнорирует.

Наверное, это правильно, я не знаю. Умом понимаю, что это самый верный вариант, но глупое сердце плачет и требует тех коротких, ничего не значащих встреч, когда я могла хотя бы просто пересечься с ним взглядами.

— Зайдем к папе, ладно? — спрашивает Мари, когда мы выходим из школы.

Погода стала чуточку теплее, тот снег, который мы тогда застали с Давидом был последним, и вот уже несколько дней как греет весеннее солнышко.

— Давай, — соглашаюсь, не раздумывая.

Домой ехать не хочется. После поездки папы в другой город, он снова запил. Оказывается, все те несколько дней в нашем городе и в соседнем он пытался найти работу, но ничего не вышло. Куда именно он устраивался я не знаю, он с нами не делился. Просто вернулся, продал Алискин планшет с наушниками и на несколько дней ушел в запой.

Радует только то, что друзей домой перестал приводить. Или сам уходит куда-то пить, или напивается в одиночку.

— А зачем нам к Тиграну Армановичу? — интересуюсь, когда мы садимся в автобус.

— У него меню новое. Говорит нужно непредвзятое мнение, вот позвал нас с тобой, если ты не против?

— Я только за!

Отец Мариам держит свой армянский ресторан под красивым названием «Ахтамар». Я бывала там не раз и могу с уверенностью сказать, что блюда там отменные. Раньше мы с семьей часто обедали в дорогих ресторанах, поэтому мне есть с чем сравнить.

До места назначения мы добираемся довольно быстро. Людей в зале оказывается не так уж и много. Время послеобеднее, все на рабочих местах.

— Привет, девчонки, — официант по имени Павел давно знаком с нами, поэтому не слишком церемонится, — давно вас не было.

— Успели соскучиться? — широко ему улыбаюсь, забирая меню.

— А как же! Рад, что наконец, посетили нас, — он также расплывается в ответной вежливой улыбке, — Что будете заказывать?

— Папа сказал попробовать всего понемножку, — отвечает Мари.

— Понял. Он предупреждал нас о ревизии в вашем лице. Сделаем всё на высшем уровне, — подмигнув, парень улетучивается, а мы с Мари хихикаем.

— Не думаешь, что мы лопнем, если съедим всего понемножку? — спрашивает она.

— Я точно не лопну! Знаешь же мою слабость к вкусной еде.

— О дааа! Ой, Давид!

От внезапного оклика подруги я вздрагиваю и резко оборачиваюсь. В груди сжимается, а сердце подпрыгивает, как на батуте.

Идущий по дальнему коридору Давид останавливается и оборачивается. Спешно скользит по нам взглядом, лишь на долю секунды задержавшись на мне дольше, чем на сестре, а потом заложив руку в карман, направляется в нашу сторону.

Я еле дышу и машинально выпрямляю спину. Боже, две недели не видела его!

Жадно впитываю глазами любимую размашистую походку, слегка нахмуренные брови и серьезное выражение лица.

— Привет, — остановившись возле нас, он опирается ладонями на стол.

— Привет, — сиплю я, во все глаза разглядывая его.

— Приветик, — Мари широко улыбается, — ты папе помогаешь, да?

— Да. Разгребаем новый инвентарь. А вы перекусить заскочили? — переводит на меня взгляд.

В карих глазах дружеский интерес, который отдаётся болезненным уколом в моей грудной клетке.

— Да. Мари сказала нужна дегустация нового меню, — растягиваю губы в улыбке, надеясь увидеть у него хотя бы какую-то эмоцию, но их нет.

Просто нет. Он смотрит на меня, как смотрят на прохожих на улице.

— Да, отцу недостаточно моего мнения и мнения матери. Я уже и Саню с Демом приводил, все равно не то. Вас вот зазывал.

— Я с удовольствием. Люблю ваш гуляш.

Отчаянно жду, что он отреагирует на эту реплику, хотя бы как-то даст понять, что помнит ту нашу ночь в его спальне, но реакции ноль. Он просто вежливо улыбается, выпрямляется и дружелюбно подмигивает.

— Тогда приятного аппетита. Я пойду. Надо закончить в течении часа.

— Конечно. Папу позовешь, ладно? — трогает его за руку Мариам, — Надо же отчитаться о проделанной работе.

— Лады. Пока, девчонки.

Ещё раз коснувшись меня убийственно равнодушным взглядом, Давид разворачивается и уходит.

Смотрю ему в спину, а в груди так сильно ноет, что справиться тяжело. Первый порыв сослаться на поход в уборную, а самой догнать его и... что и? Ну догоню я его. И что спросить? Почему я вдруг стала пустым местом после того, что он узнал о моих чувствах? А с другой стороны Давид мне ничего не должен. Он сказал, что между нами ничего не может быть, и это только мои проблемы, что я никак не могу этого принять. Никак не хочу мириться с мыслью, что его ждет брак. Задвигаю её в дальний ящик, лишь бы не думать.

Сглатываю образовавшийся в горле ком, пока Мари что-то шепчет о том, что я просто обязана попробовать их гату (традиционный армянский десерт — прим. автора), и натянуто улыбаюсь.

Пока мы лакомимся принесенными блюдами, жду, что он еще хотя бы раз к нам подойдет, но этого не происходит.

Оля

— Пап, мы тут всё записали, — Мари протягивает отцу лист, на котором мы обозначили все наши предпочтения, — Два плюса — это прям ну оочень вкусно, один — нормально, ну а минус сам понимаешь.

— Что-то минусов тут нет, дочь, — хмыкает Тигран Арманович, обводя нас с ней шутливым взглядом.

— Потому что и блюд, попадающих под эту категорию, в вашем ресторане нет, — отвечаю честно я.

— Ох, кажется не тех я ревизоров позвал.

— Мы были непредвзяты, — поднимаю руку в клятвенном жесте, — правда-правда. Просто, видимо, армянская кухня для меня. Мне прямо очень всё вкусно.

Мужчина громко смеётся.

— Ну ты в гости-то забегай, Оль, тогда, раз уж твоя. Мари тебе пахлаву испечет.

Улыбаюсь и уже собираюсь в очередной раз выдумать отговорку, как у меня начинает звонить мобильный.

— Извините.

— Конечно. Мы пока с Мариам побеседуем.

Выхожу из кабинета хозяина ресторана и выуживаю из сумки мобильный.

Миша.

Прохожу чуть дальше по коридору и отвечаю на звонок.

— Да, Миш?

— Привет, Оль, — звучит бодро друг, — Как дела твои?

— Всё хорошо. Ты как?

— Да пойдёт. Звоню в кафе тебя вытащить.

— Боюсь, откажусь. Я только что в себя запихнула столько армянской еды, что кажется от дополнительной хлебной крошки могу лопнуть.

— Ууу, это не честно, — возмущается Помазов, — Я тут голодный, специально не обедал, тебя позвать хотел, а ты уже поела, оказывается. Погоди, а почему армянской?

— Мы с Мариам в ресторане её отца сейчас. «Ахтамар» называется, возле центрального универмага, знаешь?

— Так я мимо него сейчас прохожу!

Удивленно округляю глаза и оборачиваюсь зачем-то в поисках окна.

— Тогда заходи. Сейчас как раз пообедаешь и заодно ещё одно мнение Тиграну Армановичу выскажешь.

— Какое мнение?

— Заходи давай, сейчас объясню.

Сбрасываю трубку и постучавшись в дверь, возвращаюсь в кабинет.

— Извините, тут мой друг случайно у вас оказался. Я спущусь к нему, хорошо?

— Мишка тут? — изумляется Мари.

— Да, представляешь. Так что, если не доверяете нам, и хотите услышать уж точно непредвзятое мнение по какому-то конкретному блюду, это к нему.

— Отлично! — Тигран Арманович хлопает в ладони, — но пусть сам выберет. Не

навязывать же!

— Ладно.

— Ты иди, я подойду чуть позже, — машет Мари.

Кивнув, я быстро спускаюсь по лестнице, как вдруг в самом низу натыкаюсь на Давида.

— Ой, — едва не врезаюсь в него, успев упереться ладонями в твердую грудь. По коже тут же ток струится, как от соприкосновения с открытым источником электричества. Несмело убираю их в карманы кофты. — Прости.

— Ничего. Домой уже? — спрашивает ровно.

— Нет. Миша пообедает и пойдём потом, — киваю в сторону зала, а сама взгляда отвести не могу от равнодушного лица.

Уж лучше бы как раньше злился, чем вот так.

Давид оборачивается и отыскав глазами Мишу, еле заметно сощуривается. Помазов уже занял один из столов и с интересом осматривается.

— Друг мой, Миша, помнишь?

Взгляд карих глаз возвращается на меня. Давид слегка закидывает голову назад и кивает.

— Хахаль Алисы, помню конечно.

Тут же начинаю улыбаться.

— Да, он самый. Он ещё не в курсе её далеко идущих планов.

— Ясно. Ладно, иди Оль, — От такого резкого завершения ещё даже не начавшегося диалога, я теряюсь.

Чувствую, как с лица сползает улыбка, а в груди колоть начинает.

— Пока.

Резко делаю шаг влево, чтобы обойти его, и в этот же момент Давид ступает вправо, тем самым случайно преграждая мне дорогу. Шагаю вправо и он одновременно со мной проделывает тоже самое, только в зеркальном направлении. Раздраженно выдыхает, словно это я не даю ему прохода, и отступает.

— Проходи. — взмахивает рукой, а я в этот момент замечаю на его ладони глубокий порез, из которого сочится алая кровь.

Господи!

Хватаю его за руку и подношу её к лицу.

— Ты порезался? погоди, у меня есть антисептик и пластырь.

Собираюсь полезть в сумку, но Давид вырывает руку и нетерпеливо указывает мне пальцем на зал.

— Просто иди, Оля! — цедит сквозь сжатые зубы. — Пожалуйста.

Вздрагиваю от неожиданной скрытой агрессии. Наши взгляды встречаются, мой — растерянный и его грозный. До боли кусаю себя за щёку, но не отхожу.

— Теперь наше общение будет таким? — спрашиваю тихо.

Щека Давида дергается, а губы плотно сжимаются. Он отступает на шаг и смотрит на меня исподлобья.

— Другим оно не может быть.

— Могло ведь, когда мы забирали Алису, — напоминаю робко. — Ты смеялся, и мы нормально разговаривали. Мне понравилось. Как будто мы...

— Это была ошибка, — Давид неожиданно больно бьёт словами, не давая договорить, — Ты подруга Мариам. На этом всё. Строй свою жизнь, Оль. А я буду строить

свою.

Решительный взгляд темно-карих глаз стирает меня в крошку, а я позволяю ему это делать. Можно было бы предложить общаться по-дружески, но я не хочу. С ним не хочу. Не смогу видеть в нём друга, когда до смерти хочется совсем другого.

— Оль, — бодрый голос Мишки разрывает наш зрительный контакт.

Отступаю, а Давид проходит мимо, и не оборачиваясь поднимается наверх.

Делаю вдох, ещё один. Дыши, Оля. Сжимаю кулаки, давая себе возможность унять разгоревшийся в груди пожар. Но не помогает. Ни пару секунд, ни больше.

— Оля.

Поворачиваюсь и, ничего не видя перед собой, иду к другу.

Миша с улыбкой встаёт, чтобы обнять меня и коротко чмокнуть в щеку.

— Привет!

— Привет.

— Эй, ты чего? — заботливо обхватывает моё лицо и всматривается в глаза, — Бледная такая! Заболела опять? Только же недавно выздоровела, Осипова!

Мотаю головой, и освободившись от его рук, медленно опускаюсь на стул.

— Нормально всё, Миш. Ты выбрал что-то?

— ММм, ну да. Думаю взять люля кебаб и салат. Может посоветуешь что?

— Со стручковой фасолью вкусный, — Потерянно рассматриваю белоснежную скатерть, отвечая на автомате.

— Я её терпеть не могу, — по интонации слышу как Мишка кривится.

— Тогда не знаю.

Эмоции душат. Или это воротник от кофты. Хочется потянуть за него, чтобы ослабить давление на шею. Зря я позвала сюда Мишу, нужно было уйти.

— Тааак. Оль, хочешь, уйдем? — как будто чувствует он, и зачем-то переводит мне за спину взгляд.

— Хочу.

— Понял. Тогда погнали.

Миша снимает с вешалки наши с ним куртки и сначала помогает одеться мне, а потом облачается в свою. На ходу печатаю Мариам сообщение, что пришлось срочно уйти. Нагло вру, что причиной тому Миша и обещаю вечером перезвонить. Благо подруга у меня не обидчивая. Надеюсь, Тигран Арманович тоже, ведь я обещала ему рецензию, но пробыть в ресторане ещё хотя бы несколько минут не смогла бы.

Иду, обняв себя за плечи руками, а Миша тихо на меня поглядывает.

— Расскажешь?

Сжимаюсь, отрицательно мотнув головой.

— Это из-за того парня? Давид кажется, — сам додумывает Помазов.

Я молчу.

— Да ладно, я ещё на конкурсе заметил, как ты на него смотрела, Оль.

Хмыкаю, но не удивляюсь. Миша всегда был наблюдательным. А мою симпатию наверное, действительно тяжело не заметить.

— Скажи, как понять нравится парню девушка или нет? — перевожу на него вопросительный взгляд.

Друг плечами пожимает.

— Когда нам нравится девушка, мы говорим ей об этом прямо.

— А если не можете сказать? — переступаю лужу, заметив в грязной воде своё бледное отражение.

— В каком смысле?

— Ну... например обстоятельства такие. — Останавливаюсь, потянув Мишу за локоть. — Представь, что тебе понравилась девушка. Но она собирается замуж за другого. Только не потому что любит, а потому что так решили их семьи. — Миша сощуривается, — как бы ты поступил? Ты бы начал с ней отношения или нет?

Присвистнув, друг качает головой.

— Тут вариантов несколько. Но вопрос насколько сильно понравилась, и на сколько серьезно настроены родители?

— Сильно. И Seriously.

Задумавшись, Помазов закидывает назад голову. По сосредоточенному лицу вижу, что осмысливает услышанное, а потом опускает взгляд на меня, и от этого взгляда мне хочется спрятаться. Потому что там сожаление. Неприкрытое и жалящее.

— Знаешь... если бы очень сильно понравилась, то наверное не начинал бы. Если родители всё решили, то какой смысл? Только хуже себе сделал бы. И ей тоже, — опускаю взгляд, а сердце забивается в дальний угол грудной клетки, не соглашаясь с услышанным. — Но если бы полюбил, — вдруг продолжает Миша, — до трясучки, до такого состояния, что или она, или никто, то обязательно влез бы между ними.

Рывком вскидываю голову и встречаюсь с серьезным взглядом.

— Только больно потом будет, Оль. Это же как собственноручно вручить человеку нож, заранее зная, что он на живую вырежет сердце и выбросит его. Ты готова к этому?

Давид

Удар, ещё один. Кулак впечатывается в спортивную грушу, мышцы звенят. По венам течет тихая злость. На себя, на Ольку, на Ани. Даже блядь на Ани, хотя вот на неё вообще не за что.

Как было легко ненавидеть Осипову. Ни сомнений, ни сожалений, ни мыслей о том, чтобы задавить собственное желание поцеловать её и увести куда подальше отсюда.

Внутренний голос истерически хохочет надо мной, потому что ему как никому другому известно, что ненависть эта была намеренной. Придуманной мною же. С того самого момента, когда я понял, что внутренности все сжимаются, когда подружка Мариам рядом появляется, выдумал ей роль шлюхи, а обстоятельства складывались так, что эта история будто рисовалась правильной. Походы её в клубы, в пивбары отцу за пивом, объятия и танцы с Мишей своим.

Пазл был идеальный — плохая Оля. И держаться на расстоянии было проще. Видеть в ней отрицательные качества, знать, что нахер она мне не нужна, придавливать к ногтю иррациональные эмоции. Заставлять себя верить в то, что это не чувства по отношению к ней. Это просто ненависть за то, какая она. Легкая, громкая, вредная и упрямая. За уверенность в себе и своих действиях. За то, что каждый раз когда она в поле зрения оказывалась, моё сердце с катушек слетало. Чем больше тянуло к ней, тем больше я ненавидел. Вот только как оказалось себя не обманешь.

С того поцелуя у неё во дворе прошли три недели, а я все ещё помню какие у неё губы, и жалею, что оттолкнул тогда.

Лежащий на подоконнике спортзала телефон выдаёт уведомление о входящем сообщении, заставляя меня оторваться от груши. Стираю пот со лба и беру его в руку. Разблокирую экран.

«Смотри какую игрушку сшила» — пестрят буквы, а дальше высвечивается фотография какого-то мягкого динозавра серого цвета с огромными глазами.

«Нравится?» — прилетает следом от Ани.

Сжимаю зубы и быстро вбиваю «Нет. Он пучеглазый, любой ребёнок его испугается». Заношу палец над кнопкой отправить и застываю. Блядь, блядь!!! Быстро стираю и отправляю короткое:

«Да. Молодец»

Отшвыриваю телефон обратно и возвращаюсь к груше. Произвожу серию ударов, кружа вокруг снаряда. Бью ногами, руками, локтями, чувствуя, как сводит всё тело. Ногу охватывает судорога от напряжения, и я, зашипев, резко сгибаюсь напополам и растираю мышцу.

Не помогает.

Каждый день в зале после универа по несколько часов провожу, но ни черта не помогает. Мысли ядовитыми шершнями кружат вокруг Оли. Хочется всё бросить и рвануть к ней. Плюнуть на Ани, родителей, обязанности...

Я давно знал, что мы с ней поженимся, поэтому никогда особо ни к кому из девчонок не привязывался. Секс на ночь, или пару, ненавязчивые знакомства, и никогда ничего больше. Нет, в Ереване у меня были девушки, но тогда мне было лет пятнадцать, шестнадцать. Мы

сами-то детьми были, ни о чём серьёзном не думали. И дальше кино или прогулок дело не заходило.

А теперь моя четко устоявшаяся жизнь даёт брешь, потому что то, чего мне хочется с Олей не ограничивается одной ночью. Это не просто физическое влечение, хотя и оно тоже. Рядом с ней меня скручивает так, что от желания горит всё тело, но если я думаю о том, чтобы просто переспать с ней, то понимаю, что этого мало. Я хочу большего. Хочу видеть её, губы капризные целовать, смех её звонкий слышать. Всего хочу с ней...

Только как? Это невозможно. Пусть я буду эгоистом по отношению к Ани, но в данный момент она не моя, а я не её, поэтому меня мало заботят в данный момент её чувства. Она всё равно ни о чем не знает. Игрушки вон шьёт. Но мы пока не расписались и в паспорт печать не поставили.

А вот Оля... её взгляд мне душу выворачивает. Я не могу так поступить с ней.

— Даниелян, ты здесь прописался что ли?

Голос Демьяна заставляет меня обернуться. Друг подходит, и мы ударяемся друг с другом кулаками.

— Типа того.

— Решил вспомнить старые времена? — усмехается он, разминая шею.

— Да. А ты чего здесь?

— Мозги вышел проветрить, а тут ты. Не против компании?

— Нет, конечно!

Мы ещё примерно с час боксируем, берем по протеиновому коктейлю и усаживаемся на диван передохнуть.

— Блин, как ты можешь так каждый день? Мне кажется, я сейчас развалюсь как деревянная кукла на шарнирах, — кричит Дем.

— Я привык, — жму плечами и снова обращаю внимание на экран мобильного, лежащего рядом.

«Вас отметили на фотографии» — гласит уведомление.

Нахмурившись, лезу в соцсеть. На экране всплывает фото со мной и Ани. Вот это новость! Ани никогда не пользовалась никакими сетями. Зарегистрирована была, но фотографий не выкладывала. На аватарке у неё стоит снимок котёнка.

— Это Ани твоя? — отбирает у меня телефон Демьян, и двумя пальцами увеличивает изображение, чтобы утолить своё любопытство.

— Не моя пока что, — роняю голову на подголовник и прикрываю глаза.

— Красивая. Только ты б еще на километр дальше отошел, — чувствую как телефон приземляется мне на колени. — Где страсть, Дава? — посмеивается придурок, — Или у вас жену не обнимают?

— Дем, она мне не жена.

— Ну пока да. Но к этому ведь идёт. Я помню ты говорил, что брак договорной, поэтому ты тут не особо блюдишь верность, но хоть какие-то отношения должны же у вас быть.

Демьян, как и Оля — не понимают того, как у нас всё устроено, поэтому эти двое всегда закидывают меня дурацкими вопросами. А как? Почему? Зачем?

— Будут. Потом.

— Типа стерпитя, слюбится?

— Да.

— Бред какой! Неужели нельзя жениться на той, к кому испытываешься хотя бы какие-

то чувства?

— Можно. Если она армянка.

— А не на армянке?

— Нет.

— Пиздец. Каменный век какой-то. И Мариам также замуж выйдет за армянина? — нервно выдаёт Демьян.

— Обязательно. Доучится только сначала. Рано ей сейчас.

— А если влюбится в кого-то в универе? И жить без него не сможет?

Поднимаю голову и встречаюсь с раздраженным взглядом друга.

Пилит меня им, как будто это что-то изменит.

— Я же тебе уже миллион раз говорил. Это не важно. Перелюбит.

— Бля, не понимаю я вас. Какие-то дебилские устои. Не обижайся, брат, просто моему мозгу это непонятно. Как можно заставить себя «перелюбить»? Это же не кнопку нажать и вырубить все эмоции! — псешит, вставая с дивана, чтобы снова отправиться к груше и начать её дубасить.

Медленно выдыхаю. Я бы сам от такой кнопки не отказался.

Давид

«В «Андорру» идём сегодня?» — в наш общий с пацанами чат приходит сообщение от Сани.

Остановившись на крыльце дома, докуриваю сигарету.

«Не знаю ещё»

«Во сколько?» — спрашивает Дем.

«Часов в восемь. С девчонками я договорился»

Выпускаю клуб дыма в воздух. Сашка в своём репертуаре. Без девчонки ни вечера.

«Что за девчонки?»

«Танюша, Катюша и Настюша. Мы с ними месяца полтора назад тусили здесь же. Дав, ты кажется тогда с Настёной ушёл. Кучеряшка такая. Если что, можем поменяться, у меня кучерявых ещё не было»

Придурок блин.

«Да мне вообще пофиг. Хоть всех забирай»

«Я же заберу»

«Мне оставь одну» — прилетает от Демьяна.

Оставляю их решать кому какую девчонку «зарезервировать» на вечер, а сам тушу сигарету в пепельнице и захожу домой.

Аромат мяса мгновенно окутывает легкие, но зависаю я не на нём, а на черных сапожках, стоящих на полу около обувной полки.

Оля.

Помню их ещё с осени. Зимой она в сапогах высоких ходила, а демисезонные у неё вот эти — аккуратные с острым носком и на небольшом каблуке.

Неужели решила снова к нам прийти?

Раздеваюсь и направляюсь в сторону кухни. Чем ближе подхожу, тем громче пульс дубасит в ушах.

— Так, смотри какое оно мягкое уже. Проткни его вилкой и поймешь какое должно быть.

— Боже, это же ужас. Мы его уже два с половиной часа тушим, — возмущается Оля, стоя у плиты, спиной ко мне.

Волосы затянуты в высокий хвост, джинсы обтягивают стройные ноги, а кофточка в обlipкy демонстрирует узкую талию. Она похудела.

— Так и должно быть. Это же говядина. Я предлагала тебе курицу, но ты отказалась. Дуй, чтобы не обжечься.

— Давид же вроде как говядину любит, да? — спрашивает, забирая мясо губами с вилки.

— Давид? Ну вообще да, гуляш — его любимое блюдо.

— Я помню, — жуёт Оля, пока я пытаюсь справиться с застрявшим в глотке дыханием. — Боже, как вкусно.

— А я говорила, — довольно улыбается сестра, — ты умница! Всё у тебя получилось!

— Благодаря тебе! — Олька светится вся, а потом случайно переводит взгляд в сторону, замечает меня, и улыбка на её лице застывает, — Привет.

Сколько я не видел её? Недели две? В топку эти четырнадцать дней. Смотрю, а нервные окончания узлами скручиваются.

Отталкиваюсь от дверного косяка и подхожу к девчонкам.

— Привет.

— На аромат пришёл? — улыбается Мари, когда я целую её в щеку.

— А то. С порога как унюхал, так мимо пройти не смог.

Мариам смеётся и обнимает Олю за плечо.

— Это Оля готовила!

— Попробуешь? — спрашивает Осипова, раскурочивая мои внутренности несмелым взглядом.

— Конечно.

Спешно оборачивается и приподняв крышку, протыкает кусочек мяса. Дует на него и подносит к моему рту.

Забираю говядину, утопая в зелени полных ожидания глаз.

— Ммм. Это обалдеть как вкусно!

Не вру ни капли! Как истинный ценитель мяса могу точно сказать, что получилось не хуже, чем у Мари.

— Правда? — широкая улыбка растягивает пухлые губы, резонирую мне щемящим давлением прямо в область грудины.

— Конечно. Я бы сказал, если бы мне не понравилось.

— Я рада!

— Так, а теперь давай всё быстро приберём, пока мама не пришла, — Мари начинает складировать посуду в посудомоечную машину, а мы с Олей так и пилим друг друга взглядами.

По коже ползут мурашки. Кажется, я слышу как начинает издавать глухое гудение магнит, который каким-то образом меня к ней постоянно тянет. Он трещит, искры вокруг слепят. Сопротивляться не то, что сложно. Я к полу пятками прилипаю, чтобы не двинуться вперед и не стереть с её щеки крошечное пятно от муки.

Пора ретироваться.

Отступаю назад и засовываю руки в карманы.

— Ты на ужин останешься? — оглядывается Мари.

— Да.

— Можем потом все вместе фильм посмотреть.

— Я уезжаю потом в клуб. Саня с девчонками договорился, — говорю скорее для Оли, напоминая о нашей дистанции и о том, что каждый живёт свою жизнь.

Но следующий её ответ даёт понять, что она и сама прекрасно помнит об этом.

— Я тоже не могу.

— Почему?

— На свидание иду, — на меня в этот момент смотрит.

Реакции ждёт? Она есть. Бомбит так, что еле держу лицо. С кем? С Мишей?

— С Женей? — сестра удивленно выпрямляется. — Он опять тебя позвал?

Опять блядь?

— Да. Я подумала и решила не отказываться, — косится в её сторону Оля.

Протягивает ей вилку и заминает пальцы.

Что за Женя, мать его?

— Ну правильно. Он красивый? Ой, — испуганно поглядывает на меня сестра, но сейчас я не в состоянии отчитывать её.

— Да, симпатичный, — взгляд Оли снова возвращается на меня и как будто царапает, — может ты его знаешь. Он тоже учится на пятом курсе в твоём университете.

Безразлично веду плечом.

— Знать всех пятикурсников не обязан.

Оля хмурится, а я разворачиваюсь и выхожу из кухни. Поднимаю к себе и захлопываю дверь.

Запускаю пальцы в волосы и начинаю вытаптывать пол, шагая из одного угла в другой. С Мишей я смирился. Друг вроде как. Я привык к его существованию, и понятия не имел, что появление какого-то Жени может выбить почву из-под ног. Ещё и пятикурсник. Не малолетка сопливый, а взрослый пацан, которому явно мало будет поцелуев, и он захочет распусть свои руки.

Со всей дури пинаю валяющийся баскетбольный мяч, который мы иногда бросаем с пацанами во дворе, и стискиваю виски.

Мне плевать. Всё хорошо. Всё так и должно быть. Я же этого и хотел, чтобы Оля отвлеклась и не зацикливалась.

А вдруг он нормальный? Вдруг она ему понравилась, и он сможет сделать её счастливой?

По внутренностям холод гуляет, и я, чтобы заглушить его, отправляюсь в душ. Долго стою почти под кипятком, стараясь заблокировать любые мысли, связанные с Осиповой. Думаю о том, что сегодня однозначно возьму себе кучерявую. В ней ничего от Оли нет. Темноволосая, глаза карие, губы тонкие. То, что нужно, чтобы вытравить из головы ненужный образ.

Когда спускаюсь к ужину, Оли уже нет.

В бар приезжаю ровно к восьми, потому что врубившийся на всю катушку внутренний магнит работает даже на расстоянии, как оказалось. Если за прошлые недели мне удалось ослабить силу его действия, то сейчас он как будто зарядился и тащит меня туда, куда НЕЛЬЗЯ!

— О, Дава, ты таки решил не пропускать наших культурных мероприятий? — хлопает меня по плечу Саня, когда мы встречаемся у входа.

— Подумал, что ты с двумя не справишься, решил спасти ситуацию, — стебусь, здороваясь с ним и Демьяном.

— Плохого же ты обо мне мнения, — ржет Саня, — я в грязь лицом не ударял ещё ни разу.

— Даже так?

— А то!

Ох и Саня. Когда он уже нажрется девчонок?

Мы входим в бар, и отыскиваем сидящую за столом троицу.

— Привет, красавицы, — Сашка падает рядом с одной из девчонок, а мы с Демом переглянувшись занимаем места рядом с другими.

— Привет, мальчики. Давно не виделись.

— Да-да, могли бы и раньше позвонить, — с наигранной обидой дует губы Настя.

— А мы хотели соскучиться, — отвечает Саня.

Обычно словесные баталии — это его стезя. Мы с Демом не по этой теме. Если

девчонка ждёт большего, чем ни к чему не обязывающие отношения, мы не держим. Если же готова развлечься, то тогда не нужно обижаться.

Девчонки, вероятно, поняв, что от нас умасливания не дождутся, сами смягчаются и уже через несколько минут Настя забывает о том, что полтора месяца от нас не было ни слуху ни духу, и воркочет со мной, как певчая птичка.

Я же, закинувшись несколькими рюмками коньяка, вроде как ощущаю облегчение.

Кровь греется, мысли расфокусируются. Да, так определенно лучше.

Пусть гуляет, девочка. Счастливой будет, весёлой. Оле идёт улыбаться, а не плакать. А со мной она только это и делает вот уже сколько времени. И дальше легче не будет. Там один сплошной мрак.

Окидываю хмурым взглядом кучерявую, пока она что-то воодушевленно рассказывает, а потом запускаю ей в волосы пятерню и толкаю на себя. Языком проталкиваю в податливый рот. Девчонка на секунду стопорится, теряясь от неожиданного напора, пацаны ржут на заднем фоне, а я как больной вгрызаюсь в её губы.

— Снимите комнату, Даниелян, — в спину прилетает толчок.

Тычу придуркам средний палец, не отрываясь от вцепившейся в меня мертвой хваткой, девчонки.

Настя отвечает на поцелуй горячо, умело, втягивает мой язык себе в рот, надсадно стонет мне в горло. По всем законам физики, я должен откликнуться. Обычно, реакция не заставляет себя долго ждать, ударяя кровью прямым в пах. Целую её ещё жестче, забывая на то, что мы не одни. Давай же, где там эти гребанные искры? В последний раз меня от них трясло тогда на улице с Олей.

Оля... При мысли о ней в венах мелкие взрывы происходят. Ярость окатывает с ног до головы.

Резко отрываюсь от искусанных красных губ Насти и рывком встаю из-за стола. Трясёт всего так сильно, что ещё немного и меня разорвет просто. Разворачиваюсь и едва не врезаюсь в какую-то парочку.

— Стопэ, Даниелян, совсем уже от похоти повело? — ржёт знакомый голос.

Раздраженно утыкаюсь взглядом в моего сокурсника Мирзоева, а потом перевожу взгляд на его спутницу. В солнечное сплетение удар прилетает. Такой, что меня ментально на несколько метров откидывает и о стену расшибает.

— Здоров.

Тянет мне руку Жека, а второй обнимает за талию Олю.

Оля

Миша был прав. И хоть нож я Давиду ещё не вручала, но сердце уже кровоточит. Начало в ту самую секунду, когда я увидела его целующимся с девушкой. От боли скрючивает всю, в горле першит, но я намеренно не отвожу взгляда от бешеного лица Давида.

Что там сказал Женя? Что это похоть?

— Здоров Жека, — оборачивается к нам Саша, — опааа, Оля?

Наш зрительный контакт с Давидом напоминает стекло под давлением. Вот-вот и лопнет, расцарапав осколками лица.

Заставляю себя оторваться от почерневших глаз и улыбнуться парням.

— Привет.

Сашка удивленно разводит руками, а Демьян в своей обычной манере просто вскидывает руку, здороваясь со мной.

— А вы знакомы? — переводит взгляд с ребят на меня Женя.

— Конечно. Это же наша Оля, — слегка заплетающимся языком произносит Саша и тянет ко мне руки.

Я шутливо шлепаю по ним.

— Я дружу с сестрой Давида, отсюда и знакомы, — перевожу взгляд на Женю.

Давид так и не ушёл куда он там собирался. Стоит на месте, даже не сдвинулся.

— Мир тесен, однозначно, — усмехается мой новый знакомый, — Ладно, парни, мы пойдём, увидел вас, решил подойти поздороваться.

— Так можете с нами упасть, — указывает на свободные стулья Демьян.

— Нет, — опережаю Женю с ответом, — мы лучше отдельно.

— Слово девушки — закон!

Парень разворачивает меня за талию и мягко ведет к барной стойке. Волоски на затылке поднимаются, потому что я чувствую на себе неподъемный взгляд. Он давит, жжёт, толкает между лопаток.

Несколько раз моргаю, чтобы не дать скопившимся слезам скатиться по щекам и усаживаюсь на барный стул.

— Что пить будешь? — Женя садится рядом.

— Ммм, безалкогольный мохито.

Парень делает заказ, себе взяв пиво, я же в этот момент стараюсь справиться с ураганом эмоций, разгулявшимся внутри.

Впервые за очень долгое время я согласилась на свидание с парнем. С Женей мы познакомились на автобусной остановке несколько дней назад. Он сказал, что у меня расстегнулся сапог, я поблагодарила, а потом он спросил как меня зовут. Знакомиться на улице я не привыкла, поэтому остерегалась его минут десять, стараясь отвечать односложно на вопросы, но потом как-то слово за слово, мы разговорились и оказалось, что учится Женя в одном университете с Давидом и ребятами. Тут уж уровень доверия к нему повысился, и я не заметила, как наш разговор с остановки перетёк в автобус. Как потом оказалось, Женя сел не на тот маршрут, что ему был нужен. Хотел подольше со мной пообщаться и взять номер телефона. Я ему его не дала. А на следующий день он ждал меня на той же самой остановке.

Если честно, когда он позвал меня погулять, я сначала отказалась. Как можно гулять,

если мысли всегда заняты другим? Но когда Давид сказал сегодня, что идёт с девушкой в клуб, я изменила своё мнение. Скорее для того, чтобы реакцию его увидеть. Но её не было. Он просто безразлично ушёл, давая мне понять, что ему всё равно.

Что он там раньше говорил? У него своя жизнь, а у меня своя, и эти прямые не пересекаются? Наверное, так и есть.

На автомате обхватываю трубочку поставленного передо мной стакана с коктейлем и делаю несколько глотков, проталкивая ком, который грозит вырасти в размерах.

— Всё в порядке? — Женя склоняется ко мне и пытливо заглядывает в лицо.

— Да.

— Потанцуем?

— Давай!

Перебрасываю сумочку через голову и позволяю Жене взять меня за руку. Пока иду, стреляю взглядом туда, где сидят парни. В кровь выброс адреналина происходит, потому что Давид смотрит прямо на нас. Парни веселятся, о чем-то беседуют с девушками, а он, сложив руки в замок на столе, хмуро ввинчивается в меня глазами.

Под оглушительную пульсацию сердца, я начинаю двигаться. Женя тоже танцует. Обнимает меня, но вовсе не так, как в прошлый раз Олег. Границ не переходит. Его руки остаются строго в районе талии или немного выше.

Мы успели неплохо познакомиться пока прогуливались по городу и перекусывали в кафе. Женя не создаёт впечатление разгульного бабника. Он общительный, весёлый, и очень симпатичный. Волосы на концах модной прически слегка высветлены, широкие скулы и чистые голубые глаза. Я же говорю — симпатичный.

— Ты классно двигаешься, — кричит мне на ухо во время битового бодрого танца. — Занимаешься танцами?

— Угадал, — отвечаю также громко.

Мы ещё немного танцуем, а потом возвращаемся к бару, чтобы смочить горло. Непрекращающееся чувство того, что на меня смотрят играет смычком на моих натянутых нервах. В какой-то момент оборачиваюсь и сталкиваюсь с Давидом взглядами. Между нами мельтешат люди, проходят официанты, но мы тянем каждый на себя этот невидимый канат. Мысленно посылаю ему — «Ты сам хотел, чтобы я строила свою жизнь. Делаю это по твоему примеру».

Лицо Давида не выдаёт никаких эмоций. Только уголки губ нервно дергаются и скулы заостряются. Ему на плечо ложится ладонь его кучерявой спутницы, она что-то говорит ему, а я резко отворачиваюсь.

Слишком резко, потому что в этот момент Женя тоже поворачивается ко мне, и я врезаюсь ему в грудь.

— Ой.

Руки парня ловко обхватывают меня за плечи, он сам смеётся.

— Ты чего? Равновесие потеряла?

— Типа того.

Задираю голову, находясь в коконе его рук. От Жени исходит тепло и довольно приятный запах. Руки убирать он не спешит. Смотрит на меня, словно думает над чем-то, и вдруг переводит взгляд на губы.

Моё сердце подскакивает от осознания, что он кажется, хочет меня поцеловать. А я? А я не хочу! Смотрю на очень красивого, вежливого, отличного парня, и ... не хочу.

Он осторожно убирает волосы с моего лица, медленно склоняется.

— Ты очень красивая, — произносит, приближая ко мне губы.

Жжение со стороны усиливается. Меня жарит как на сковороде, во рту пересыхает. Когда между нами остаётся жалкий миллиметр, отвожу лицо и поцелуй приходится мне в уголок губ.

В этот же момент меня грубо лишают опоры, которой служил эти несколько мгновений Женья.

За локоть вырвав меня из его рук, Давид подтягивает меня к себе и берёт за руку.

Я словно с обрыва слетаю и падаю вниз.

— Дав? — непонимающе смотрит на него Женья.

— Прости, Жека. Не могу!

Не взглянув на меня, быстрым шагом направляется по коридору, таща меня за собой за руку. Ладонь покалывает тысячью крошечных иголок. Воздух камнем встал в лёгких. Я семеню за ним, заплетаясь в ногах. Чувствую, как горит кожа по всему телу, словно я вампир и меня оставили под палящим солнцем.

Выходим сквозь двери клуба и проталкиваясь через кучкующуюся молодежь, продолжаем идти. На парковке Давид резко тормозит, бросает мою руку и оборачивается.

Выглядит так, словно в него вселился демон.

Дышит тяжело, как если бы не шел только что, а бежал несколько километров.

Шумно выдыхает, отступает на шаг, а потом дергается вперед и останавливается в нескольких сантиметрах от меня.

Земли под ногами не чувствую. Продолжаю лететь. Сердце слетело с катушек и проламывает рёбра.

— Мы не будем вместе, — стреляет в меня безжалостно.

— Я и не прошу, — отвечаю в его же манере.

— Я скоро уеду, — ступает вплотную, и я вижу, как пульсирует вена на его шее.

— Сколько у нас времени? — лепечу непослушными губами.

— Пара месяцев. Может три.

— А потом?

— А потом я уеду и женюсь, — сердце с разбега расшибается о стену, — Ты согласна на это?

Достигаю дна и разбиваюсь о бездну в карих глазах. В них столько всего, что и не прочтешь сразу. Но единственное, что четко прочитывается — ожидание. Беспокойное и нетерпеливое.

— Никаких признаний и обещаний. Только я и ты на это время.

— Почему? — спрашиваю еле слышно.

Крылья его носа раздуваются, и он делает сильный вдох.

— Ломает. Хочу отпустить, но видеть тебя с другим не могу.

— Ты эгоист.

— Наверное.

— Поцелуй меня, — прошу тихо, но он слышит.

Кадык на его шее дергается, а потом Давид обхватывает моё лицо ладонями и делает то, чего я больше жизни хотела. Отчаянно вжимается своими губами в мои.

Мысленно достаю нож и вручаю ему оружие, которым очень скоро он вырежет мне сердце. Да и плевать. Это будет потом. Зато целых три месяца я буду жить и дышать им.

Поднимаюсь на носочках и лихорадочно обнимаю его за шею, пока Давид переносит руки мне на талию. Со всей силы сгребает меня в объятиях и поднимает над землей, продолжая неистово целовать.

Оля

— Как я давно хотел это сделать!

Давид надрывно шепчет, сжимая снова моё лицо в ладонях. Целует губы, щеки, лихорадочно гладит волосы, словно пытается насытиться, а я смеюсь и плачу одновременно.

Подставляю губы под его напор, обнимаю шею, запускаю пальцы в короткий ёжик волос. Растворяюсь в нём без остатка.

— И я. Целуй меня ещё, пожалуйста! — Сердце заняло собой всю грудную клетку, пульсирует, впитывая эмоции, исходящие от Давида. Стучит... впервые стучит так счастливо за последний месяц. — Зачем ты пошёл сегодня с ней?

Заглядываю ему в глаза, Дав тяжело сглатывает и сощуривается.

— За тем же, зачем и ты пошла с Женей.

— Видеть, как ты её целуешь было больно.

Прикрываю глаза от трепетной ласки, которую он мне дарит, глядя мои губы большими пальцами.

— А будет ещё больнее, — хрипло произносит и мне кажется будто собирается отстраниться.

Хватаюсь за него и отчаянно мотаю головой.

— Знаю. Только не передумай пожалуйста. Я не выдержу.

Серьезный взгляд пугает, а потом Давид снова касается мои губ и шепчет в них:

— Не смогу. Уже не смогу.

Накрывает мой рот и всё во мне по новой вспыхивает, не успев погаснуть. Мне кажется я могу задохнуться от этих эмоций. Их так много — меня распирает и выкручивает. Вены горят от того, с какой скоростью несётся по ним кровь. Я дурею от того, что чувствую вкус его губ. Неповторимый, сладкий, с легким привкусом горечи. Такая на вкус моя любовь.

Жмусь к Давиду со всей силой, на которую способна, пока он в один момент не отстраняется с тихим смехом.

— Задушишь.

Боже... Слепну от его широкой улыбки и всхлипываю.

— Ну хватит, — Дав стирает большими пальцами слезы с моих щек, и упирается своим лбом в мой, — обещаю не плакать!

— Не могу, — сквозь смех снова реву.

— А ты смоги!

Его губы касаются моих щек. Давид притягивает меня к себе, прижав к своей груди. Обнимает за шею, уткнувшись носом в макушку, а я оплетаю его торс. Всё. Мне больше ничего не нужно. Только слышать, как хаотично скачет его сердце, и чувствовать такой необходимый запах.

— Я не хочу туда возвращаться, — произношу тихо, проведя щекой по темной ткани футболки.

— Мы и не вернемся.

— Нужно извиниться перед Женей. Некрасиво получилось. И ребята, — меня словно молнией пронзает, — они видели?

Вскидываю взволнованно голову, Давид мягко улыбается.

— Нет, не переживай. Я сейчас всё утрясу. Подождёшь?

Киваю, а когда Давид уходит, наконец могу осмыслить что только что произошло. Прикладываю ладони к горящим щекам и чувствую, как глупо улыбаюсь.

Я не ошиблась, когда думала, что нравлюсь ему. Не ошиблась!

Хочется раскинуть руки в стороны и заверещать!

Господи, спасибо тебе!

Вскидываю голову к небу и устремляю взгляд в россыпь миллионов звезд. Сегодня они светят для меня. И Большая Медведица, и Малая и все остальные созвездия. Даже круглый месяц, кажется светит ярче, чем обычно.

На долго ли? Звучит в подсознании притихший внутренний голос. Совесть тоже поднимает голову, напоминая о том, что где-то живёт Ани, но я затыкаю их обоих. Дайте мне побыть хотя бы немножко счастливой, а потом можете вместе загрызть меня насмерть.

Давид пока ещё не женат, а значит мы можем это время провести вдвоём. Этого у нас никто отнять не может!

— Замерзла?

Вздрагиваю от неожиданности, когда мне на плечи ложится моя весенняя куртка, а потом Давид обнимает меня со спины.

Всё. Совесть с внутренним голосом как ветром сдувает. Жмусь к нему, позволяя себе утонуть в тепле его тела.

— Не успела, — поворачиваюсь к нему лицом, — как Женя?

— Нормально. Он взрослый мальчик, переживёт.

Хмурюсь, понимая, что некрасиво вышло с ним.

— Надеюсь, познакомится с кем-то сегодня.

— Я отправил его к Насте, чтобы они оба не скучали, и попросил парням ничего не говорить пока что.

Согласно киваю. Не хочу, чтобы кто-то знал, что мы с Давидом вместе. Я понятия не имею как может отреагировать Мариам и очень этого боюсь.

— Правильно. Только не думаю, что ему придется по душе эта твоя Настя.

— Если мы с ним хотя бы немного похожи, то не придется, — усмехается Давид, — но никто не заставляет остановиться на ней. Там полный клуб девчонок. Найдёт кем утешиться.

Женя классный, думаю, действительно, не останется один.

— Куда пойдём? — спрашивает Давид.

— Мммм. Я не знаю. Мне всё равно.

— Тогда просто идём.

Моя ладонь оказывается в его, и Давид тянет меня к выходу с территории клуба.

А потом мы идём... идём вдвоём... за руку по вечернему проспекту!

Кожу покалывают мелкие иголочки, меня распирает. Я словно нахожусь под кайфом, хотя и не знаю как это. Просто думаю, что он ощущается именно вот так. Когда всё тело легкое, воздушное, а мир вокруг ярче, чем обычно.

— Есть хочешь? — Дав скашивает на меня теплый взгляд.

— Неет, — смеюсь, прижимаясь к его плечу щекой, — ты думаешь, что я только и делаю, что ем?

— Если бы ты ела! Хоть гуляшом сегодня поужинала, который сама приготовила?

Он перехватывает мою руку левой, а вторую забрасывает мне на плечо. Прижимает к себе, а я ликую.

— Да. Мне Мариам отсыпала половину в ланчбокс. Я не хотела брать, потому что мясо-то ваше, но она не спрашивала. Твоя сестра иногда, несмотря на внешнюю хрупкость, может быть очень настойчива.

Смех Давида шевелит волоски на моём теле.

— Я тебе хотела приготовить, — признаюсь и чувствую, как стремительно краснею.

Ещё недавно я спорила с его матерью о том, что готовить — это не самое главное, что должна уметь девушка, а сегодня сама попросила Мариам научить меня. Но на самом деле я сделала это не для того, чтобы под кого-то подстроиться. Просто после окончания школы, я планирую жить в общежитии, а там нужно уметь готовить, чтобы не умереть с голода.

Ну а гуляш выбрала... ох, ну не врать же себе самой. Потому что хотела показать Давиду, что я могу быть не хуже НЕЁ...

— Я догадался, — с несвойственной ему нежностью произносит он.

Не знаю сколько мы гуляем. Кажется, что совсем мало, но при этом успевают пройти часа два. Если бы не звонок мамы с требованием возвращаться домой, я думаю, мы прогуляли бы целую ночь.

Когда я захожу в подъезд, губы мои болят от количества поцелуев. Немного припухли и слишком чувствительны. Я трогаю их, пока еду в лифте, а в отражении зеркала, занимающего всю стену вижу себя такой, какой не видела ещё никогда.

— Ты почему загулялась так, Оль?

Я уже и позабыть успела о том, что родители могут следить за тем, во сколько приходят их дети. Мама в последнее время часто либо сама приходит поздно, либо не приходит вообще, ссылаясь на то, что ночует у бабушки. Хотя она и правда часто забирает Алиску и увозит туда.

— Была с друзьями. Привет, мам, — целую её в щеку, стараясь не раздуть пламя негодования.

Я сегодня слишком счастлива, чтобы позволить хотя бы чему-то омрачить моё настроение.

— Привет. Давай ты будешь раньше возвращаться с таких вот прогулок, ладно?

Говорит, когда я вхожу в ванну.

— Хорошо. Как твои дела?

— Да также, как они у меня могут быть? Оболтусов правда, придушить хочется, в школе, но это уже привычно, — улыбается, а я замечая, что улыбка у неё настоящая.

Не вымученная, как была в последний год, а искренняя. И глаза светятся ярче, чем прежде. Подумать о причинах такой перемены не даёт возглас отца с кухни.

— Марина, что у нас закусить есть к пиву?

Начинается...

Мама закатывает глаза и уходит к нему.

— А может без пива сегодня?

— Ой ладно, что там, пол литра всего. О, мясо, когда успела приготовить?

Пока вытираю руки, слышу, как работает микроволновка.

— Это не я, я сегодня рагу делала. Откуда у нас мясо?

— Это я приготовила, — приостанавливаюсь в коридоре, ловя на себе две пары ошалелых глаз.

— Ты? — скептически переспрашивает папа, доставая из микроволновки ланчбокс, — Что ты врешь-то?

— Я не вру. Меня Мариам научила, — вижу, как он несколько секунд раздумывает прежде, чем все же нанизать кусочек мяса на вилку и отправить в рот, — вкусно?

Изумление скрыть у папы не получается. Он жуёт активнее и поглядывает на маму.

— Вкусно! Ничего себе! Не ожидал прямо!

Хочется сказать, что я могла бы научиться этому ещё давно, но держу язык за зубами.

Улыбаюсь маме, которая смотрит на меня не мигая, и ухожу в комнату.

Падаю на кровать и разблокирую телефон. Захожу на страницу Давида в соцсети и отыскиваю фото, на котором его отметила Ани не так давно. Да, я видела его. Их совместный снимок, на котором они стоят вместе, но сегодня впервые глядя на него, я не испытываю боли в груди.

Сегодня я не завидую ей и её красоте. А она правда, очень красивая. Когда я впервые увидела это фото, плакала часа два, потому что до этого надеялась на то, что Ани неприятная внешне и отталкивающая. Ошиблась. В неё, оказывается, можно легко влюбиться.

Но Давид не влюблен. Я точно знаю.

Потому что такие эмоции, которые сегодня были у него сыграть нельзя. Его взгляды, жаркие поцелуи, то, как он прижимал меня к себе. По телу прокатывается трепетная волна, стоит только вспомнить как это, быть растворённой в нём.

Нельзя злорадствовать, это неправильно, ужасно, отвратительно. Но несмотря на то, что ругаю себя на чём свет стоит, я испытываю маленькое чувство превосходства.

Глядя на темноволосую девушку на фотографии, увеличиваю снимок, оставляя только её милостивое лицо.

— Сейчас он мой!

Зачем-то говорю, как будто она может это услышать.

— С Днём Рожденияяя, — кричат одноклассники, вручая мне блокнот и коробку конфет, и по очереди расцеловывая.

— Спасибо, — смеюсь, обнимая девчонок и парней.

— Восемнадцать! — отпускает гелевые шарики вверх Марина Коостюченко, — Тебе восемнадцать, прикинь!?! — вскрикивает она радостно.

Так уж получилось, что меня отдали в первый класс немного позже, поэтому и совершеннолетие я встречаю в школе, в отличие от остальных, которым стукнет восемнадцать уже после окончания.

Прохожу мимо ребят и попадаю в крепкие объятия Мариам.

— С Днём Рождения, Оль!

— Спасибо, — не могу скрыть улыбку, когда она мне протягивает картонный пакет с красивым красным бантом. — Что там?

— Посмотри!

Поставив сумку на стул, с любопытством заглядываю внутрь.

— Да ладно! — удивленно охнув, достаю оттуда палетку с тенями самых разных оттенков, — Мари!

Боже, она помнит! Мы месяца два назад, когда прогуливались по торговому центру, зашли в магазин косметики, и я полчаса не могла отлипнуть от этой палетки. Моя косметика уже себя изживает, а на новую не хватало денег.

Бросаюсь к подруге и крепко её обнимаю!

— Спасибо тебе огромное! Только она же дорогая!

— Ничего. У меня есть сбережения! — отмахивается она, с благоговением наблюдая за тем, как я сажусь за парту и начинаю рассматривать оттенки теней.

Здесь их кажется, тридцать, темные, светлые, цветные, для выступлений.

— Нравится? — склонившись ближе, она обнимает меня за плечи, а я чмокаю её в щеку.

— Очень! Ты не представляешь даже! В кафе пойдем после школы?

— Обязательно. Я уже отпросилась!

Не знаю как, но Мари с девчонками одноклассницами решили, что в кафе сегодня не я плачу за них, а они все скидываются и угощают меня в честь дня рождения. Сначала я отнекивалась от праздника, потому по привычным правилам должна всех угостить именно я. Но так как на празднование денег нет, поэтому я хотела просто посидеть вдвоём с Мариам, но подруга решила всё переиграть.

Таким образом сейчас мы всемером сидим в кафе, едим пиццу и пьем безалкогольные коктейли.

— За твои восемнадцать!

Тянет руку с бокалом через весь стол Настя Караваева, и стукнувшись с ней своим я отпиваю сладкую жидкость.

— Я уже жду не дождусь, когда мне восемнадцать стукнет. Папа сказал, что машину мне купит, — потирает ладони Юля Краснова, дочка известного в нашем городе бизнесмена.

Раньше мы с ней дружили очень близко, а после того, что случилось с моим отцом, отношения как-то охладели. Нет, мы общаемся, но в гости друг к другу уже не ходим. Она перестала меня приглашать, а я её уж и подавно. Её психика не выдержит зрелищ с моим

пьяным папой.

Пока девчонки трещат, я отвлекаюсь на входящее сообщение.

«Ты до сколько будешь в кафе?»

Сладкая истома пробегает под кожей, при виде имени отправителя.

Откинувшись на спинку кресла, чтобы в экран невозможно было заглянуть, быстро печатаю ответ.

«Недолго. А ты уже освободился?»

«Да. Еду к тебе. Буду на парковке слева от кафе».

— И что это мы так улыбаемся? — голос Иры забирается в моё счастливое сознание, вынуждая быстро заблокировать телефон. Мельком смотрю на Мариам, с интересом меня разглядывающую, — Так улыбаются только парню. Признавайся с кем общалась.

— С Мишей, — нагло вру, и от этой лжи на языке горько становится.

Мы с Давидом вместе уже две недели, а я так и не призналась подруге.

— Оу, это с тем твоим красавчиком, который тебя недавно встречал?

— Да.

— Так, он больше, чем друг? — переходит на заговорщицкий шепот Ира, а я отрицательно мотаю головой.

— Он друг.

— Ну-ну, мы типа поверили, — хихикает она, но мне все равно.

Пусть лучше думают, что я с Мишей.

Кое как высиживаю тридцать минут за столом, а потом получив сообщение от Давида о том, что он здесь, благодарю девчонок за праздник, провожаю Мариам на остановку и сославшись на встречу с Мишей, разворачиваюсь обратно к кафе.

Обхожу здание с другой стороны и замечаю Давида, облокотившимся на капот отцовской машины.

Боже, моё сердце когда-нибудь перестанет так дёргаться всякий раз, стоит мне его увидеть? Рядом с парнем лежит букет цветов, а сам Давид смотрит в экран телефона. На мгновение отрывается, поднимает голову и замечает меня.

Спрятав мобильный во внутренний карман куртки, выпрямляется.

Я едва дышу.

Закусываю губу, ускоряя шаг, а когда он открывает руки, давая понять, что ждёт меня, и вовсе срываюсь на бег.

Поймав меня, он хрипло смеётся, тут же впечатываясь поцелуем в мои губы. Целует глубоко, неистово, мгновенно зажигая фитильки в моём теле и заставляя прижиматься к нему ещё крепче.

У меня каждый раз голова кругом от его поцелуев, и внутренности плавятся, как будто меня не Давид обжигает, а пламя от костра.

— Привет, именинница, — оторвавшись, убирает волосы с моего лица и гладит щеки.

За две недели я поняла, что ему нравится так делать. Да что там... Я сама с ума схожу, чувствуя на своем лице его пальцы. Они гладят, ласкают щеки, губы.

— Привет.

— Говорят, ты уже взрослая?! — произносит с улыбкой, отрываясь от меня и беря с капота букет.

— Говорят, да.

С широченной улыбкой принимаю цветы, и тут же ныряю в бутоны носом. Какой запах!

— Спасибо большое! — потянувшись, оставляю на губах Давида поцелуй, а он ловит меня за талию и прижимает к себе. — Они такие красивые.

— Ты красивее!

Краснею, как Алиска прямо. И хоть я часто слышала комплименты от знакомых отца, и их сыновей, но в исполнении Давида они всегда особенные. Будто каждое слово дотрагивается до моей души и проникает в сердце.

— Пойдём, у меня для тебя подарок.

— Ещё один?

— Цветы — это знак внимания, Оль. А подарок ко дню рождения должен быть весомым. Ещё и в восемнадцатилетие, — подтолкнув меня к машине, Давид открывает для меня дверь.

Забираюсь внутрь и осторожно кладу цветы на заднее сиденье. В последнее время мы часто катаемся на машине Тиграна Армановича. Вечером, когда отец Мариам приезжает после работы домой, Давид берёт её у него, и мы колесим по городу. То заезжаем в кино, то сидим в кафе, то просто едем куда-то и по долгу целуемся на заднем сидении.

Усевшись за руль, Давид тянется к бардачку и достаёт оттуда черную бархатную коробочку.

Открывает её, а у меня дух перехватывает.

На подушечке лежит аккуратная, тоненькая золотая цепочка.

Достав её, Давид тянется к моей шее. От прикосновения горячих пальцев к коже меня пронзает током. Дышу часто-часто, пока он отводит волосы в сторону и застегивает украшение.

Моё сердце едва справляется с нагрузкой. Бьется так сильно, что каждый удар эхом отдаётся в затылке. Я не ожидала такого подарка. Это слишком значимо! Слишком ценно!

Пробегаюсь пальцами по плетению и встречаюсь с Давидом глазами.

— Спасибо! — шепчу еле слышно, а он улыбается.

— Ты чего?

Хочу ответить, что это больше, чем мы договаривались изначально. Что для таких отношений, как у нас, не имеющих продолжения, этот подарок — табу. Я бы поняла, если бы он подарил мне перчатки, или там, сладости, но цепочку, которая всегда мне будет напоминать о нём...

Открываю рот, но слова застревают в горле. Если я это скажу, то он ответит, что это «на память». А эти слова слишком болезненны для моего восприятия. Я и так держу любые мысли под крепчайшим замком, не давая им возможности прорваться наружу...

Тянусь к нему и мягко целую в губы. Сказать что-либо не могу совсем. Внутри полный хаос. Грудь рвёт на части, и Давид словно почувствовав это, обхватывает меня за талию и тащит на себя.

Отодвигает кресло, усаживая меня сверху и проникает пальцами под край кофты.

Моё тело реагирует мгновенно. По спине разлетается рой мурашек, а в животе назревает тепло.

— Не вздумай плакать, — шепчет, накрывая мои губы своими.

— Не буду, — мотаю головой, обнимая его за шею.

— Правильно, лучше иди ко мне!

С этими словами он углубляет поцелуй и стискивает пальцы вокруг моей талии. Уже не первый раз мы целуемся так, что оба начинаем гореть. Жадно, несдержанно. Руки Давида

сминают ткань моей тонкой кофточки на спине, пробираются и запутываются в моих волосах. Я чувствую его сумасшедшее возбуждение. Его опаляющее дыхание на своем лице, поцелуи, чем-то похожие на укусы, и не могу не отвечать тем же.

Гладить его, обнимать.

Моё тело требует его, вопит, но я отрываюсь, пытаюсь справиться с одуревшим сердцем, и утыкаюсь своим лбом в лоб Давида.

Щеки горят, внизу живота простреливает, принося дискомфорт и другие ощущения. Настолько сильные, что мне страшно.

Дав шумно выдыхает и откидывается на подголовник.

— Дай мне пару минут, и мы поедем! — говорит с напряженным смешком.

Подталкивает меня к себе, укладывая на свою грудь и позволяя слышать как скачет в груди его сердце. А я, находясь вся в огне, зажмуриваюсь и тоже стараюсь выровнять сбившееся дыхание.

Поднимаю руку и царапаю ногтями его шею.

— Мы можем никуда не ехать. Мне и так хорошо.

Хмыкнув, он мягко отводит мои волосы на одно плечо и крепко обнимает меня, заставляя жмуриться от удовольствия.

— Поедем. Попозже.

Попозже — я согласна. Только бы не отрываться от него сейчас.

Оля

— Привет, ребят!

Привлекаю внимание парней, а сама смотрю только на Давида. Мы встречались с ним аж позавчера, а сегодня они втроём с Демьяном и Сашей занимаются строительством гаража в доме Даниелянов.

Зрелище то ещё, надо сказать! Мало того, что у всех троих рабочие штаны на бедрах висят, так ещё и верх с ума сойти какой залипательный.

На Демьяне футболка, Саша вообще без неё, но мой взгляд безотрывно приклеен только лишь к Даву. Он облачён в простую белую майку, в некоторых местах уже испачканную серой смесью. Сзади она узкая, как у спортсменов, что позволяет оценить очертания литых мышц спины, а также крупных плеч и рук. И хоть я знаю уже на ощупь какие они, но не получить эстетическое удовольствие не получается.

Он сумасшедше привлекательный!

— Привет, — здоровается несмело Мари, а я замечаю, что она отзеркаливает мой взгляд, только направлен он на Демьяна.

Когда ребята поворачивают к нам головы, подруга тут же отводит его и смотрит на брата.

— Привет, девчонки! — широко улыбается Саша.

— Привет!

Давид оборачивается и подмигивает нам, при этом немного дольше смотря на меня. У меня пульс сбивается, а к губам подбирается улыбка. Чтобы не выдать себя, отвожу взгляд на Сашу.

Этот оболтус как обычно широченно улыбается. Его грудь тоже испачкана в смеси, и похоже даже прохладная весенняя погода его вовсе не пугает.

Лишь бы пощеголять своим полуголым телом!

— Как дела ваши?

— Всё хорошо, — отвечает Мариам, — сейчас будем ужин вам готовить.

— А мы уже поели, — Саша хлопает себя по подкаченному животу. — Картошечка с мясом были отменные!

Мари растерянно обводит их глазами и хмурится. Подруга привыкла уже кормить эту троицу, в большей степени потому, что тогда у неё есть возможность подольше побыть с Демьяном.

— Правда? А мы хотели с Олей что-то приготовить.

— Я бы не отказался от пахлавы, — предлагает Демьян, словно прочитав её мысли, — обожаю её! Особенно в твоём исполнении, Мари!

Тааак, кажется подбирается солнечное затмение. А нет, это улыбка моей счастливой подруги перекрыла солнечный свет. В пору надевать темные очки, чтобы не ослепнуть.

— Конечно, всё будет. Пойдём, Оль?

Подхватив меня под локоть, Мариам опрометью тащит меня в дом.

Сдержать смех у меня получается плохо, но стараюсь рассмеяться уже отойдя от парней, чтобы не привлечь лишнего внимания.

— Мариам, ты бы хоть немного держала себя в руках, — разувшись, вхожу следом за

ней на кухню. — Сложно не заметить того, как ты смотришь на Демьяна.

Подруга резко тормозит и в ужасе оборачивается.

— Правда? Боже! — прикладывает ладони к покрасневшимся щекам, — Я просто не могу... У меня не получается себя контролировать! Я так давно не видела его!

Смотрю на неё, и вижу себя. У меня тоже рядом с Давидом всё получается неконтролируемо.

— Как ты думаешь, Давид заметил? Если да, он меня убьёт! И Демьяна убьёт!

На её лицо наползает настоящая паника. Мариам лихорадочно оборачивается, будто пытаюсь придумать что теперь делать.

— Нет, не заметил! — Спешу её успокоить, иначе она с ума сойдёт от переживаний. — Не заметил, точно!

Потому что в этот момент смотрел на меня... но этого я вслух не произношу.

— Уверена?

— Да! Давай готовить? Там же долго выпекаться будет, я правильно понимаю?

Несколько раз глубоко вдохнув, и кажется, начав успокаиваться, Мариам кивает.

— Давай! Будешь мне помогать?

— С удовольствием!

За последний месяц благодаря Мариам я научилась запекать мясо, тушить его, а также печь лепешки. Домой к Даниелянам я прихожу редко, потому что Лусине почти всегда находится в его стенах, но когда её нет, то лечу сюда с удовольствием.

Включив музыку, Мари замешивает эластичное тесто, а мне доверяет измельчить орехи. Устанавливает на стол блендер, в чашу которого я засыпаю нужное количество грецких орехов. Включаю его, а потом замечаю в коридоре Давида.

Он прикладывает к губам палец, давая мне знак, чтобы молчала, зовёт к себе рукой и скрывается в коридоре.

По телу пробегает волнительная дрожь. Прикусываю изнутри щеку, чтобы не разулыбаться. А то Мари говорю, чтобы держала себя в руках, а сама не в состоянии сделать того же.

Кошусь на подругу, усердно занятую смешиванием муки с другими ингредиентами, и останавливаю работу блендера.

— Я в туалет схожу, ладно?

— Конечно, иди.

Выхожу из кухни, и оглядываясь, словно совершаю преступление, дохожу до ванной комнаты, где уже горит свет. Сердце подпрыгивает от осознания, что я проворачиваю такое за спиной подруги, но я так соскучилась!

Едва вхожу внутрь, как попадаю в крепкие объятия Давида.

Он без единого слова впивается в меня поцелуем, а я, улыбаясь, как дурочка, тут же обнимаю его за шею. Похоже, он тоже скучал!

Эта мысль, как порция крепкого алкоголя, пускает по венам тепло.

Дав, щелкнув защелкой за моей спиной, прижимает меня к двери спиной. Я цепляюсь за него и не могу оторваться. Наконец-то! Целуемся без остановки несколько минут, пока губы не начинают печь от его колючей щетины.

С усилием заставляю себя отстраниться, и тону в его потемневшем взгляде. Во время наших поцелуев он у него другой. Не такой, как в повседневной жизни. В нем столько всего кроется, что иногда мне кажется всех эмоций и прочесть невозможно.

Нахмурившись, он проводит большим пальцем по моим губам.

— Поцарапал тебя?

— Немного, — жадно смотрю на него, как будто мы не виделись не полтора дня, а целый год.

Мои любимые длинные чёрные ресницы, крошечные морщинки около губ и небольшая родинка на щеке.

— Прости. Вчера до вечера отцу помогал, а сегодня проспал и сразу в универ. Теперь вот с гаражом возжусь. Сегодня побреюсь, — обещает, ещё раз коротко касаясь моих губ своими.

— Ничего страшного. Главное, что ты пришел, — приподнимаюсь на носочки и тоже мягко целую его.

Не могу оторваться, Боже!

— Едва увидел тебя, начал думать о том, как бы свинтить.

— Правильно сделал! — таю от его ласк, — Я бы обиделась, если бы ты не пришёл!

— Правда?

— Да! — заглядываю в горящие карие глаза и тихо смеюсь. На самом деле — нет, конечно не обиделась бы. Я прекрасно понимаю, что он и так рискует. Трუსь своей щекой о его колючую и вжавшись губами в ухо, серьезно шепчу: — я соскучилась!

Тело взрывается миллионом фейерверков от того, как Давид сжимает меня. Снова упирает спиной в дверь, а спереди впечатывается в меня сам.

— Я тоже! Сегодня вечером заеду за тобой! — шепчет на ухо.

Уже собираюсь согласиться, но вовремя спохватываюсь. Завтра у нас важная контрольная по чертовой истории. А я и так в последнее время много домашнего задания делаю впопыхах, потому что не хочу лишать себя встреч с Давидом. Боюсь, если и на этот раз плохо подготовлюсь, принесу домой меньше пяти баллов. А у нас потом по ней единый экзамен. Нужно обязательно сдать его хорошо.

От досады хочется реветь.

— Не получится. Мне нужно к контрольной готовиться. Она завтра первым уроком.

— Понял. Тогда завтра, заодно и отметим, — с пониманием произносит Давид.

— Спасибо.

Тянусь к нему и получаю ещё одну порцию воспламеняющих поцелуев.

На кухню возвращаюсь спустя пять минут. Мари обеспокоенно косится на меня, а я стараюсь встать к ней спиной, чтобы не демонстрировать свои опухшие губы.

Знаю, что нужно признаться ей, но где найти отвагу сделать это — понятия не имею.

— У тебя всё хорошо? — взволнованно спрашивает она, вероятно заметив, что меня не было дольше, чем предполагает обычный поход в туалет.

— Да. Мама звонила, так что я ещё по телефону говорила.

Благо, музыка здесь играет довольно громко, можно сослаться на то, что она просто не слышала звонка.

— Ааа. Ну тогда давай дальше. Сейчас будем раскладывать пласты теста на пергамент, а сверху орехи. Начинка готова?

Смотрю на не до конца измельченные орехи и жму кнопку на блендере.

— Сейчас будет!

— Всё готово, идёмте пить чай! — вскинув голову, прикрываю глаза ладонью от яркого вечернего солнца.

— Ооо, отлично, — спрыгивает с лестницы Саша и протирает руки о тряпку.

Давид тоже спустившись, косится в сторону Демьяна.

— Ты идёшь?

— Добью эту часть и подойду.

Бросаю взгляд на Мари, хмурым взглядом смотрящую на Дема, и разворачиваюсь, чтобы вместе с парнями отправиться в дом. Пусть поворкуют немного. В последнее время они видятся очень редко. Демьян перестал забирать её с танцев, сюда тоже почти не приходит.

Я догадываюсь почему. Его действия очень похожи на те, что совершал Давид пару недель назад. А Мариам бедняжка мучается, думая, что он нашёл себе девушку. Хотя, этого я тоже не исключаю, если вспомнить как он целовал ту девчонку в клубе.

— Тааак, что у нас тут за вкуснятина?

Помыв руки в раковине, Саша хватает с тарелки кусочек пахлавы и сразу весь закидывает в рот.

— Каайф! Оль, вы волшебницы, — жмурясь от удовольствия, сгребает меня в охапку, — Обожаю сладкое!

Я иногда не успеваю среагировать на Сашины эмоциональные проявления чувств. Вот и сейчас обескураженно смеюсь, упираюсь ему в голую грудь ладонями, пока он лезет к моей щеке, чтобы поцеловать в неё.

Этот парень помимо своей слабости к женскому полу питает почти такую же слабость к вкусной еде, это я уже успела заметить за все время нашего общения.

— Мне кажется, ты съел бы её, даже будь она не слишком вкусной.

— Ошибаааешься. Тем, что мне не нравится я себя травить не стану. Мой организм избирателен и привередлив, и выбирает только самое лучшее.

— Ну ты льстец!

За спиной раздаются шаги, вынуждая меня обернуться и наткнуться на строгий взгляд любимых глаз.

— Дава, это просто оргазм, — всё ещё жуя, произносит Саша, — попробуй.

— Оденься, Битеев! — грубо рявкнув, Давид садится на стул.

— Чё это? Я кого-то смущаю?

Отстраняется и разводит руками, демонстрируя мне всю красоту своего голого торса.

— Оль, смущаю тебя?

— Да, Саш.

— Оденься, сказал! — рявкает Дав.

Вздрагиваю, а Саня переводит на него округлившиеся глаза и тянется за рубашкой, брошенной на стуле.

— Ладно-ладно, я ж не без штанов тут хожу. Олька, думаю, торсики уже видела, правда? Господи, ну что за человек?

— Сашка, ешь давай! — закатив глаза, разливаю им по чашкам горячий чай.

Боковым зрением замечаю, как Давид берет кусочек десерта и кладёт его в рот.

— Вкусно? — спрашиваю с затаённым предвкушением.

Ох, мамочки, ну когда у меня перестанет ёкать сердце в момент, когда его взгляд направлен на меня? Чувствую, как на щеки ползёт краска, пока он кивает.

— Да. Вы молодцы. Очень вкусно!

Обрадованно улыбаясь, сажусь рядом с парнями и съедаю несколько штук медовой вкуснятины.

Мы немного болтаем, а потом Саше звонят, и он уходит, оставляя нас с Давидом наедине.

Мариам за это время успела прибежать, взять три кусочка пахлавы с чаем, и пряча от всех взгляд, убежала обратно на улицу.

Пока Давид провожает Сашу, я мою тарелки, а потом чувствую на своей талии давление мужских рук.

Грудь тут же обдаёт приятным теплом.

— И что, много ты торсиков видела, Оль?

Тихий, но серьезный голос на ухо, вызывает россыпь мурашек и волнение в груди.

— А что? — выключив воду, разворачиваюсь в его объятиях.

Давид даже не думает сдвигаться. Нависает надо мной, поставив ладони на мойку.

— Много, или нет?

— А считать те, что в жизни, или картинки в интернете тоже? А может те, что я видела на пляже на море и речке?

От того, как в его глазах рождаются сполохи, мне улыбаться хочется. Это ведь ревность, я не ошибаюсь? Сердце сладко стучит, пока я обнимаю Давида за шею. Взгляд не отвожу, ловлю каждую эмоцию, пропуская её глубоко в себя.

— Те, что в жизни, рядом с тобой.

— Тогда три. Твой, Саши и Мишки, — отвечаю, не задумываясь.

— Мишки, значит... — сощуривается, а потом склоняется и ловит зубами мою нижнюю губу. Тянет на себя, заставляя меня податься вперед, — И почему это он рядом с тобой ходит без одежды? — шепчет мне в губы.

— Летом мы ходили на речку. А когда я бываю у него дома, то переодевается при мне. Мы знаем друг друга с детства, Давид, я его не воспринимаю, как ... как тебя.

Прижимаюсь к его губам своими, и тут же громко охаю, потому что он буквально вгрызается в меня. Руками сминает кофту на спине и целует так, будто наказывает за что-то. А я пью эту исходящую из него ревность, как изголодавшийся путник в пустыне. Мне нравится, хочу ещё.

Встречаю его напор своим, глажу короткие волосы, шею, а потом сама не понимаю в какой момент, он резко от меня отходит. На то, чтобы понять, что происходит у меня ровно секунда... Рядом с кухней раздаются шаги, и в проёме показывается Лусине.

Сердце срывается вниз. Боже, я даже не слышала, как она вошла в дом!

Она успела нас увидеть? Услышать?

— Добрый вечер, — женщина ставит на стул сумку, вонзаясь хватким взглядом сначала в меня, а потом в Давида.

Как и всегда, у меня от неё холодок по спине бежит. Пульс нарастает, потому что я лихорадочно пытаюсь придумать оправдание. Хотя бы какое-то.

Господи. Дышу. Глубоко — глубоко и натягиваю на лицо вежливую улыбку.

— Добрый.

— Здравствуй, мама, — Давиду удаётся держать лицо лучше меня.

Он целует её в щеку, а мать мягко хлопает его по плечу.

— Ну как дела? Я видела уже стену построили, молодцы! Мариам накормила вас?

— Да. Они с Олей пахлаву испекли.

— С Олей? — женщина изумленно округляет глаза, возвращая своё чрезмерное внимание ко мне.

Ох, лучше бы он не говорил. Так и слышу её язвительное «А что так? Ты же доказывала, что готовить уметь не обязательно!». Но, конечно, она этого не произносит, потому что её сын стоит рядом.

— Да. Мариам учила меня, — выдавливаю из себя через силу. — Но мне уже пора идти. До свиданья.

Протискиваюсь мимо неё, надеюсь, что она всё же ничего не видела.

— Я провожу, — слышу за спиной.

И хоть в коридоре мы с Давидом одни, пока я одеваюсь и обуваюсь, а я всё равно чувствую напряжение, доносящееся из кухни. Кажется, словно этот человек может смотреть сквозь стены, поэтому максимум на что я решаюсь, это перед выходом коротко взглянуть на Давида. Он в свою очередь, тянется для того, чтобы открыть дверь, подмигивает и успевает сжать мои пальцы перед тем, как я выскакиваю на улицу.

Жуть. Меня в прямом смысле морозит.

На крыльце сталкиваюсь с Демьяном и Мариам. Она тупит взгляд, а он держится немного подальше. Вероятно, её мать уже успела испортить настроение и им.

Попрощавшись, я отправляюсь домой. Покупаю батон в магазине, и неторопливо бреду по улице. Погода сегодня замечательная. Весна давно разбудила природу. На деревьях колышутся от легкого ветра салатные листья, сквозь которые пробивается оранжевый свет почти закатившегося за горизонт солнца. Даже воздух такой, что его хочется вдыхать глубже, заражаясь теплом.

Около подъезда достаю ключи из сумки, открываю дверь, собираясь зайти внутрь, как её вдруг ловит крупная мужская рука.

От неожиданности ойкаю и отскакиваю. Тот, кому она принадлежит высокомерно скалиться.

— Испугалась, малышка?

Меня передергивает всю, потому что я узнаю его. Гена, кажется так, его называл папа, обсматривает меня склизким взглядом, останавливаясь на неглубоком декольте майки. Тут же запахиваю куртку, вызывая у него еще более неприятную улыбку.

— Не испугалась. Просто неожиданно.

Я видела его несколько раз с отцом. Они неподалеку от дома сидели за столиком и пили. Дома у нас он с того самого раза не появлялся.

— Ну и правильно. Я тебя не обижу, — протягивает руку и пытается взять локон моих волос, но я отступаю.

— Что Вам нужно?

От неприязни и брезгливости воротит. Нет, он не выглядит бомжом, или что-то в этом роде. Пугает сам факт того, что он беспросветно пьет, и ещё смотрит на меня, как на что-то, чего ему очень хочется.

— Скажи бате, что я жду его внизу. Телефон свой в ремонт отдал, не могу ему позвонить. А к Вам меня с некоторых пор не приглашают.

Мне кажется, или его тон звучит обвинительно?

— Ладно.

— Спасибо, — а потом достаёт из кармана шоколадку и протягивает мне, — а это тебе. Кошусь на шоколад, отрицательно мотая головой.

— Не нужно. Я не ем.

— На диете что ли?

— Да.

Пусть будет так.

— Да ну. Ты вон какая ладная вся, худая, куколка настоящая. От одной шоколадки не потолстеешь. А мне приятно будет.

Меня передёргивает. Стараясь, не выдать настоящих эмоций, улыбаюсь и уверенно шагаю к двери.

— Спасибо, съешьте сами!

Не знаю кого благодарить — провидение или соседку с третьего этажа, которая как раз в этот момент выходит из подъезда, но я прошмыгиваю внутрь, успев при этом и с ней поздороваться и буркнуть «До свидания» этому отвратительному человеку.

Испытывая внутреннюю дрожь, вхожу в квартиру. Отца нахожу в зале с бутылкой пива и сидящей рядом Алиской. Открываю рот, чтобы сказать ему о том, что его ждет его дружок, а потом передумываю. Не хочу, чтобы он с ним общался.

— Привет, — здороваюсь с семьёй.

— Ося пришла, — бежит ко мне сестренка, а папа поворачивает голову и кивает.

— Привет, малышка, — целую её в пухлую щечку. — А где мама?

— Хороший вопрос, — с укором выдаёт отец, — Мне тоже интересно куда твоя мать пошла, как только привела ребенка домой.

Не знаю что ему ответить на реплику, поэтому просто разворачиваюсь и ухожу в свою комнату.

— Оль, — доносится криком из зала.

— Что? — отвечаю также повышенным голосом.

— Ты Генку там не видела? За столом не сидел?

Размышляю всего секунду.

— Нет. Никого не было.

— Ладно.

Выдохнув, переодеваюсь и сажусь за историю.

Давид

— Что это она готовить решила научиться? Её же всё устраивало.

Когда закрываю за Олей дверь, мама выходит из кухни.

— Ну, видимо, передумала, — прохожу по коридору к лестнице.

— Поняла просто, что никому она не нужна будет неумёха такая.

Резко оборачиваюсь от толчка злости в груди, но приложив все усилия, гашу её, чтобы не выплеснуть на мать.

— Мам, не суди других.

— Да я и не пытаюсь, — смотрит на меня придирчиво и подходит ближе, — Как там Ани? Я слышала, вы переписываетесь!

Хм. Это что же? О том, что мы иногда перебрасываемся сообщениями в курсе всё семейство?

— Переписываемся. Всё в порядке.

— Девочка уже соскучилась по тебе.

— До лета совсем немного осталось. Я пойду, мам. Мне ещё курсовик писать.

— А потом ты куда?

— С парнями посидим, — разворачиваюсь и начинаю поднимать наверх.

— Сами?

— Да.

Сделав часть задания, переодеваюсь и отправляюсь в бар.

Перед входом набираю Олю, и мы немного болтаем. Хочу к ней рвануть, но она говорит, что ещё зубрит тему, поэтому не дёргаюсь. Она молодец, что старается в учёбе. Потом собирается с Мариам в юридический поступать, и это тоже очень похвально. Оля целеустремлённая, у неё обязательно всё в жизни получится.

Попрощавшись, вхожу в бар и отыскав парней, направляюсь к ним.

Падаю на пустой стул.

— Здорово. Давно сидите?

Взяв бутылку водки, наливаю немного в пустую рюмку.

— Минут двадцать. — отвечает Сашка, — Ты где был?

— Да так. — опрокидываю в себя алкоголь и машинально кривлюсь. Трахею жжет, привкус дерьмовый. Подцепив пальцами лимон, отправляю его в рот. — Лучше б коньяка взяли.

— На что у меня денег хватило, то и взял, — разводит руками друг, а потом опирается локтями на стол и стреляет в меня вопросом: — Слушай, Дав, ты с Олькой мутишь?

Лимон в горле застревает, я машинально напрягаюсь. С усилием протолкнув его в пищевод, утыкаюсь в Битеева взглядом. Врать бессмысленно, раз уж он заметил. И хоть Оля просила никому не говорить, да и я думал придерживаться этого плана, всё же выложить придётся.

Достав из кармана пачку сигарет, выбиваю одну на ладонь и подкуриваю.

— Да. А что? — глубокой затяжкой пропускаю дым в лёгкие.

Боковым зрением замечаю, как Демьян выкатывает на меня глаза.

Знаю, что они думают, но плевать. Если бы мне нужен был совет, я бы обратился к ним.

Сейчас ж всё есть, как есть, и я не жалею.

— Тебе ж уезжать через несколько месяцев, — в интонации Битеева обвинение.

— И что? Это время могу провести с ней.

— А она в курсе, что ты с ней просто время проводишь? — подключается Демьян.

— В курсе. Я не скрываю ничего. Но обсуждать ее с вами не собираюсь.

Эти двое переглядываются между собой, пока я выпускаю серое облако вверх.

— А Мариам знает? — Дем сощуривается.

— Пока нет. Но думаю, Оля скоро расколется. Она любит сестру, долго прятаться не сможет.

— А ты ее любишь?

— Кого?

— Мариам.

— Что за вопрос? — рывкаю, не понимаю при чём тут вообще Мариам.

— Простой вопрос. Если любишь сестру, заметил бы, что ей, как и тебе, хочется хотя бы иногда жить.

Отзеркаливает мои эмоции Дем. В глазах молнии, оцетинился весь.

— О чем ты?

— Завтра ее одноклассники в парк идут, она тоже хочет. Слышал сегодня ее разговор с Ольгой.

Задумываюсь на мгновение. Про парк знаю, Оля говорила. Мы как раз там и собирались встретиться. Но о том, что туда хочет пойти сестра я не в курсе.

— Да? Мне ничего не говорила.

— Предложи отцу поехать с ней.

Всматриваюсь в друга, пытаюсь понять на кой черт ему это. Знаю, что его бесит иногда то, что сестру дома держат, но зачем так откровенно лезть?

— А в чем наезд, я не пойму?

— Никакого наезда. Просто слышал, как она говорила, что пойти хочет, но боится, что не пустят. Думаю, если ты предложишь ее сопровождать, ваш отец будет не против. Олька тоже там будет.

Ну, в принципе, он прав. Мари и так постоянно сидит в четырёх стенах, думаю проблемой не будет вытащить её куда-то. И Оля будет рада.

— Да можно, почему бы и нет.

Удовлетворенно кивнув, и словно даже расслабившись, Демьян наполняет все три рюмки водкой. Ударившись ими, мы выпиваем алкоголь и переходим на другие темы. Я периодически проверяю мобильный на предмет пропущенных, но их нет. Учится моя девочка.

Знаю, что нужно держать мысли в узде, но не получается. Каждый день позволяю эмоциям брать верх надо мной и думать об Оле чаще, чем это положено.

— Смотрите, кого я к нам привел!

Улыбаясь чеширской улыбкой, Саня подталкивает к столу трёх девчонок. Мысленно закатываю глаза. Сам же спрашивал про Олю, и привёл этих. Нет, девчонки вроде что надо. Высокие, привлекательные, в коротких платьях. Всё, как должно быть для знакомства в клубе, но мне это не нужно.

Представившись, они садятся рядом с нами. Блондинка Аня улыгнувшись мне, предлагает выпить за знакомство. Выпить я не против, но сразу ставлю в известность о том,

что знакомство развития иметь не будет. В отличии от меня, Демьян и Сашка своих девчонок не отшивают.

Я же, потусовавшись ещё немного, прощаюсь с ними и вызываю такси. Начинает клонить в сон от выпитого алкоголя, а завтра ещё дохрена всего в универе сдавать.

Пока жду, решаю написать Оле. Время почти одиннадцать, может ещё не спит.

«Выучила всё?»

Сообщение прочитано сразу. Не спит!

Не дожидаясь её ответа, набираю заученный наизусть номер.

— Алло, — слышу, как улыбается, и от этого теплеет в груди.

— Привет.

— Привет.

— Да, выучила. погоди минутку. Оля, я тогда пойду, — мужской голос на заднем фоне мгновенно натягивает струны внутри меня. — Ага, пока. — Слышится чмок, а потом снова улыбающийся голос, — Прости, с Мишей просталась.

Внутри меня всё в цунами обращается.

— Не понял. Ты не дома что ли?

— Нет. В магазин ходила.

— В одиннадцать вечера? — И тут я догоняю, — Отец послал?

Мгновенная запинка с её стороны кипятит меня. Вот же урод!

— Да. За пивом. Но тут близко. В магазине я с Мишей столкнулась, вот он меня домой и провёл. А ты как?

Как я? Убивать хочу, вот как я!

На парковку в этот момент въезжает машина с шашечками на крыше, и я, подойдя к ней, ныряю внутрь. Прикрыв трубку рукой, диктую Олькин адрес.

— Нормально. Выйди через десять минут, я подъеду.

— Правда?

От того, как она радостно вскрикивает, моя злость слегка гасится, но не до конца.

— Да.

Скинув вызов, откидываюсь на сидении, и стараюсь успокоить внутренний ураган. Ногой нервно стучу по резиновой подкладке, пальцами тарабаню по колену.

Значит, её папаша снова бухает. А Миша... Блядь, меня бесит этот Миша. И поцелуй их в щеки тоже бесят. И то, что он домой её провожает. Вечно он крутится рядом. Умом понимаю, что она к нему как к другу относится, но один факт того, что он с ней всю жизнь и так останется и дальше меня подрывает.

Когда приезжаю, Оля как раз выходит из подъезда.

Тут же врзается в меня и обняв руками за шею, прижимается горячими губами к моим. Как же я обожаю её проявление эмоций. Без жеманности, без лишних мыслей так открыто льнет ко мне, не боясь показать, что соскучилась.

Так и не обуздав ревность и злость, сгребая её в охапку. Языком толкаюсь во влажный рот. Беру. Беру всё, что она мне даёт. В пах тут же устремляется вся кровь, раскочегаривая меня ещё сильнее. Один Бог знает чего мне стоит всегда держаться в рамках дозволенного с ней. Попросить её стать моей во всех смыслах мне не позволит совесть, хотя я одуреть как хочу эту девочку.

— Почему ты приехал? — оторвавшись от меня, смотрит прямо в глаза.

Не могу отпустить сейчас, потому что только так звери внутри меня забиваются по

клеткам.

— Подумал раз уж ты закончила учиться, то можно тебя ненадолго украсть из дома.

Ослепив меня улыбкой, Оля касается губами моей скулы. Едва не вою от удовольствия.

— Правильно подумал. Я не хотела тебя отвлекать, думала ты с ребятами общаешься.

— Они нашли себе девчонок, — запускаю пальцы ей в волосы, и чувствую, как Оля напрягается.

— А ты? — застывает в моих руках.

Смешная такая.

— А я здесь.

Оттаяв, устремляет на меня взгляд и целует теперь уже подбородок.

— Ты не говорила, что твой отец снова пьёт, — провожу большим пальцем по её щеке.

— Он не часто. И в основном только пиво. Домой никого не водит, поэтому всё нормально, — взяв меня за руку, тянет на скамейку около подъезда.

Я сажусь, а она опускается ко мне на колени.

— Это ненормально, Оль, — обнимаю тонкую талию, а сам носом провожу по её шее.

С ума схожу от её запаха. Все рецепторы как красные лампочки в организме пищать начинают. Прижимаюсь губами к мягкой коже, Оля откидывает в сторону голову и шумно дышит.

— Всё в порядке, правда. Не переживай. Я и сама хотела пройтись после такого количества исторических фактов.

Отстраняюсь, чувствуя, как снова начинаю злиться.

— Ночью! Одна! В магазин, где куча алкашей!

— Ну всё хорошо же. Миша меня провёл.

Снова этот Миша!

— Давай договоримся, что больше ты поздно не ходишь. А если отец заставит, значит звонишь мне и я разберусь.

— Не надо, — тут же испуганно вонзается в меня взглядом, — Пожалуйста, Давид. Сейчас всё относительно нормально. Я не хочу, чтобы его опять что-то стриггерило. Если будет хуже, я скажу тебе.

— Обещай!

— Обещаю! И ты пообещай!

Меня не отпускает, но ради неё я это делаю. А потом подталкиваю к себе её лицо и нахожу губы. Глажу их своими, успокаиваясь. Прикусываю, запускаю в рот язык. Хочу съесть, настолько вкусная! Нереальная. Пока ещё моя...

Оля

— Привет, девчонки!

Давид в зеркале заднего вида наблюдает за тем, как мы с Мариам забираемся на заднее сиденье машины.

— Привет, — улыбается Мари.

— Привет, — сажусь позади него я, и Дав тут же протягивает назад руку, чтобы погладить меня по колену.

Этот жест не остаётся незамеченным его сестрой, но с некоторых пор она в курсе наших отношений, поэтому Мари никак это не комментирует. Она пока привыкает.

Я призналась ей пару дней назад. Боялась жутко. У меня буквально тряслись колени, но скрывать от неё больше я не могла. Чувствовала себя лгуньей и предательницей. Поэтому выложила всё подчистую, но вместо ожидаемого удивления и урагана эмоций, Мари тихо сказала «Я почему-то так и думала». Оказывается, она что-то подозревала ещё с того дня, как Давид защитил меня перед её матерью, а потом поехал за мной следом, но не решалась спросить.

Конечно, оставить этот факт без упоминания об Ани и их будущей свадьбы она не смогла, но я рада, что в итоге она приняла всё, как есть, и не разорвала со мной дружбы.

— Ну что, погнали? — спрашивает Дав, выезжая с парковки дома молодежи.

Сегодня у нас запланирована ночевка в доме Даниелянов. Мариам вчера пригласила, а я не смогла отказаться. Хватаюсь за любой повод, чтобы побыть с Давидом вместе.

Мы приезжаем около восьми и почти сразу следом за нами подтягиваются Саша с Демьяном. Тигран и Лусине сегодня в гостях, поэтому мы без зазрения совести оккупируем гостиную, усевшись прямо на полу.

— Ну что, в картишки? — заговорщицки трет ладони Битеев.

— А давайте.

— На раздевание?

— Саня, в зубы дам, — вручает ему колоду Давид и опускается рядом со мной.

— А чё сразу в зубы? Пошутить нельзя?

— Нельзя!

— Ну, раздеваться можем мы, а девчонки посмотрят, — хитро подмигнув нам, бедный тут же стонет от толчка ему в ребра, прилетевшего от Демьяна.

Мы с Мари смеёмся, а Дав как бы невзначай кладёт ладонь мне на колено и гладит его, при этом смотря в свои карты. Иногда мне кажется, что он, как и я, не в состоянии контролировать желание прикоснуться ко мне. И это чертовски приятно — знать, что ему мало меня.

Парни пьют пиво и грызут чипсы, пока мы играем первую партию. Выигрывает её Саша. Зато следующую — я, и снова я. И эту партию я тоже почти завершаю под откровенное негодование парней. Осталось всего пара ходов.

Мари видит то, чего не замечают ворчащие ребята, и тихо посмеивается.

Дав, заметив её смешки, тут же внимательно ввинчивается в меня взглядом, а потом резко достаёт из моего рукава пару карт.

— Она мухлюет, — взрывается обвинительно Саня, а я со смехом подскакиваю с места.

— А ну, иди сюда, — сощуриив свои карие глаза, Дав медленно поднимается следом.

— Неа, — мотаю головой, — вы такие смешные, когда не можете выиграть, — отступаю назад, пока он надвигается на меня, — ворчите, нервничаете. Ну такие пупсики!

Взвизгнув, выбегаю из зала, потому что на этих словах Давид резко дергается вперед, грозясь поймать меня, и несусь по коридору.

— Я же поймаю, — доносится прямо из-за спины, когда я бегу вверх по ступеням.

— Не получится!

Но у Давида получается. Поймав меня прямо посреди лестницы, и зажав руками, он накрывает мои губы своими.

— Ах ты аферистка маленькая, — хохотнув, глубоко целует.

— Не вам же всё время выигрывать! — обнимаю его за шею и с готовностью встречаю движения его языка.

— Неважно каким способом?

— Неа!

Остаток вечера мы играем уже честно. Родители Мариам и Дава приходят около десяти, и парни тут же собираются на выход. Проведя их, мы с Мари прибираем в зале, а потом пожелав всем спокойной ночи, уходим в комнату.

Благо, что ванная комната у них на втором этаже. Лишний раз не придется пересекаться с Лусине. Она сегодня странно на меня смотрела, когда мы приносили на кухню тарелки.

Я беру свою пижаму и наспех принимаю душ, чтобы не создавать очередь, а когда выхожу, сталкиваюсь лицом к лицу с Давидом.

— Придешь ко мне? — шепчет он, нависая сверху и не давая пройти.

Широко улыбаюсь, чувствуя, как к щекам приливает краска.

— Да. Только пусть Мари уснет сначала.

— Окей. Буду ждать, — проведя большим пальцем по моему подбородку, он легко касается моих губ своими и только после этого отходит в сторону.

Прикусывая губу, залетаю в спальню Мариам. Сердце прыгает, как на батуте. Не улыбаться не получается вообще.

— Оль, ты светишься, как новогодняя ёлка.

Теперь я знаю как выглядит улыбка с грустинкой. Именно такой она меня обдаёт за последние дни.

— По-другому не могу, — прохожу и сажусь на диван, который мне всегда выделяют для сна.

— Понимаю, — опускает взгляд на свои руки, сложенные на коленях, — и завидую тебе. Давид так смотрит на тебя... я не помню, чтобы он хотя бы раз так на кого-то смотрел. Даже на Ани, — у меня в груди ёкает, — а Демьян на меня нет.

— Ты ошибаешься, Мари. Я видела его взгляд, там совсем не безразличие.

— Сомневаюсь. Я вообще не понимаю ничего. Иногда мне кажется, что и правда он ко мне что-то чувствует, а потом всё меняется и это ощущение исчезает.

Я не знаю, что ей сказать и как поддержать. Ведь я сама согласилась на такой формат отношений, как у нас с Давидом. А Демьян... даже если ему и нравится Мариам, он не пойдёт на это и не попросит её, потому что Мариам — это не Давид. Ему в отличии от сестры позволено намного больше.

Подхожу к подруге и крепко её обнимаю. Она тут же обнимает в ответ и мы просто сидим, позволяя друг другу молчаливо поделиться своими страхами и грустью.

Когда Мари засыпает, я осторожно выбираюсь из её комнаты и тихо ступая по ковру, подхожу к спальне Давида. Опустив ручку, вхожу внутрь.

В его комнате темно, и на мгновение мне кажется, что он спит. Улыбнувшись, уже разворачиваюсь, чтобы уйти, когда слышу:

— Далеко собралась?

Сердце от радости взлетает, и я резко оборачиваюсь.

— Ты не спишь?

— Нет, конечно. Я же сказал, что буду ждать. Иди сюда.

Меня скручивает от понимания, что мы снова в его комнате. Как в ту самую ночь, когда между нами всё изменилось.

Подхожу к кровати и забираюсь под одеяло. Ложусь на бок, лицом к нему и Давид проделывает тоже самое. В темноте не видно его глаз, но я чувствую затяжной взгляд, обжигающий мои губы.

Дав накрывает мою талию и подтягивает к себе, вынуждая уткнуться носом в его грудь.

Мне тут же бьёт в голову аромат его геля для душа. Горячее тело, прижатое ко мне полностью, вызывает мурашки. На Давиде из одежды только трусы, судя по тому, что я чувствую его голую кожу ног и торса.

— Далеко так улеглась. Боишься? — горячее дыхание обдаёт мой висок.

В горле пересыхает, а пульс грозит вырвать вены.

— Нет, просто... мы же не будем...? — обрываюсь на половине фразы, не в состоянии её произнести до конца, а потом чувствую как Давид улыбается.

— Нет, Оль. Я тебя не для этого позвал, — его большой палец пробегается по кромке моей майки, и соприкасается с кожей.

Я мгновенно вспыхиваю, с облегчением позволяя себе прикоснуться к его груди. Боже... это впервые я так трогаю его. Без барьера из рубашки или свитера. Кожу покалывает мелкими иголочками, которые пропускают через себя эйфорию. Мужская кожа упругая, гладкая, с редкими жесткими волосками. Мне до безумия нравится.

Поднимаю взгляд и тянусь к любимым губам. Давид переносит руку мне на затылок и запускает в волосы пальцы. Пропускает сквозь них локоны, рождая из недр моего организма рой обезумевших мурашек, а потом нежно целует меня. Не углубляя поцелуй, просто водит своими губами по моим, а я горю заживо от этой невинной ласки.

Прижимаюсь к нему крепче, и чувствую, как он обняв меня двумя руками, укладывает сверху на себя. Я слегка поднимаю голову, наконец видя его серьезные глаза. Пробирает, Боже, как его взгляд пробирает. Кончиками пальцев обвожу красивые губы, а Дав в этот момент прикрывает глаза.

— Мне кажется, я тебя... — шепчу, не в состоянии оторваться от него.

— Не надо, — перерывает меня, открыв глаза, — мы договаривались, Оль.

В горле вырастает клубок, режущий и острый, словно сделанный из колючей проволоки, но я согласно киваю. Договоривались, да...

Я помню. Никаких обещаний и признаний. Вот только они рвутся изнутри, будто я чайник, а все мои чувства кипятки, готовый выплеснуться наружу при малейшей возможности.

Давид несколько секунд задумчиво смотрит на меня, а потом снова укладывает рядом и обнимает. Настолько крепко, что я не могу вдоха сделать. Чувствую тяжелое биение его сердца и смаргиваю выступившие слезы.

Обхватываю его рукой, и прижимаюсь так сильно, как только могу. Не плачу. Я не плачу. У нас ещё есть время побыть вместе.

Оля

— Я всё равно не понимаю какое я имею отношение к вашему семейному ужину.

Бурчу, когда Мариам открывает ворота, пропуская меня первой.

— Ну, может мама таким образом решила реабилитироваться перед тобой за тот раз, — пожимает плечами, но я-то вижу, что она тоже озадачена.

Лусине до этого ни разу меня не то, чтобы не приглашала, а старалась выпроводить быстрее, если была такая возможность, а тут буквально в ультимативной форме сказала Мариам, чтобы она меня сегодня привела на ужин. Мол, устроим праздник в честь окончания одиннадцатого класса. Последний звонок у нас уже прошёл, сейчас мы сдаём экзамены, рано праздновать, как по мне, но не спорить же с этой женщиной.

— Не бойся, всё будет хорошо, — ободряюще толкает меня в плечо подруга, пока мы подходим к дому и входим внутрь.

Душистый пряный запах мяса и салатов тут же проникает в ноздри, вызывая громкое урчание живота, отчего Мари хихикает.

— Видишь, твой организм и сам не против вкусно покушать.

Это да. Особенно если учесть, что дома с некоторых пор готовить приходится мне, потому что мама считай перестала с нами жить. Отвезла Алису к бабушке, и меня тоже хотела к ней отправить, но я отказалась. Слишком далеко добираться до школы, и ... до Давида. Лучше я этих пол часа, потраченные на дорогу, с ним проведу. Да и отца почти не бывает. Я чаще вижу его за столом во дворе. Вчера правда снова не передала ему просьбу его дружбана Гены спуститься и разделить с ним бутылку. Тот опять поймал меня у подъезда и пытался дать денег на «сладенькое». Это уже в четвертый раз. Все прошлые проходили в том же формате, что и наша первая встреча. Мужчина пытался дотронуться до меня под любым предлогом. Вчера даже спортивную куртку мне потянулся застегивать, мол простужусь (и это летом), пришлось в грубой форме оттолкнуть его руки, что кажется, его сильно разозлило, я не поняла точно, потому что сбежала домой. Потом папа ушёл таки сам, и весь вечер провел с этим пьяницей, от которого у меня ледяная дрожь каждый раз на спине выступает.

Я серьезно подумываю над тем, чтобы купить перцовый баллончик. Не нравится мне его навязчивость и жутко пугает.

— Привет, — голос Давида отрывает от размышлений, а я, разувшись, улыбаюсь ему.

— Привет.

— Пришли? — из кухни показывается Лусинэ, — Отлично, а у нас как раз всё готово! Мойте руки и приходите.

Когда мы с Мари проходим мимо зала, то я замечаю по центру большой пышно накрытый стол. Удивленно смотрю на подругу.

— А почему в зале?

— Не знаю. Вроде нам места всегда хватало на кухне.

Поразмышлять над странной ситуацией мне не даёт Давид. Поймав меня у входа в ванную, нетерпеливо целует. Я тихо смеюсь, легко ударяя его по рукам.

— С ума сошел! Если твои родители увидят, меня за шкуру отсюда выбросят, как лишайного котёнка.

Давид тоже улыбается, но руки так убирает. Засовывает их в карманы и отступает на шаг.

— Прости. Видеть тебя и не трогать — это сложнее, чем я мог когда-либо представить.

Мари укоризненно качает головой, но умиленную улыбку спрятать не старается.

Ну и как теперь высидеть несколько часов, когда он рядом? Похныкав тихонько про себя, мою руки и отправляюсь за ребятами в зал.

— Садитесь, — указывает рукой на свободные места Тигран Арманович, — Оль, как дела твои?

— Спасибо, всё хорошо. А у Вас? Как новое меню?

— Вроде хорошо, — удовлетворенно кивает мужчина, — От кое-чего нам пришлось отказаться, потому что мало заказывали, но по большей части меню зашло постоянным посетителям.

— Ох, не знаю от чего Вам пришлось отказываться, какие-то неправильные посетители. Ничего они не понимают во вкусной еде.

Отец Мариам смеётся, а его жена, недовольно поджав губы, накладывает ему мясо.

Перевожу взгляд на Давида, сидящего во главе стола, напротив отца. Он незаметно подмигивает мне, молчаливо подбадривая меня и показывая, что я молодец.

Мы с Мариам сидим рядом, напротив Лусинэ. За столом еще столько места, что можно было бы еще нескольких гостей пригласить, честное слово.

— Ну что, за окончание одиннадцатого класса? — поднимает бокал с вином Тигран Арманович. — Вы умницы девочки, еще немного и всё, привет, взрослая жизнь!

Мы с Мари переглядываемся и ударяемся нашими бокалами, наполненными соком.

Дав присоединяется к отцу, Лусинэ же ... улыбается. Кажется, я впервые вижу её по-настоящему улыбающейся. Даже не по себе становится от этого. Пока мы пьем, отвлекается на экран мобильного телефона, что-то пишет, а потом возвращает внимание на нас.

— Кушайте-кушайте! Я старалась! Столько всего приготовила. Вкусно, Оль?

Кусочек тушеного баклажана застряв в горле, с трудом проталкивается внутрь, потому что я не привыкла, чтобы эта женщина интересовалась тем, что мне нравится, а что нет.

— Да, спасибо, — киваю, остерегаясь даже смотреть на неё лишний раз, но все же поднимаю глаза. — У Вас не бывает не вкусно.

— Ой, льстишь! — отмахнувшись, она смеётся, как мне кажется, наигранно, но никто этого не замечает.

Наверное, накручиваю себя. Может, у человека в кои-то веки хорошее настроение, а я ищу подвох.

Всё и в правду, оказывается очень вкусным. Мясо тает во рту, картошка тоже, правильно подобранные специи придают блюдам необходимой пикантности и особенности. Я даже расслабляюсь, слушая разговоры Давида и его отца.

— Ты бы видела, как Мариам боялась в первый класс идти, — с отцовским трепетом смотрит на дочь Тигран Арманович.

— Правда? — перевожу взгляд на улыбающуюся Мариам.

— Да. Вцепилась в Давида руками и не отпускала.

— Пришлось её в класс вести и весь первый урок с ней за партой сидеть, — усмехается Дав, — а потом прятаться по школе, чтобы она меня не нашла.

— Бессовестный, — беззлобно корит его сестра.

— Ну, а как? Ты же приходила ко мне на каждой перемене вместо того, чтобы с детьми

знакомиться. Пришлось помогать тебе социализироваться единственным возможным способом.

Мари сощурившись, показывает ему язык, а у меня так тепло внутри от всей этой сцены. Я уже и не помню, когда мы вот так с родителями и Алиской вместе ужинали. Так давно это было, словно и не происходило вообще.

Они рассказывают о их школе в Ереване, о том, как они летом большой компанией ходили на речку. Делятся крошечными кусочками своей жизни, позволяя мне хотя бы так стать их частью. Замечаю, с какой любовью отец семейства смотрит на своих детей. Откинувшись на стуле, внимательно слушает их. В глазах гордость, направленная на Давида, и неприкрытая щемящая нежность к дочери.

Я бы тоже хотела, чтобы мой папа так на меня смотрел.

Испытав укол обиды, опускаю взгляд вниз, когда в дверь вдруг раздаётся звонок.

— Приехали? — вопросительно поднимает бровь хозяин дома, не выглядя удивленным.

Лусинэ, тут же вскочив на ноги, активно кивает.

— Да.

— Кто приехал? — интересуется Мари, переводя взгляд на Давида, — это Демьян с Сашей?

Тот отрицательно мотает головой.

— Мы кого-то ждём? — спрашивает отца.

Тигран Арманович встаёт и направляется следом за женой.

— Да. Сюрприз решили вам устроить, — подмигнув, скрывается в коридоре.

Мы все втроём переглядываемся, а спустя несколько секунд в коридоре раздаются оживленные голоса.

Я точно не знаю кто это, потому что говорят они на армянском, но Мариам отчего-то роняет вилку. Та, звонко ударившись о тарелку, заставляет меня вздрогнуть.

Перевожу на неё взгляд и вижу, как ее глаза в ужасе расширяются. Давид тоже застывает. Превращается в каменное изваяние, так и застыв с вилкой в одной руке и ножом в другой.

— Вы проходите-проходите, — суетливо тараторит Лусинэ, сияя, как никогда прежде. — Мы вас заждались. Долго же вы добирались с вокзала.

Протолкнув в зал мужчину с женщиной, следом за ними подталкивает молодую девушку.

— Ани, входи. Давид, встретишь невесту-то?

Я обмираю.

Оля

Комната превращается в смазанный фон, начиная кружиться и вызывать тошноту. Желудок скручивает, подтягивая ближе к ребрам.

Мой взгляд насмерть прикован к красивой темноволосой девушке, смущенно обводящей всех взглядом.

На ней скромное темно-бордовое платье до колен, с рукавами в три четверти и стоячим воротничком под шею. На лице ни грамма косметики, но ей она и не нужна. Темно-карие глаза обрамляют пышные ресницы, брови широкие, но аккуратные, губы полные и нежно розовые. Куколка... самая настоящая куколка.

Мне в грудь словно пуля прилетает, раскрошив ребра на мелкие осколки. Те медленно разлетаются в стороны, вонзаясь острыми краями в сердце и мягкие ткани. Больно так, что ни вдоха сделать, ни выдоха.

Ничего не соображаю. Мозг отключился, перестав функционировать, и будто вошел в кому. Смотрю на то, как Давид, стиснув челюсти, медленно встаёт и оборачивается.

— Здравствуй, — хриплый голос как еще один выстрел.

— Привет, — а её розовеющие щеки и взгляд в пол, как лезвие под ребра.

— Ани, дядя Артуш, тётя Гаянэ, — спохватившись, Мариам вскакивает со стула и быстро подходит к ним.

С ходу попадает в тёплые объятия, и целуется с ними в щеки.

— Здравствуй, Мариам, дочка, — здоровается мужчина, смотря на неё, как на родную, а потом точно также здоровается с Давидом.

— Вы как здесь?

— Да на похороны едем к дяде Вазгену, а Лусинэ предложила и к Вам в гости заехать.

— Мы подумали почему бы и нет, — поддерживает его женщина, — Посмотрим, как вы тут живете. Да и Ани по Давиду соскучилась.

Мари спешно оборачивается на меня, а я сижу не шевелясь. Меня парализовало, все функции сбились, работая на автопилоте.

Чувствую, как холодеют руки, и этот холод стремительно охватывает каждую клеточку, грозясь убить меня обморожением.

Мало ему пуль и лезвия....

— Ну вы садитесь-садитесь, — подталкивает гостей к столу Лусинэ, — Мариам, помоги мне с тарелками.

Так вот значит для чего был этот роскошный стол. Не для того, чтобы отметить последний звонок. Лусинэ ждала дорогих гостей, а детям они не стали говорить, потому что хотели порадовать приездом будущих членов семьи...

Опускаю глаза в стол, чувствуя, как надрывно работает сердце. Взгляд Давида кожей ощущаю, пристальный, тяжелый, но посмотреть на него не могу.

— Так, вот тарелки, а вот стулья. Садитесь. — командует Лусинэ. — Артуш, Гаянэ, вы сюда, а ты Ани к Давиду поближе.

Каждое её слово втыкается в меня подобно иголкам в куклу Вуду.

Мариам садится рядом со мной, опускает под стол руку и крепко сжимает мои пальцы.

— Оля... — шепчет взволнованно.

— Всё нормально, — выдавливаю сипло, пялясь в одну и ту же точку на скатерти.

— А это твоя подруга, Мариам? — участливо интересуется незнакомая мне женщина, вынуждая меня через силу поднять на неё взгляд.

— Да, это Оля. Моя самая лучшая подруга, — обнимает меня за плечи Мари, стиснув крепко-крепко, будто пытаюсь таким образом дать мне сил.

— Очень приятно, — мать невесты Давида улыбается, и я тоже.

Натянуто, как могу.

— Мне тоже.

— А это Ани, — продолжает она, — вы же не знакомы ещё?

Удар сердца, пропуск... снова удар. Оно бедное скукоживается и едва находит в себе сил качать кровь.

Поворачиваю голову в сторону её дочери.

Ани вежливо улыбается, смотря на меня открытым взглядом. С интересом рассматривает, даже не подозревая, что ещё сегодня утром мы с её будущим мужем целовались у него в машине несколько часов подряд.

— Привет.

Ответить не получается. Слова застревают в горле, не в состоянии превратиться в членораздельные звуки. Только отрывисто кивнуть и снова уткнуться в скатерть.

— Ну что? За встречу? — поднимает рюмку с коньяком Тигран Арманович, — пусть повод ваш сюда приехать печальный, но все же вы здесь.

— Да. Жаль Вазгена, но он сам себя сгубил пристрастием к водке, — с легкой грустью отвечает другой мужчина, а потом все выпивают.

Я же хочу убежать отсюда. Мне кажется, что стул подо мной горит и этот огонь перебрасывается на меня. Меня бросает то в холод, то в жар пока они все разговаривают. Мари не отпускает мою руку. Поддерживает, или боится, что я что-то скажу или выдам как-то нас с Давидом?

Глупенькая. Я этого не сделаю. Ни за что в жизни так его не подставлю.

Обхватываю дрожащими пальцами стакан и делаю несколько глотков сока. Пара капель стекает по подбородку, неуклюже хватаю салфетку и стираю их.

— Ну что, Ани, ты платье-то выбрала уже свадебное?

Вовремя успеваю поставить стакан на место, иначе позорно уронила бы его. Натягиваюсь струной, борясь с желанием заткнуть уши и не слышать ничего. Ребра начинают вибрировать от мощнейшего напряжения, сердце отчаянно пытается вырваться наружу.

— Вообще, я думала пошить, — смущенно доносится справа.

— Что значит пошить? — возмущенно разводит руками Лусинэ, — Ты не успеешь. Свадьба в августе, а уже июнь. Да и зачем шить? Мы оплатим покупку. Правда, Давид?

Секундная заминка и последний гвоздь в мой гроб.

— Да, — следует стальным тоном.

Поднимаю на него взгляд и едва с ума не схожу. В его глазах боль... Такая сильная, что я чувствую её также, как свою. Боль, вина, сожаление. Начинаю захлебываться в его эмоциях, которые топят меня наравне с моими собственными.

Легкие захлопываются, наглотавшись их, как воды в безжалостном океане и теперь тянут меня ко дну.

— Позвони мне, — шепчу отчаянно Мариам.

— Что? — подруга непонимающе хмурит брови.

Беру незаметно её мобильный со стола и просовываю его ей в ладони.

— Позвони мне сейчас!

Она разблокирует его и найдя мой контакт, нажимает на зеленую трубку. Из моей сумки начинает доноситься спасительная мелодия.

Извинившись, на непослушных ногах отправляюсь в коридор, сбрасываю вызов, делая вид, что отвечаю на него. Несколько секунд молчу, а потом бросив «Да, хорошо», возвращаюсь в зал.

— Извините, но мне придется уйти. Позвонила мама, — проговариваю максимально ровно.

Несколько пар глаз поворачиваются в мою сторону. Давид тоже оборачивается, но я не в силах встретаться с ним взглядом.

— Так быстро? — удивляется Тигран Арманович. — Может хотя бы десерт с собой возьмешь?

— Нет, спасибо. Благодарю вас, что позвали. Была рада знакомству, — метнув взгляд в гостей, на автомате улыбаюсь. — Хорошего вам вечера!

Звучу как робот, а перед тем, как развернуться, замечаю высокомерный взгляд Лусинэ и её скрытую улыбку, ощущающуюся почему-то, как укус ядовитой змеи.

— До свидания, Оля.

Пока обуваюсь, из зала выходит Мари.

— Ольчик, Господи, мне так жаль, — шепчет отрывисто, глядя меня по спине.

Чертовы застёжки никак не хотят застегиваться, в глазах плывёт, подбородок дрожит. Ещё чуть-чуть и меня прорвёт.

— Я позвоню тебе, хорошо? — шепчет она, когда я наконец справляюсь с босоножками. — Пожалуйста, только подними трубку, Оль! — киваю, смахивая выступившие слезы и нетерпеливо дожидаясь, пока она откроет, — Оль, пожалуйста!

— Пока, Мари.

Протиснувшись мимо неё, выбегаю на улицу.

К моему удивлению, ожидаемой истерики у меня не случается. Пока еду на автобусе домой, только несколько слезинок скатываются по щекам. Основная буря уничтожает меня изнутри. Мрачная, беспощадная, губительная. Она развернулась и крошит меня на мелкие песчинки, вынуждая трястись и молиться, чтобы только сердце не остановилось прямо здесь, в общественном транспорте.

Выхожу из автобуса, бреду по улице, обхватив себя руками и смотря под ноги. Врезаюсь, в какого-то прохожего. Не замечая его нелестных выкриков в спину, бросаю «Извините» и иду дальше. Хочу домой, лечь на кровать и умереть там, наедине с самой собой.

Подхожу к дому, вхожу в подъезд, поднимаюсь по ступеням, услышав, как кто-то из соседей идет следом.

Жму на кнопку, утыкаясь глазами в пол. Сосед тормозит за моей спиной. С абсолютно пустой головой жду, пока приедет лифт. Мне холодно. Так сильно, как не было ещё никогда. Я натурально дрожу.

Когда двери кабины разъезжаются, вхожу внутрь, а после того, как мужчина делает тоже самое жму на кнопку своего этажа. Только после того, как мы начинаем движение, понимаю, что сосед не нажал на кнопку.

В этот же момент сильнейший запах перегара заставляет меня поморщиться. Отрываю глаза от пола, скольжу по знакомым черным штанам, потертым на бедрах, и машинально делаю шаг назад.

— Привет, малышка.

Пьяно произносит Геннадий, проводя кончиком языка по своим верхним зубам, и утыкаясь при этом глазами мне в шею.

От отвращения меня передергивает.

— Здравствуйте.

— Я к отцу твоему.

Молча приклеиваюсь взглядом к грязному пятну на двери лифта и подгоняю кабину ехать быстрее. В его компании мне не то, что не по себе. Все внутренние сигналы организма снова включаются и вопят сиреной об опасности.

Едва двери разъезжаются, я вываливаюсь на этаж, стараясь как можно быстрее отыскать ключ и открыть квартиру. Гена нетерпеливо топчется рядом и всё время оборачивается по сторонам.

Сколько же можно пить, Господи? Он уже совсем неадекватный стал и отца за собой тянет на дно.

Справившись с замком, вхожу внутрь.

— Я позову папу, — бросаю, силясь закрыть дверь, но мужчина дергает ручку на себя и входит следом.

Я торопливо отступаю назад, чтобы избежать любого контакта с ним.

— Зови, — закрыв дверь, опирается на стену, беспардонно бегая поплывшими глазами по моим ногам, груди, плечам и на дольше застывая в вырезе футболки.

— Пап, — кричу, скинув обувь и спешно иду в зал.

Пусть забирает его и уходит! У меня спина вся горит и ягодицы, потому что этот

отвратительный человек смотрит. Хочется закрыться скорее в спальне.

— Папа! — в панике понимаю, что зал пустой, и на мой зов никто не отзывается. Оборачиваюсь, а Гена уже идет в развалку в мою сторону. Одна рука заложена в карман, другой потирает подбородок, а глаза такие в этот момент, что мое сердце в ужасе падает вниз, — Паааап!

Кричу истерически, встречаясь взглядами с приближающимся извращенцем.

— Папы нет дома, — с большим удовлетворением произносит он.

Грудь начинает ходуном ходить, в горле жжет, на спине выступает ледяной пот. Он знал... Он знал, что его нет!

— Уходите, — сжимаю кулаки, чувствуя, как кровь отхлынивает от лица.

— Не хочу, — пьяные глаза сужаются, когда он становится в проходе, закрывая мне возможность выбежать из зала, — Я думал, ты хорошая девочка, Оля. Послушная. А ты, сучка, несколько раз заставляла меня на улице топтаться, дожидаясь твоего горе-папашу. — мечусь взглядом по залу, пытаюсь найти хотя бы какой-то предмет, чтобы если что отбиваться, но как на зло, ничего нет. Даже пустых бутылок, которых обычно здесь валом, — Я тебе шоколадки покупал, думал приятно сделать сладенькой девочке.

Во рту собирается слюна и хочется плюнуть этому психу в лицо.

— Я вам не сладенькая девочка, — цежу, во все глаза смотря на него, чтобы не пропустить ничего. Дышу часто, ноги едва держат. Напряжение граничит с невыносимым, — Уйдите, пожалуйста.

Но вместо того, чтобы сделать как я прошу, он гадко усмехается.

— А вот мы и проверим какая ты!

Резко оттолкнувшись от дверного косяка, пошатнувшись, ступает в мою сторону, а я дергаюсь назад. Бросаюсь к двери в спальню Алисы, но не успеваю сделать и шага, как меня обхватывают огромные руки и бросают на папин диван.

— Нет! — взвизгиваю истошно, пытаюсь встать, но он рывком переворачивает меня на спину и вторгается мне между ног. Запах перегара и грязи вызывает рвотные позывы. В груди колит, сердце бахает, горло словно сжимает невидимая рука. — Не надо!

Начинаю бить убудка по плечам, но он реагирует неадекватно. Заплывшие глаза вспыхивают блеском, словно ему доставляет удовольствие видеть, как я брыкаюсь. Создается впечатление, его это заводит ещё сильнее.

Удерживая мои ладони рукой, он вдруг достаёт из правого кармана нож и приставляет его к моему лицу.

— Заткнись, мелкая, — цедит, приближая ко мне мерзкое лицо, — Мы всё сделаем тихо, и никто ничего не узнает. Запомнила?

Перед глазами идут цветные пятна, голова кружится, подступивший к горлу ком вызывает спазм.

— Пожалуйста, не надо, — шепчу, смотря в его горящие возбуждением глаза. — Я никому ничего не скажу, только не делайте этого.

— Не могу, — шепчет, приближаясь еще ближе ко мне. Его нижняя, покрытая трещинами губа, дрожит от нетерпения, ноздри раздуваются, — Не могу, сладкая. Я так давно хотел тебя, что нет сил больше.

Боже, только не это!

Чувствую, как по щеке стекает слеза, всхлипываю, вдавливаясь затылком в обивку дивана, чтобы оттянуть момент, когда его противные губы прикоснутся ко мне, и в этот

момент в дверь раздаётся звонок.

Боже мой! Боже!

Моментально застываю, сердце подпрыгивает. Гена тычет мне в щеку кончиком ножа.

— Будь тихой! — Острая боль внезапно пронзает кожу.

Лицо напротив напрягается, скулы под жирной кожей вздуваются, а глаза со страхом мечутся то по мне, то по стене рядом.

— Оля, — голос Давида из-за двери вызывает сильнейший толчок в груди.

Он пришел! Он здесь.

— Давид, — кричу во всё горло и тут же слепну от удара по лицу.

Перед глазами разлетаются мушки, в голове звенит, словно рядом раздался удар по колоколу, и я оглохла.

— Молчи, — цедит псих испуганно, — заткнись, иначе порежу!

Рыдания вырываются наружу одновременно с громким ударом по двери. Генка оборачивается, а я, пользуясь моментом, выворачиваюсь из его захвата и со всей дури спихиваю его на пол. Не чувствуя ног, поднимаюсь и бегу через коридор. Слышу, как он громко сматерившись, тяжело торопится следом. Дрожащими пальцами открываю замок и влетаю в руки Давида.

— Оля, — надрывно выдыхает он, тревожно всматриваясь в мое лицо. — Что это?

Перед глазами плывёт от слёз, я тычусь ему в грудь, не веря, что он здесь.

— Давид, — всхлипываю, а потом чувствую, как его тело каменеет.

Становится твердым как гранит. Позади раздаётся шум.

Испуганно вскидываю голову, наблюдая за тем, как он смотрит поверх меня, чтобы уже через секунду рывком отодвинуть меня в сторону.

— Ах ты сука! — вылетает из его рта.

Всё, что происходит дальше кажется нереальным.

Давид вытаскивает Гену на площадку, тот толкает его к соседской двери и замахивается ножом. Под мой оглушительный визг, Давид уворачивается, но лезвие успевает полоснуть его шею. Прикрывая рот руками и коченея от ужаса, смотрю как окрашивается его кожа в красный. Забиваюсь в угол спиной, едва не теряя сознание. Вжавшись лопатками в стену, наблюдаю, как повалив пьяного ублюдка на пол, Давид методично избивает его.

— Мразь! Сукин сын! Ублюдок! — выдавливает сквозь зубы, склоняясь над закрывающимся от ударов Геной.

— Господи, что здесь происходит? — момент, как из квартиры показывается соседка, я пропускаю, — Оленька, что же это? Ох, полиция, полиция, срочно сюда, — тараторит, диктует адрес, — и скорую берите. Скорую!

Скорую... Давид..

Боже мой... Моментально придя в себя, подскакиваю к слетевшему с катушек Давиду и хватаю его за плечи.

— Давид, хватит! Пожалуйста, хватит, — умоляю сквозь слезы, пока он превращает лицо Гены в красное месиво. Только не это! Не из-за какого-то больного извращенца попасть в тюрьму, — Давииииид!

Тяну его, пока наконец, у меня не получается.

Хватаю его за плечи, обнимая и рыдая, как обезумевшая.

Пошатываясь, Дав встаёт, находит меня дикими глазами и рывком прижимает к себе.

Молча, до боли стискивает, пока я лихорадочно обнимаю его за талию. Вжимаюсь

лицом в его подпрыгивающую от быстрого биения сердца грудь, и отпустить боюсь.

— Я здесь, — отчаянный шепот мне в ухо, — я здесь, Оль.

Поднимает мое лицо, обхватив его ладонями и проводит по моей щеке.

— Болит? — спрашивает, трогая костяшками дрожащих пальцев кожу.

Наверное, там синяк, но я не ощущаю абсолютно никакой физической боли.

— Нет.

Рывок, и я снова прижата к его груди и дышу любимым запахом.

— Сука, — выдыхает надсадно, пока где-то там на заднем плане причитает соседка.

Оля

— Оля, Оленька, — мама, протискиваясь между полицейскими, подбегает ко мне. — Господи, девочка моя.

В ужасе осматривает моё лицо, и прикрыв рот рукой, всхлипывает. Рана от пореза ножом уже начала затягиваться, а вот синяк останется надолго. Я успела рассмотреть его в зеркале после того, как меня осмотрел врач скорой помощи.

Порез же Давида на шее оказался чуть более глубоким. Доктор сказал, что он родился в рубашке, потому что до яремной вены нож не дотянул всего пол сантиметра.

— Мне всё рассказали, — плачет мама, обнимая меня и качаясь из стороны в сторону, — бедная моя девочка. Мне так жаль, так жаль!

Я обнимаю её, а сама смотрю на Давида, сидящего рядом на стуле. Нас с ним привезли в отделение. Я написала заявление на папиного знакомого, моим родителям позвонили сразу же по приезду, а Давид сказал, что его семью тревожить не надо. Он сам во всём разберется.

Рассказав следователю как всё было, дал показания и пообещал, что в случае вопросов будет в отделении по первому требованию. Но нас заверили, что всё должно быть нормально. Соседка Нина Георгиевна встала на нашу сторону. Сказала, что «этот алкаш часто шлялся в нашем подъезде и размахивал ножом перед лицом парня», цитирую.

Главное, что Давиду ничего не грозит, потому что хоть он и превратил лицо Гены в месиво, но внутренние органы мужчины не пострадали. Я бы с ума сошла, если бы из-за меня его жизни и свободе грозила опасность.

Мама забирает нас домой на такси. Я не могу отпустить руку Давида, поэтому ему приходится ехать вместе с нами. Костяшки на его пальцах сбиты, на шее повязка, которую ему наложили врачи сразу же по приезду. Не знаю, как он будет всё это объяснять родителям...

Пока едем, он крепко сжимает мои пальцы, а сам смотрит в окно.

— Заходите, — суется мама, — я даже не знаю, как Вас благодарить, Давид. Если бы не Вы...

Всхлипнув, она идет в ванную, а мы проходим в кухню. Оба молчим. Дав тяжело садится на стул, я встаю напротив него, а он обнимает меня за талию.

— Ты как? — спрашивает, задрал голову.

Убираю волосы с его лба и пожимаю плечами.

— Если бы не ты, было бы гораздо хуже...

Дверной замок щелкает, слышатся шаги, а потом на кухню заходит папа. Молча окинув нас взглядом, опускается на стул и роняет лицо в ладони.

Он приехал в отделение раньше мамы. Увидев меня и Гену, смотрел на нас несколько секунд, словно не верил, а потом бросился на него с кулаками. Кричал что-то, но я не слышала, потому что забила в угол и зажала руками уши, а его разнимали уже полицейские.

— Пришёл? — шипит мама, возвращаясь на кухню. Вырывает меня из рук Давида, прижимает к себе одной рукой, а второй тычет в папу пальцем, — скотина ты, Витя! Это ты виноват, ясно? Домой всякую шваль водил. До чего чуть дочь свою не довёл?

Папа поднимает голову и вперившись в неё озлобленными глазами, встаёт со стула.

— Да это ты, Марина! Ты! Сутками шляешься где-то вместо того, чтобы за детьми смотреть. Мужика нашла себе, а на дочерей хер положила!

— При чём здесь это? — вскрикивает мама, — Ты её отец, должен был оберегать! Не видел что ли, как этот твой дружок смотрел на неё? Такое с первого раза не происходит. Оля в полиции сказала, что он уже пытался с ней сблизиться, да, Оля? — поворачивается ко мне.

Киваю, пятясь назад и сбрасывая с себя руку мамы. Глаза снова жгут слезы от их криков и взаимных обвинений. Я и от прошлого потрясения ещё не пришла в себя, а они опять начинают. Даже Давид их не смущает.

— Вот видишь! А ты не замечал ничего, глаза только заливал!

— Рот закрой, Марина! Надо было не ёбаря себе искать, таскаясь от меня налево, а дома сидеть с дочками, тогда бы ничего не случилось.

Ком в горле становится невыносимее, я вжимаюсь в подоконник бедрами и просто хочу исчезнуть. Крепко зажмуриваюсь, чтобы не видеть искаженные злостью лица любимых родителей.

— Если бы ты не пил, ничего бы не случилось! Неужели не понимаешь? Во всём только ты виноват! Ты!

— Ты жена, твою мать! Ответственность на тебе!

— С чего только на мне? Удобно да, переложить на другого человека, а сам?

Резкий удар по столешнице вынуждает меня вздрогнуть, а крики прекратиться.

— Вы оба неадекватные что ли? — наполненный тихой яростью голос Давида заставляет меня открыть глаза. Дав встаёт со стула и нависает надо ними обоими, как коршун, — Да вы же оба виноваты! Хоть один из вас после случившегося поинтересовался у Оли каково ей? Вы — нашли отдушину в алкоголе, — смотрит на папу с презрением, — а Вы, — поворачивается на маму, — в другом мужчине. А кто из вас подумал как справляются с ситуацией в семье ваши дети? У Алисы хотя бы была Оля, а у Оли кто? К кому ей было прийти и сказать о том, что к ней пристаёт взрослый мужик, если вам обоим на неё насрать? — С каждым словом его голос становится громче и припечатывает нас всех троих к полу. — Я предупреждал тебя перестать бухать, — полный ненависти взгляд полосует лицо отца, — к чему это могло привести? Если бы он сегодня её тронул, что бы ты делал?

Мама судорожно втягивает воздух, оборачиваясь ко мне и топя меня взглядом, полным вины.

— Вы повесили на своего ребенка непосильную ношу, и сейчас вместо того, чтобы оба у неё просить прощения, продолжаете сыпать обвинениями друг в друга. Вы не заслуживаете такой дочери, как Оля. Оба не заслуживаете!

Потянувшись ко мне, Давид осторожно тянет меня за руку и прижав к себе, выводит из кухни.

Проводит в комнату, сажает на кровать и опускается рядом. А меня прорывает. Начинаю плакать, пока он обнимает меня и целует волосы. Молча даёт мне возможность выпустить на волю все эмоции, которые на меня сегодня обрушились.

Его мобильный уже в который раз за вечер вибрирует в кармане, но он снова не отвечает. Не знаю, как он ушел из дома и почему, но если бы не он...

Крепче цепляюсь деревянными пальцами за его футболку и вжимаюсь в его шею. Давид тянет меня на себя, опирается спиной на стену и долго-долго держит в своих руках, пока я не успокаиваюсь.

Лежу на его груди, слушая, как размеренно бьётся его сердце. Такое родное и близкое...

а на самом деле чужое. Не моё и никогда моим не будет.

Прикрываю глаза, а потом едва заметно вздрагиваю, когда снова слышится вибрация.

— Ответь, — приподнимаюсь, — наверное, твои родители волнуются.

— Потом. Ложись обратно.

Я ложусь, потому что сама этого хочу. Сегодня можно.

Мы перекладываемся иначе. Давид ложится на бок и обнимает меня со спины, пока я, уюможившись в его руках, смотрю в одну точку.

Внутри всё звенит, эхом отдаваясь в голове. Мыслей нет. Они все разлетелись, сосредоточившись только лишь на том, что я чувствую. А чувствую я тепло тела Давида. До дрожи в пальцах любимый запах. Его тихое дыхание.

— Мне жаль, Оль, — через какое-то время произносит он, касаясь губами моего затылка.

Я понимаю, что сейчас он не про Гену...

— Тебе влетит за то, что ты ушёл, — отвечаю тихо.

— Мне все равно.

Поворачиваюсь в его руках и трогаю напряженные скулы. Он прикрывает на миг глаза.

— Как ты всё объяснишь? Ты оставил Ани, гостей... Твои родители не поймут.

— Это не важно.

— Спасибо тебе... — шепчу задушенно.

— Оль, — замолкает, а у меня сердце навывлет колотится, когда смотрю в его глаза, — я тебя...

— Не надо, — быстро переносу пальцы ему на губы и накрываю их, — пожалуйста, не надо. Всё изменилось. С того момента, как я увидела её, всё больше не так, как раньше.

По лицу Давида проходит тень.

— Знаю.

— Раньше, — произношу то, что разъедало мысли, пока я ехала домой, — раньше она была просто девушкой, далекой, незнакомой. А сегодня, когда я увидела её рядом с тобой... увидела вас вдвоём и представила, что всю оставшуюся жизнь она будет твоей женой, меня это сломало. Оказывается, я не знала на что иду и до конца не верила...

По моей щеке скатывается слеза, а Давид стирает её. Я чувствую, как набирает темп биение его сердца, как тяжело приподнимается грудная клетка.

Я и в правду, не понимала, полагая, что всё можно изменить за эти три месяца. Когда не видишь чего-то, кажется, что его не существует. Вроде бы веришь, но оставляешь себе возможность принять и другую реальность.

— Я больше не смогу, — слова раздирают горло, пока произношу их, сердце задыхается от боли, — не смогу так...

Очередной мой всхлип прерывает Давид. Вжимается своими губами в мои и целует. Отчаянно, в последний раз. Я каждой клеточкой чувствую, что он последний, поэтому отдаю всё, на что способна. Всю мою невысказанную любовь вкладываю, смешивая поцелуй с солью пролившихся слез, а потом он отрывается от меня и долго смотрит в глаза.

— Я понимаю. Всё правильно, Оль. Всё правильно...

Ещё раз поцеловав, рывком встаёт с кровати и уходит.

С хлопком входной двери я утыкаюсь лицом в подушку, и беззвучно кричу. Секунду, вторую. Меня на части рвёт от потери.

Через какое-то время в комнату тихо входит мама.

Что-то говорит мне, гладит по голове, вероятно думая, что я так тяжело переживаю случившиеся с Геной. Ложится рядом, обнимает меня, просит прощения. Сотни раз извиняется за то, что пропадала, за то, что старалась залечить свои раны, а про меня не подумала. Она тоже плачет, а я впервые за долгое время обнимаю её и чувствую себя нужной ей.

— Покушай, Оль.

Мама ставит на тумбочку тарелку гречки с сосисками, а сама присаживается ко мне на кровать.

Вот уже какой день я будто не живая. Нет, я дышу, хожу в туалет, мой организм выполняет свои базовые функции, но душа ушла. Мне постоянно холодно и плохо. Так плохо, что нет сил вообще ни на что — даже на то, чтобы кушать или вставать.

— Потом.

— Ты всё время говоришь — потом, а еда остаётся не тронутой. Так нельзя, Оля. Понимаю, что ты пережила потрясение, но малыш, если ты не отпустишь ту ситуацию, то сама себя убьёшь, — она снова гладит меня, как маленькую и прижимается губами к моей щеке, — хотя бы немного, дочь!

— Хорошо, я поем.

Вздыхнув, мама встаёт и подходит к стулу, на котором лежит моё платье.

— Я рада, что ты хотя бы на выпускной пойдёшь. Молодец Мариам, что уговорила тебя. Развеешься.

Да, я только из-за Мари и иду туда. Она со слезами на глазах меня просила не оставлять её одну в этот вечер, и я согласилась. При ней я стараюсь вести себя нормально, чтобы она не видела моего состояния, и только когда остаюсь одна могу перестать улыбаться и делать вид, что всё в порядке. Что я готовилась к этому. Что я справляюсь.

Запихнув в себя несколько ложек гречки, чтобы не грохнуться в голодный обморок и снова не перепугать всех вокруг, я надеваю платье, подаренное мне папой.

Пару дней назад он приехал впервые после случившегося. Долго молчал, а потом сказал, что продаёт нашу квартиру. Взамен купит для меня однокомнатную в подарок к поступлению в университет, половину отдаст маме, чтобы они с Алисой могли жить отдельно от бабушки, а часть возьмёт себе и уедет в другой город. Вроде бы как, ему там предложили пойти преподавателем в медицинский университет, и он согласился. После этого достал коробку с платьем и попросил обязательно надеть его, потому что он хотел бы, чтобы я была счастливой в этот день.

Я из последних сил сдерживала слезы, видя его трезвым за такое долгое время и осознанным. В его взгляде впервые за полтора года не было ненависти в мой адрес, а только огромное сожаление. Перед уходом он скупно обнял меня, поцеловав в макушку и мне даже показалось, что очень тихо прошептал «Прости меня», но последнее я могла себе придумать.

Поворачиваюсь к зеркалу и оцениваю свой внешний вид. Наверное, платье ему помогала выбрать мама, потому что село оно идеально. Приталенное с кружевным верхом и пышной короткой юбкой с драпировкой, оно визуально делало меня ещё выше и стройнее. Как сказал бы Давид — платье для стрекозы. Не элегантно в пол, не сдержанное классическое, а с неким задором и легкостью. Точно — моё.

Подчеркнув глаза стрелками и наложив на кожу толстый слой румян, чтобы спрятать ещё не сошедший синяк, я распускаю волосы, решив, что на причёску у меня нет ни сил, ни желания, и в компании мамы отправляюсь на торжественную часть в специально арендованный зал во дворце.

— Какая ты красивая, Оль, — ободряюще шепчет мама, сияющими глазами обводя мой

образ, пока мы ждём такси.

— Ты тоже, — улыбаюсь ей.

Мама, и правда, стала выглядеть снова, как раньше. Оказывается, у неё действительно появился новый мужчина, а с папой они подали на развод.

Около дворца уже толпятся десятки моих одноклассников и ребят из параллельных классов. Все очень красивые, на девчонок нельзя не смотреть с восхищением. А парни — они и есть парни. Кто-то в костюме, кто-то в футболке и джинсах, но все как на подбор — счастливые.

— Оооля, — мы обнимаемся по очереди с девочками, мама отходит к группе родителей. Немного болтаем, в ожидании награждения, а потом приезжает Мариам.

— Привет, — тепло меня обнимает, а я в этот момент перевожу взгляд ей за спину.

Родители Мари стоят поодаль. Тигран Арманович приветливо вскидывает руку, и я посылаю ему в ответ вежливую улыбку. Лусинэ же только недовольно сжимает губы. Кажется, даже здесь ей не нравится.

Быстро оглядываю пространство, но того, кого ищет моё сердце, здесь нет.

— Какая ты красивая, — восторженно шепчет Мари, трогая мою юбку пальчиками.

— Ты тоже!

Ни капли не вру. На подруге элегантное платье в пол изумрудного цвета. Сверху оно почти полностью закрытое, но даже так видно изгибы её стройного тела. Мы все же с ней очень разные, даже в одежде. Но это не мешает моему сердцу щемить от любви к ней.

С началом торжества мы занимаем места в зале. Директор говорит поздравительную речь, следом за ним наши, теперь уже бывшие, классные руководители делятся эмоциями и вытирают скупые слезы, а потом начинается вручение аттестатов. Ребята выходят на сцену, получают свой первый билет в жизнь, как говорит моя мама, и довольные возвращаются на свои места.

Очередь доходит до меня. Я осторожно поднимаюсь по ступеням, чтобы не упасть не дай Бог на каблуках, а когда оказываюсь на сцене вдруг чувствую, как сердце подпрыгивает. Пропускает удар и учащенно колотится. Ладони в миг холодеют, по спине бежит дрожь.

Пока подхожу к директору, благодарю на автомате, забираю аттестат, это ощущение только усиливается. Рецепторы вопят о его присутствии. Направляю взгляд в зал и безошибочно нахожу того, кого почувствовала на расстоянии.

Давид, в компании Демьяна и Саши, сидит на заднем ряду.

Битеев вскидывает руку и бессовестно свистит мне, но я не слышу этого. Вижу только пронзительный взгляд карих глаз и едва не падаю от внезапной слабости.

Быстро спускаюсь со сцены и занимаю своё место. Сердце стучит быстро-быстро, грудь давит.

После окончания вручения оборачиваюсь, но ребят в зале уже нет.

Следующие дни превращаются в сплошную серую массу. На носу вступительные экзамены, я усиленно готовлюсь, но зачем-то каждый день минимум по десять раз смотрю в календарь. Мари сказала, что Давид уезжает в середине июля. Сейчас двадцать шестое июня.

За окном ярко светит солнце, чистое небо не запятнано облаками, а я сижу в кресле и думаю о том, что время уходит. Время, которое мы могли провести вместе. Дни, часы, минуты...

Нет, я поступила правильно, наверное. Моя совесть одобрительно кивает, а вот моё сердце если бы могло, остановилось бы в отместку за ту боль, что я ему причинила.

Оно ненавидит меня. Я и сама себя ненавижу.

Стираю выступившие слезы и в очередной раз прочитываю один и тот же абзац.

Вечером встречаюсь с Мишей, вернувшимся с соревнований. Мы гуляем в парке, он рассказывает как всё прошло. Утром мы с ним едем на речку, а в обед приезжает Мариам.

Домой к бабушке приглашать её мне не хочется, поэтому мы едем на мою старую квартиру и до вечера смотрим фильмы. Мама разрешила мне приезжать сюда, пока риелтор ищет покупателей. Папы все равно здесь уже нет.

Мне немного непривычно быть здесь и не видеть его вещей, но все равно лучше, чем в компании бабушки и сестры мамы.

Весь следующий день я зубрю материал. Мама звонит и напоминает о том, что нужно поесть, но мне не хочется. Ничего не хочется вообще. Просто лечь и выть, что я периодически и делаю. Минуты тянутся безбожно долго.

Выхожу вечером в магазин, только ради того, чтобы просто пройтись. Стены вокруг давят, ощущение, что я схожу с ума. Купив бутылку кефира, долго брожу по улице, дожидаясь, когда стемнеет и можно будет лечь спать.

Проходя мимо сидящей у перехода бабульки, отдаю ей кефир и направляюсь к подъезду.

Иду не спеша, кутаясь в собственные руки, потому что холод внутри меня никак не уходит. Что бы я не делала, кажется, что мне теперь вообще никогда не согреться.

Поднимаюсь на этаж, выхожу из лифта и резко останавливаюсь. Как при переходе из черно-белого видео в цветное, будто оказываюсь в другой реальности.

В груди ощущается сильный удар, сердце взмывает к горлу и застряв там, не пропускает кислород.

На ступенях около моей двери сидит Давид.

Я застываю, и он тоже. Бледный, под глазами синяки, скулы впали.

Не разрывая со мной зрительного контакта, он поднимается. Секунда, вторая, третья... Время не идёт. Застопорилось, и только лишь сердце отсчитывает оглушительные удары.

А потом будто лавину прорывает. Мы делаем шаг навстречу и влипаем друг в друга. Будто у нас одновременно у обоих отказали тормоза и мы летим на сумасшедшей скорости в стену, но даже не видим её. Губы Давида накрывают мои, а я обнимаю его и всхлипнув, прижимаюсь к нему со всей силы.

Не знаю, как открываю дверь. Мы вваливаемся в квартиру, не в состоянии оторваться друг от друга хотя бы на микро секунду. Ток безостановочно пронзают каждую мою клетку. Происходящее кажется нереальным. Мираж. Но жадные поцелуи, которыми покрывает моё лицо Давид держат меня в сознании.

Он приехал. Сам приехал ко мне.

Подушечки пальцев утопают в коротком ежике волос, хаотично гладят его шею и плечи, пока наши языки сталкиваются друг с другом снова и снова.

Внутренняя дрожь охватывает каждый орган.

— Я не могу, — надрывно шепчет Дав мне в губы, — не могу, Оль. Пытался все эти дни. Не думал, ждал, но не смог. — кажется, что он истощен также, как и я, потому что я слышу насколько ему тяжело даётся каждое сказанное слово.

— И я не могу, — хриплю в ответ.

— Скажи, чтобы я ушёл, — сильные руки до хруста сжимают меня.

— Не уходи...

— Скажи, что ненавидишь.

— Я люблю... — шепчу задушенно, а Давид отстраняется.

— И я люблю, — вновь рывком вжимается в мои губы, — Тебя люблю, Оля.

Всхлипнув, я жмусь к нему изо всех своих сил, а потом беру за руку и веду в комнату. Не раздумывая, хватаюсь дрожащими пальцами за полы своей футболки и стягиваю её через голову.

Лицо Давида каменеет. Скулы заостряются.

— Оль... — шепчет, вонзаясь взглядом в мою грудь, спрятанную под лифчиком.

— Давид, пожалуйста.

Потребность в нём затмевает разум, но я четко знаю чего хочу. Завожу руки за спину и сотрясаясь от волнения, расстёгиваю застёжку. Бретельки скользят по моим плечам под прицелом тяжелого взгляда.

— Оля, не надо, — коротко мотнув головой, Дав стискивает челюсть, стараясь смотреть мне в лицо.

— Не заставляй меня просить, — голос ломается, — я не хочу, чтобы у меня о тебе осталась только память. Оставь мне чуточку больше. Стань для меня тем, кем никто не сможет больше стать. Я хочу, чтобы это был ты.

Давид напоминает каменную статую. В глазах столько эмоций и сомнений, кулаки крепко сжаты, но если он откажет, я с ума сойду. Делаю шаг вперед, прижимаюсь к нему. Беззащитная, открытая, как никогда. Чувствую, что вот-вот расплачусь. Кусаю себя за щеку, чтобы этого не случилось, и в этот момент его срывает.

Словно обезумевший, он подхватывает меня под ягодицы. А я облегченно всхлипываю и обхватываю его торс ногами. Наши губы снова врезаются друг в друга. Раскрываются, языки сплетаются. Я не знаю каким должен быть первый раз. Наверное, нежным и трепетным. Вряд ли таким отчаянным и одержимым, но иначе просто не получается.

Мы горим друг другом. Кажется, что стоит хотя бы на сантиметр отстраниться, как кто-то из нас умрёт.

— У меня нет презервативов, — шепчет Давид.

— У меня есть. У родителей точнее. Сейчас, — спрыгнув, на негнущихся ногах спешу в зал.

Едва не врезаюсь в лутку от сильнейшего головокружения. Открываю ящик, где недавно обнаружила пачку презервативов, и крепко сжав её в руке, спешу обратно. Боюсь. Жутко боюсь, что он передумает, но едва вхожу в комнату, как снова оказываюсь в крепких объятиях.

Давид целует меня, подталкивает к кровати, и уложив на неё, нависает сверху.

— Я люблю тебя, — повторяет, глядя моё лицо ладонью.

Я улыбаюсь.

— И я тебя.

Нетерпеливо тяну вверх его футболку. Давид снимает её, бросив куда-то на пол, а потом туда же отправляет джинсы, оставаясь в одних лишь трусах. Тонкую ткань оттягивает твердая эрекция.

Вернувшись на кровать, он берется за пуговку на моих джинсах, и расстегнув их, стягивает по моим ногам.

Остаюсь перед ним в одном лишь белье. Прикрыться мысли даже не возникает. Ведь это Давид.

Он маниакально исследует меня глазами. Склоняется и коротко поцеловав мои губы, опускает голову и нежно берет мой сосок в рот.

Меня электричеством прошибает. Охнув, выгибаюсь и чувствую его твердость на внутренней стороне бедра.

Я давно хотела его, но всегда отгоняла мысль о нашем сексе, потому что боялась. А теперь понимаю, что если не сделаю этого с ним, то никогда себя не прощу. Хочу, чтобы тот, кого любит моё сердце, стал моим первым мужчиной. Чтобы каждый раз, когда я вспоминала о своём первом разе — всплывал образ Давида. Моего Давида...

— Господи, — шепчу, когда он ударяет языком по второму соску и мягко сжимает его губами.

От груди вниз ползут легковоспламеняющиеся фитильки. Целуя мои ребра, Давид тоже спускается ниже. Касается губами живота, кромки трусиков. Осторожно стягивает их вниз и шумно втягивает носом воздух.

— Оль... ты уверена? — голос хриплый, надсадный.

— Да. Только ты...

Издав нечто похожее на мучительный стон, он стаскивает с меня кружево и трогает пальцами клитор. Я зажмуриваюсь и прикусываю губу. Господи, как же это невыносимо приятно. Машинально распахиваю ноги шире, открываясь ему полностью. Пусть видит, как я нуждаюсь в нём. Как хочу его. Его одного.

— Давид, — зову, сглатывая слюну, и он тут же возвращается, чтобы поцеловать меня.

Протиснуть язык в рот, при этом раздвигая мои складки пальцами. Чувствую, как они легко скользят по влаге, и прижимаются к входу.

— Будет больно, — предупреждает он.

— Ничего страшного, переживу.

Выпрямившись, Давид достаёт фольгированную упаковку, разрывает её и снимает свои трусы. В лицо ударяет краска, когда он раскатывает на своём члене презерватив, и возвращается ко мне.

Бесперывно смотря мне в глаза, целует. Гладит клитор, легко надавливает на него,

вызывая там внизу яркие сполохи удовольствия. Растирает по кругу, быстро-быстро, пока я не начинаю стонать. Перемещается и берет его в рот. Обхватывает горячими губами, вырывая из моего рта громкий стон. Хватаюсь одной рукой за стену, а второй за покрывало.

Это что-то невероятное, Боже.

Мощное по своей силе, невыносимое.

Там, где ударяет его язык концентрируется всё мое существо. Дышать получается через раз. Подаюсь вперед, навстречу его губам, стону громко, сама того от себя не ожидая. Кручу головой из стороны в сторону, пока в какой-то момент мое тело не сотрясает крупная дрожь. Чувствую, как под кожей разрываются снаряды, обжигая силой неопишуемого удовольствия.

В этот момент Давид возвращается ко мне. Смотря мне в глаза, приставляет член к моему входу и начинает медленно двигаться вперед.

— Расслабься, ладно?

Киваю, стараясь справиться с распирающими ощущениями. Чувствую, как Давид останавливается.

— Сейчас, — произносит и резко дергается вперед.

Тут же вся сжимаюсь, пораженная острой болью. Утыкаюсь ему в плечо лицом, а ногтями в плечи. Он тоже застывает. Даёт мне время привыкнуть к себе.

— Сильно больно? — спрашивает приглушенно, глядя одной рукой мои волосы. — Оль?

— Нет, — возвращаю голову на подушку, — Говорила же — переживу.

Улыбаюсь, и тут же рвано тяну воздух, когда он слабо толкается вперед. Вроде легче уже. Не режет, просто дискомфортно.

— Точно? — тревога в его глазах заставляет моё сердце щемить.

— Да. Честно. Всё хорошо. Ты со мной, — веду ладонями по взмокшей спине.

Давид всё ещё сдерживая себя, осторожно движется назад, а потом снова вперед. Один толчок, второй. Раскачивается во мне неторопливо, прикипает к губам.

Целую его сама, сталкиваю наши языки, крепко оплетаю ногами напряженное тело. Хочу, чтобы был со мной самим собой. Хочу тоже остаться незабываемой.

Чтобы тоже.... Вспоминал... как я его...

— Люби меня, пожалуйста, — шепчу ему в губы, — как никого люби.

— Люблю, — отвечает он, делая рывок вперед, — как никого.

Мы сплетаемся в одно целое, делиась общим дыханием на двоих, шумными стонами. Моими, пропитанными отголосками боли и удовольствия от того, что это с ним происходит мой первый раз. И его — сдавленными, хриплыми, надсадными. Неистово целую меня, Давид ускоряется. Его толчки становятся четче, ритмичнее, глубже. Сильные руки гладят меня, мнут кожу. Я еле дышу под давлением тяжести его тела, но схожу с ума от щемящих ощущений.

В какой-то момент Давид несколько раз содрогается, простреливая горячим воздухом моё горло, и застывает.

Биение его сердца отдаётся эхом во мне. Моё стучит точно так же. Надрывно, болезненно, отчаянно.

Прижимаюсь к нему крепко-крепко и отпустить боюсь.

— Останешься сегодня со мной?

— Останусь.

Оля

Наверное, нельзя быть такой счастливой, какой была я в этот момент. Это непростительно. Вселенная накажет, я точно знала, но отпустить его не могла. Не в эту ночь.

Мы лежали в обнимку не знаю сколько времени. Я дышала им, грелась, как от самого яркого костра. Всё, что было во мне заморожено, оттаяло.

Давид перебирал моим волосы и молчал, глядя в потолок.

— Мариам говорила, что когда ты ушел в тот вечер, твоя мама была очень зла, — прижимаюсь губами к его плечу.

— Да. Пришлось соврать, чтобы пойти за тобой.

Мари рассказывала, что буквально через десять минут после моего ухода Давид встал из-за стола, ушел говорить с кем-то по телефону, а потом позвонил к себе отца и уехал. Тигран Арманович сказал, что Демьяну нужна помощь с пьяным соседом. А когда Давид вернулся с порезом и сбитыми костяшками эта версия подтвердилась. Он сказал, что написал заявление в полицию и присутствие родителей не обязательно, ведь он уже давно совершеннолетний.

— Если бы ты не приехал тогда... — внутренне вздрагиваю, а Давид резко ложится на бок.

— Я бы приехал. Тогда за столом... это было пиздец как сложно.

Тянусь к нему и коротко целую в губы.

— Давай не будем об этом.

Дав кивает.

— Я покурю пойду на кухню, можно?

— Конечно.

Наблюдаю за тем, как он надевает трусы и джинсы, а потом уходит на кухню. Напряженный, далёкий. Не похожий сам на себя. Причину такого его состояния я прекрасно знаю. Первые эмоции от встречи стихли, и внутри снова поселился страх перед неизбежностью. Теперь, когда я знаю, что потерять его будет не просто больно, это будет сродни маленькой смерти, думать об этом панически страшно.

Но я не жалею о том, что сделала. Ни капли не жалею.

Встав с кровати, надеваю трусики с футболкой и отправляюсь следом за ним.

Давид курит в открытое окно. Невольно засмотревшись на его спину, подхожу и обнимаю его. Лащусь щекой и вдыхаю запах его кожи.

Поверх моей руки ложится горячая ладонь. Выдохнув облако серого дыма, часть которого попадает в квартиру, Дав гасит сигарету и оборачивается в моих руках.

Опирается бедрами на подоконник и прижимает меня к себе. Думает о чём-то, а я не мешаю. Эгоистично наполняю себя его присутствием. Я устала думать. Так устала. Мне бы просто его рядом и больше ничего не нужно.

— Я завтра скажу отцу, что не женюсь на Ани.

До меня не сразу доходит смысл сказанного. Пара секунд уходит на то, чтобы информация дошла до мозга.

Резко вскидываю голову, подумав, что мне послышалось.

— Что?

Выражение лица Давида прочитать не могу. Только вижу, как в карих глазах жизнь кипит, а сам он сильно напряжен.

— Скажу, что не женюсь, — повторяет отстраненно, убирая с моего лба волосы. Будто усиленно о чем-то размышляет, — Пока проживу у Демьяна или Сани. А как найду работу, сниму нам с тобой квартиру. Мари говорила, что эту квартиру вы продаёте, поэтому найдём съемную. Ты будешь учиться. Если поступишь на бюджет — отлично, а если нет, то тоже не проблема. Можно будет взять подработку, я и в айти последнее время немного разбираюсь. Тогда сможем оплачивать твоё обучение. Сильно шиковать по первой не будем, но это ничего. Со временем всё устаканится, и...

— Подожди, стой, — подаюсь назад, лихорадочно исследуя его взглядом. Сердце оглушает ударами, я ничего не понимаю из всего, что он только что сказал. Слишком большой поток информации для моего воспаленного сознания, — О чём ты?

— О нас.

— Ты не женишься?

Озвучиваю единственное, что выхватило моё обезумевшее сердце.

Давид коротко мотает головой.

— Нет.

Мне кажется, что я начинаю задыхаться. Прикладываю к груди руку, не в состоянии справиться с эмоциями. Эти недели без меня для него тоже были невыносимыми? В груди назревает шар с кипятком, что вот-вот выплеснется наружу.

Он сделает это ради меня? Нарушит традиции их семьи? Не сдержит данное родителям обещание?

На то, чтобы переварить нет времени. Поддавшись порыву, бросаюсь Давиду на шею, и не справляясь со слезами. Они текут по щекам, а я только чувствую, как он крепко меня обнимает. Весь натянутый, как струна, собранный, словно зверь перед прыжком.

— Я люблю тебя, — шепчу, покрывая его лицо короткими поцелуями. — Люблю.

— И я тебя, — отвечает на мои поцелуи, а потом вдруг обхватывает мой затылок и проталкивает в рот язык.

Целует глубоко, жестко, надрывно. Губы пекут от его щетины, но мне плевать. Мы будем вместе! Я и он!

— Нам не надо снимать квартиру, — отстраняюсь, заглядывая в черные глаза, — папа подарит мне однокомнатную после продажи этой.

Молча кивнув, Давид не выглядит слишком счастливым.

— Тогда уже легче. Но мне всё равно вещи свои нужно куда-то перевезти на это время будет.

— Зачем? — не понимаю я.

Долгий взгляд глаза в глаза, а потом Давид снова тянется за сигаретой. Подкуривает ей и отворачивается к окну.

— Потому что родители не примут этого моего решения.

— Как это?

Мариам всегда говорила эту фразу — «Наша семья не примет другой крови. Они не смирятся, если кто-то из нас свяжет судьбу не с армянином или армянкой». Я думала это что-то типа давней традиции, переходящей из рода в род. Непонятной мне, но всё же. Понимала, что у них так принято, но никогда не задумывалась над сутью. Просто правило, которое нельзя нарушать... а почему нельзя я не знала.

— Не важно, Оль. Просто мне нужно будет съехать и где-то жить по началу, а дальше справимся. Единственное, — он оборачивается, и я застываю под тяжестью его взгляда, — Мариам вероятно запретят с тобой общаться. И со мной тоже.

Что?

— Да бред, — вырывается из меня несдержанно. Внутри меня происходит взрыв за взрывом, — она не станет этого делать. А твои родители тебя любят. Я понимаю, что будет скандал, — начинаю вслух размышлять, стреляя как из пулемета словами, — но я пойду с тобой. Мы поговорим с ними вместе. Всё объясним. Возможно, по началу они будут злиться, но я уверена, что потом смирятся. Ты бы видел, как твой отец на тебя смотрит. — Лицо Давида на миг искажается, и он отворачивается. Нервно втягивает в легкие никотин. — Он любит тебя. Очень любит.

Его челюсть крепко сжимается, желваки вздуваются, грудь тяжело поднимается и опускается.

Понимаю, что он переживает. И с Ани выйдет ужасно некрасиво. Но это будет правильно. Разве она была бы счастлива проживать жизнь с человеком, который её не любит? Эта девушка обязательно встретит того, кто будет любить её так, как мы с Давидом любим друг друга. Я верю в это, потому что я она замечательная девушка, воспитанная, умелая, хозяйственная.

К своему удивлению, я вдруг перестаю испытывать к ней отрицательные эмоции. Счастье внутри меня осветило всё в светлые тона, и я перестала думать о ней, как о той, кто проведет с Давидом всю жизнь.

— Всё будет хорошо, — произносит Дав, притягивая меня к себе рукой и целуя в висок, но говорит это будто самому себе, а не мне, — мы справимся.

Жмусь к нему изо всех сил и улыбаюсь.

— Обязательно.

Засыпаем мы в обнимку на моей небольшой кровати. Переплетая руки и ноги, будто срастаемся друг с другом в одно целое. Впервые за долгое время я сплю очень крепко, уткнувшись в шею моего любимого человека носом.

Разговор с его родителями меня пугает, но не настолько сильно, как жизнь без него. Как сказал Давид — мы справимся.

Утром он уезжает в университет. Сегодня у него экзамен и встреча с куратором.

А я, приняв душ, готовлю завтрак, представляя какой будет наша с ним совместная жизнь. Улыбаюсь, как ненормальная и ничто не в состоянии стереть эту улыбку. Я умереть готова была за то, чтобы услышать от него фразу «Я не женюсь». И он её сказал...

Ради меня. Ради нас решил пойти на такой шаг.

Уронив лицо в ладони, счастливо смеюсь. Всё ещё не верю. Но отчаянно пытаюсь.

Ставлю чайник, чтобы заварить себе чай, когда в дверь вдруг раздаётся звонок.

Витая в облаках, даже не задумываюсь о том, кто это может быть. Соседка ли, или Мариам? Мне все равно, если честно.

Спешу открыть дверь, но тут же застываю на пороге.

— Лусинэ? — вылетает из меня нервно.

Женщина, окинув меня презрительным взглядом, бесцеремонно входит в мою квартиру.

— Поговорить нужно, Оля, — бросает через плечо и не разуваясь, проходит по коридору.

Заглядывает в комнату, и я вижу, как с отвращением морщится её лицо при виде не

застеленной кровати.

Тревога внутри меня закручивается мгновенно, но я стараюсь подавить её, потому что теперь на моей стороне Давид. Он сделал свой выбор, и бояться мне нечего.

Закрыв дверь, прохожу на кухню, а Лусинэ входит за мной.

— О чём Вы хотели поговорить? — оборачиваюсь, встречаясь с ней взглядом.

— Я так понимаю, что Давид сегодня ночевал у тебя? — произносит холодно.

Уверенно киваю.

— Да.

Сильно стиснув губы, она бросает свою сумку на мой стол.

— Сядь, Оля, — говорит приказным тоном.

— Мне удобно и так.

— Сядь, сказала.

Не знаю почему, но я опускаюсь на стул. Будто мне на плечи ложится неподъемная тяжесть и буквально придавливает к месту. Мать Давида подходит и становится прямо напротив меня.

— Думаешь, ты такая умная? — цедит, смотря на меня сверху вниз, — Считаешь, если Давид таскается к тебе каждый день, то женится? Ошибаешься!

Отрицательно мотаю головой.

— Я не прошу его жениться.

— Это сейчас. Потом попросишь. Но он не женится. Знаешь почему? Потому что ты для него игрушка, Оля. Девочка, с которой можно провести хорошо время.

— Это неправда. Давид любит меня, — цежу сквозь зубы и вздрагиваю от неприятного смеха.

— Может быть, ты так думаешь.

— Нет, — резко встаю, до боли сжав кулаки. — Давид любит меня. Он сам мне сказал. И он не женится на Ани. Потому что это кощунство жениться на той, кого не любишь. А вы, как любящая мать, его поймете. Ведь вы хотите ему счастья, правда?

— Какая ты дура! — опешиваю от такой грубости и теряюсь, но Лусинэ не даёт мне возможности даже в себя прийти, — Думаешь, я не люблю его? Счастья ему не хочу? Это я и делаю, когда пытаюсь уберечь его от тебя! Ты же своей пустой головой не понимаешь, что значит пойти против семьи. Это у вас здесь женятся и разводятся когда захотят, а у нас так не принято! Если женился, то на всю жизнь. Женщину после развода в собственной семье уже не примут, поэтому к браку у нас относятся серьезнее. Как и к той, на ком женятся. Даже если Давид сейчас откажется от Ани, то на тебе не женится никогда. Разве он захочет это сделать, если вся семья от него отвернется? Вся, не только мы с Тиграном. Его на порог не пустит ни один член нашей семьи. Останься он один — последняя о ком он будет думать — это ты.

— Как Вы можете так говорить? — шокировано вскрикиваю, — Разве можно отказаться от собственного сына только потому, что он влюбился в человека, не угодного Вам?

— Ты живешь в своем мире и не желаешь видеть, что существуют другие миры и традиции. Если Давид хотя бы заикнется отцу о том, что выбрал не армянку, он его из дома вашей погонит. Ты этого хочешь?

— Да как же... — лепечу, а сама лихорадочно вспоминаю слова Давида о том, что ему нужно будет перевести свои вещи.

Меня бросает в холод, по спине струится мороз.

— Да так! Не ты первая, кто считает, что может влезть в годами выстроенные устои. Не ты последняя. Но жить с этим потом МОЕМУ сыну! Сыну, которого не пустят больше на порог никто из нашей семьи. Ты дрянь эгоистичная, подумала об этом?

— Это неправда! Нельзя так поступать! Вы не сможете. Хотя может быть Вы как раз и сможете, — тут же исправляюсь, потому что понимаю, что эта женщина, наверное, действительно смогла бы отказаться от своего ребенка, — но не Тигран Арманович. Он справедливый и любит Давида. Он не поступит так с родным человеком!

Карие глаза, испещренные морщинами, сощуриваются.

— Ты в это свято веришь?

— Да!

— Ну что ж. Пойдём.

— Куда? — торопю, смотря, как она тянется за своей сумкой.

— Снимать твои розовые очки.

*Останусь теплом на губах, Останусь пламенем в глазах, В твоих руках дыханием ветра.
Останусь снегом на щеке, Останусь светом вдалеке, Я для тебя останусь — светом... (с)
Город 312 — Останусь*

Не знаю, как я одеваюсь и расчесываюсь. На автомате сажусь в такси, вызванное Лусинэ и еду молча, сидя рядом с ней.

В памяти всплывает наш ночной разговор с Давидом. Его тревога, сочащееся напряжение, фразы о том, что мы справимся. Неужели это правда? Неужели он готов быть со мной, зная, что его ждёт такая участь?

Сердце раздувается от боли и любви к нему. А ещё ноет. Изводится в страхе, потому что я все ещё надеюсь, что это неправда. Что любящие родители не смогут отказаться от своего ребенка.

Прихожу в себя, когда такси останавливается у «Ахтамара».

Выбираюсь на улицу, осматриваясь по сторонам.

— Зачем мы здесь?

Выйдя из машины, Лусинэ становится рядом.

— Ты же думаешь, что Тигран пойдёт против традиций ради семьи? — надменно окатывает меня взглядом, — Так я тебе покажу как на самом деле обстоят дела. Может, тогда ты поумнеешь и поймешь, что ждёт Давида в будущем. Дай свой телефон.

Машинально разблокирую его и вручаю ей. Она вводит какой-то номер, звонит на него, а когда из её сумки доносится мелодия, отдаёт мне его обратно.

— Трубку не бросай, — достаёт свой мобильный и принимает вызов. — Подождёшь здесь.

Оборачиваюсь по сторонам и отхожу немного подальше от входа. Ребра вибрируют от галопа, которым скачет сердце, я дрожу, не понимая, что она будет делать, а потом слышу в трубке голоса.

— Лусинэ? — удивленный Тиграна Армановича.

— Здравствуй, — и уважительный, мягкий матери Давида.

— Проходи. Ты как здесь?

— Да вот решила зайти в универмаг, посмотреть Мариам платья к поступлению. Скоро экзамены, может присмотрю что-то достойное.

— Конечно. Если что придется по душе, можно будет приехать с дочкой, пусть бы выбрала себе то, что понравится.

— Я тоже так подумала. Сейчас сама прогуляюсь, приценюсь, а потом с ней приедем. Как твои дела? Устал?

— Да не успел еще, — смеётся мужчина, — пару часов как рабочий день начался.

— Да-да, ты прав. Это я уже успела и по магазинам пройтись и с Зарой по телефону поговорить.

— Да? Как она? Давно не слышал ничего от неё.

— Да всё так же. Родителей твоих видела не так давно. Говорит в неподходящий момент в гости зашла.

— Почему?

— Они как раз уборку делали, а Зара увидела твои альбомы детские, попросила

посмотреть. Знаешь же, как она любит нос своей сова везде?

Тихое хмыканье служит подтверждением.

— Ну вот, листала-листка, и на снимок Лейлы наткнулась.

— Лейлы? — тон Тиграна Армановича вдруг опускается на несколько октав. — Откуда?

— Выяснилось, что твоя мама не смогла от всех снимков избавиться, как требовал ваш с Лейлой отец после того, как она замуж вышла за того поляка. Оставила одну и спрятала под какой-то другой фотографией. И тут она выпала, — крепче прижимаю к уху трубку. Лейла? Ваш отец? О чем она говорит? — в общем, папа Азат разорвал её на части и прямо в маму бросил. Жаль так её, — слышу в её голосе сострадание, но поверить не могу. Ни в него, ни в слова.

Тигран Арманович шумно выдыхает.

— Отец не прав, конечно. Но и мать... зачем было оставлять снимок, если столько лет прошло?

— Я думаю, она все еще любит Лейлу. Ведь материнское сердце нельзя успокоить даже спустя многие годы. Как она там, твоя сестра? Счастлива ли, жива ли? Неизвестно ведь ничего о ней.

— Лусинэ, давай не будем, — обрубает мужчина, — Это был её выбор — выйти замуж. Она знала на что идёт. Если тот её Яков...

— Якуб.

— Да какая к черту разница? Если тот Якуб был ей важнее, чем вся наша семья, то это её решение.

— Но она ведь приезжала потом к вам, хотела поговорить. Давиду тогда три года было, помнишь? Но её и на порог не пустили твои родители. И ты тоже. Ты ведь брат. Может нужно было бы узнать не нужна ли ей помощь сейчас? Связаться как-то?

— Нет у меня сестры. Уже больше двадцати пяти лет, как её нет. И знать о ней я ничего не хочу.

Рука с телефоном тяжело опускается вниз, я едва на ногах стою. Смотрю невидящим взглядом на дорогу, по которой проезжают машины, а сама будто в пропасть лечу. Всё вокруг смазывается в серую кляксу, дома, люди, здания. Становится уродливым и отталкивающим.

Голос Тиграна Армановича звучит в ушах похоронным маршем.

«Нет у меня сестры».

Нет сестры... И Давида не будет. По щеке стекает слеза, я напололам сгибаюсь от ужаса происходящего. Они ненормальные. Отказаться от сестры только потому что она выбрала любимого человека сердцем... бросить её. Ни разу не поинтересоваться как её жизнь. Может заболела, или осталась совсем одна? А что если он её бросил? Что если ей помощь нужна была, но всем, включая её собственных родителей было наплевать?

Осознание приходит резко, будто мне вскрывают черепную коробку и вталкивают его туда насильно. Это не простые традиции и устои, как я думала. Это что-то гораздо более глубокое. Непонятное мне, чужое.

Они не простят Давида. Не простят, если он выберет меня. Отвернутся и никогда не пустят на порог своего дома, как бы его отец его не любил.

А я бы могла любить его за них всех вместе. Моей любви хватило бы с лихвой, если бы... Если бы я была уверена в завтрашнем дне. Если бы точно знала, что всё будет хорошо, что мы будем вместе до самой старости и умрем в один день. А я не знаю этого.

Завтра, через год, через два может произойти что угодно. Неизлечимая болезнь, авария, что-то, чего невозможно предсказать и тогда он останется один. Один в этом большом мире, без возможности встретиться с родными и близкими людьми. И как бы не любила его Мариам, она не сможет противостоять родителям, потому что даже сейчас делает все, что говорит ей мать.

Мне становится физически плохо. Сердце хватает, больно сдавливает, и я берусь за него, чтобы хотя бы как-то облегчить это давление.

Я не смогу так поступить с Давидом. Не смогу заставить его выбирать и потом всю жизнь жить и ждать, что он однажды скажет мне, что сделал неправильный выбор. Что разочаруется во мне и будет винить в том, что остался один.

Нет, он этого не сделает. Никогда не скажет мне такого, я точно знаю, но все равно не смогу поставить его перед выбором.

Пячусь назад, подальше от ресторана. Обхватив себя руками, бреду вперед, не видя и не слыша ничего, что происходит вокруг. Во мне всё словно отключается. Сердце тарахтит из последних сил, но чувств и эмоций нет. Я спрятала их так глубоко, что даже сама сейчас не смогу отыскать.

Дохожу до университета, в котором учится Давид и сажусь на скамейку. Жду час, два, три. А когда вижу его выходящим из здания, встаю на отказывающие ноги и иду к нему.

Заметив меня, он слегка удивляется, но тут же улыбается.

— Оль? — подходит и целует меня в губы. Я не чувствую даже этого. — Ты как здесь?

— Встретить тебя хотела. Нам поговорить нужно, — проговариваю ровно.

Тень тревоги проскальзывает на его лице, а взгляд становится более цепким и сосредоточенным.

— О чём?

— Пойдём на набережную, ладно?

Не дожидаясь согласия, разворачиваюсь и иду к переходу. Чувствую, исходящее от Давида напряжение, но выстроив вокруг себя невидимую стену, не позволяю ему проникнуть и в меня.

Мы переходим дорогу, молча спускаемся по ступеням и останавливаемся в тени широкого ветвистого дерева.

Я оборачиваюсь.

— Оля, в чем дело?

Карие глаза исследуют моё лицо, мечутся между глазами и губами.

— Давид, я подумала над нашим ночным разговором, — звучу уверенно, — и поняла, что не смогу так.

— Что это значит?

— Ты сказал, что твоя семья этого не примет. Это так?

— Да.

— То есть, они не захотят тебя больше никогда видеть?

Стиснув губы, он кивает. Где-то в глубине меня взрывается боль, но я глушу её. Потом. Всё потом.

— Так вот, я не могу так, — осмеливаюсь взглянуть ему в глаза, чтобы даже мысли не допустил, что всё, что я скажу может быть ложью, — мне только исполнилось восемнадцать лет. Я поступаю в довольно престижный университет и хочу хорошо выучиться. Найти достойную работу, устроиться в жизни. Я не знаю, что меня ждет впереди, но моя жизнь

только начинается. Я не могу гарантировать, что через год или два я не влюблюсь в кого-то другого. Возможно, этого и не произойдет, но я всю жизнь, живя с тобой, буду нести печать ответственности за то, что лишила тебя семьи. Это слишком тяжело для меня. Я не готова к такому. Ты дорог мне, очень важен. Но возможно, мои чувства не на столько сильны, как я полагала. Или может, я просто привыкла к мысли, что мы вместе только на три месяца и потом каждый пойдёт своей дорожкой. Не знаю. Но очень надеюсь на твоё понимание.

Неподъемный, но поросшей коркой льда взгляд Давида царапает мое лицо. Раздирает его до кровавых борозд, будто пытается пробраться внутрь и увидеть мои истинные чувства.

Потерпи, сердечко, не стучи так громко, я должна выдержать эту маску до самого конца.

— Оля...

— Давид...

Наши взгляды сталкиваются. Его — недоверчивый, и мой — уверенный на все сто.

— Ани ждёт тебя и готова разделить с тобой всю жизнь. Пообещай мне, что будешь счастлив!

Секунда, вторая, третья. Я медленно умираю, картинка перед глазами смазывается, сердце работает на износ, но я держусь. Он должен поверить. Должен...

И он верит... Давид отступает на шаг, и я чувствую, как тот магнит, что на протяжении многих месяцев держал нас, с треском ломается.

— Обязательно, — отвечает надрывно, — Ты тоже, Оль. Будь счастлива.

— Я буду.

Мы всё еще смотрим друг на друга, а потом он разворачивается и уходит. Плывающим взглядом смотрю ему в спину. Сердце болит, кровоточит, дергается в агонии, потому что я только что оторвала от него половину и навсегда оставила её у Давида. Веду его глазами, пока он не скрывается из поля зрения. Только сейчас могу осесть прямо на землю и уткнуться лицом в ладони.

А через два месяца на странице Ани появляется их свадебное фото. Невеста в красивом белом платье, Давид в строгом чёрном костюме. Она улыбается с любовью и робостью, смотря на него, а взгляд Давида направлен прямо в камеру. Ровный и сдержанный.

— Я надеюсь, ты будешь счастлив, — шепчу, проведя пальцами по экрану мобильного.

Несколько мгновений смотрю на снимок, а потом стираю слезы со щек, отписываюсь от Ани с Давидом и удаляю его номер.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net